

Учредитель

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

Издатель

Челябинский филиал
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

Соиздатель — Южно-Уральский
государственный университет

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА**Главный редактор**

доктор политических наук, профессор
Сергей Григорьевич Зырянов
(Челябинск, Россия)

Заместитель главного редактора

доктор философских наук, профессор
Александр Степанович Чупров
(Благовещенск, Россия)

Заведующий рубрикой философии

доктор философских наук, профессор
Сергей Валентинович Борисов
(Челябинск, Россия)

Заведующий рубрикой политологии

доктор политических наук, профессор
Сергей Григорьевич Зырянов
(Челябинск, Россия)

Заведующий рубрикой экономики и управления

доктор экономических наук, профессор
Ирина Викторовна Лаврентьева
(Челябинск, Россия)

Заведующий рубрикой социологии

доктор философских наук, профессор
Елена Викторовна Грунт
(Екатеринбург, Россия)

Заведующий рубрикой государства и права

кандидат юридических наук, доцент
Алексей Валерьевич Ильных
(Челябинск, Россия)

Заведующий рубрикой культуры

доктор исторических наук, профессор
Сергей Сергеевич Загребин
(Челябинск, Россия)

Заведующий рубрикой истории

доктор исторических наук, профессор
Дмитрий Владимирович Тимофеев
(Челябинск, Россия)

Ответственный за международные контакты

доктор философских наук, профессор
Сергей Валентинович Борисов
(Челябинск, Россия)

Ответственный секретарь

кандидат философских наук
Александра Александровна Бобрик
(Челябинск, Россия)

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-48298 от 24.01.2012 г.
выдано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций.

Дата выхода номера: 27.02.2019 г.

Формат 70×108 1/16

Усл. п. л. 12,25. Тираж 500 экз.

Заказ № 39/98.

Издание подготовлено к печати и отпечатано
в Издательском центре ЮУрГУ.
454080, г. Челябинск, пр. Ленина, 76.

16+

СОЦИУМ**Подопригора Александр Васильевич**

Искусственный интеллект как дискурс
самопознания и самоорганизации
цифрового социума..... 7

Нехамкин Валерий Аркадьевич

Внешние аналоговые модели
в социальном познании:
причины возникновения, типология,
перспективы использования 21

Кох Иван Адамович,**Мельник Александр Викторович**

Социальные сети
как средство коммуникации
в образовательной среде вуза..... 31

Банная Галина Алексеевна,**Зайцева Екатерина Васильевна,****Костина Светлана Николаевна,****Кузьмин Александр Иванович**

Образ многодетной
матери в пространстве
русского Интернета 42

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Философия

- С. В. Борисов* — доктор философских наук, профессор
(г. Челябинск, Россия)
- Е. В. Грунт* — доктор философских наук, профессор
(г. Екатеринбург, Россия)
- Ю. Г. Ершов* — доктор философских наук, профессор
(г. Екатеринбург, Россия)
- Виктория Лезьер* — доктор философских наук, профессор
(г. Форкалькейре, Франция)
- В. Г. Ледаев* — доктор философских наук, профессор
(г. Москва, Россия)
- А. Н. Медушевский* — доктор философских наук,
профессор
(г. Москва, Россия)
- А. В. Павлов* — доктор философских наук, профессор
(г. Тюмень, Россия)
- В. Д. Попов* — доктор философских наук, профессор
(г. Москва, Россия)
- Г. Л. Тульчинский* — доктор философских наук, профессор
(г. Санкт-Петербург, Россия)
- А. С. Чупров* — доктор философских наук, профессор
(г. Благовещенск, Россия)

Политология

- С. Г. Зырянов* — доктор политических наук, профессор
(г. Челябинск, Россия)
- А. В. Павроз* — доктор политических наук
(г. Санкт-Петербург, Россия)
- А. В. Понеделков* — доктор политических наук,
профессор
(г. Ростов-на-Дону, Россия)
- О. Ф. Русакова* — доктор политических наук, профессор
(г. Екатеринбург, Россия)
- Грегори Саймонс* — доктор философии, профессор
(г. Упсала, Швеция)
- А. Ю. Сунгуров* — доктор политических наук, профессор
(г. Санкт-Петербург, Россия)

Социология

- Н. Б. Костина* — доктор социологических наук,
профессор
(г. Екатеринбург, Россия)
- Сабина Лисица* — доктор, профессор
(г. Ариэль, Израиль)

Юриспруденция

- В. Г. Графский* — доктор юридических наук, профессор
(г. Москва, Россия)
- А. В. Ковбан* — кандидат юридических наук, доцент
(г. Одесса, Украина)
- С. В. Кодан* — доктор юридических наук, профессор
(г. Екатеринбург, Россия)
- А. Б. Сергеев* — доктор юридических наук, профессор
(г. Челябинск, Россия)

Экономика и управление

- О. В. Артемова* — доктор экономических наук,
профессор
(г. Челябинск, Россия)
- Л. М. Байтенова* — доктор экономических наук
(г. Алматы, Казахстан)
- Л. М. Муталиева* — кандидат экономических наук
(г. Астана, Казахстан)
- И. В. Лаврентьева* — доктор экономических наук,
профессор
(г. Челябинск, Россия)
- Т. Ю. Савченко* — кандидат экономических наук, доцент
(г. Челябинск, Россия)

Культурология

- С. С. Загребин* — доктор исторических наук, профессор
(г. Челябинск, Россия)
- А. Н. Лукин* — кандидат культурологии, доцент
(г. Челябинск, Россия)

История

- С. В. Нечаева* — кандидат исторических наук, доцент
(г. Челябинск, Россия)
- С. С. Смирнов* — доктор исторических наук, профессор
(г. Челябинск, Россия)
- Д. В. Тимофеев* — доктор исторических наук, доцент
(г. Челябинск, Россия)

Липская Лариса Алексеевна

Факторы распространения
деструктивного поведения
в подростковой среде.....53

Радина Надежда Константиновна

Сравнительный анализ
электронных петиций
в защиту животных
на цифровых платформах
РОИ и Change.org.....60

ВЛАСТЬ

Мошкин Сергей Вячеславович

Коррупция в России:
институциональные основания.....72

Беляев Александр Васильевич

Причины, способы,
средства использования
социально-административного
моббинга 79

ЭКОНОМИКА
И УПРАВЛЕНИЕБурянина Оксана Александровна,
Абрамкина Светлана Рафаиловна

Управленческие решения
местных органов власти:
критерии выбора
эффективных методов управления.....91

КУЛЬТУРА

Апухтина Нина Георгиевна,
Дыдров Артур Александрович,
Емченко Евгения Павловна,
Соломко Дмитрий Витальевич

Экологизация человека
как диалог ценностей
сохранения и изменения 102

**ИНФОРМАЦИЯ
ДЛЯ ЧИТАТЕЛЕЙ И АВТОРОВ**

**Научный журнал
«Социум и власть»**

предназначен для специалистов в области государственного и муниципального управления, философии, социологии, политологии, юриспруденции, экономики, менеджмента, истории, культурологии, а также преподавателей, аспирантов и студентов.

Тематика публикаций

должна соответствовать профилю журнала, различным аспектам состояния социума и его взаимоотношениям с властью.

Журнал «Социум и власть» включен в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук по специальностям:

09.00.01 — Онтология и теория познания.
09.00.03 — История философии.
09.00.04 — Эстетика.
09.00.05 — Этика.
09.00.07 — Логика.
09.00.08 — Философия науки и техники.
09.00.11 — Социальная философия.
09.00.13 — Философская антропология, философия культуры.
09.00.14 — Философия религии и религиоведение.
23.00.01 — Теория и философия политики, история и методология политической науки.
23.00.02 — Политические институты, процессы и технологии.
23.00.04 — Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития.
08.00.05 — Экономика и управление народным хозяйством.
08.00.10 — Финансы, денежное обращение и кредит.
08.00.12 — Бухгалтерский учет, статистика

Рукописи рецензируются.

Требования к рукописям научных статей, представляемым для публикации в научном журнале «Социум и власть», размещены на странице 138.

Адрес редакции, издателя:

454077, г. Челябинск, ул. Комарова, 26
Телефон редакции:
(351) 771-42-30
E-mail: siv_jurnal@mail.ru

Адрес в Интернете
<http://siv74.ru>

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов опубликованных материалов. Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий и иных сведений, а также за соблюдение законодательства об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Журнал выходит 6 раз в год, распространяется по подписке в отделениях почтовой связи.

Цена свободная

**Подписной индекс 38909
в Объединенном каталоге
«Пресса России. Том 1. Газеты и журналы»**

**Мудряков Ярослав Дмитриевич,
Кленовская Василиса Александровна**

Язык Золотого правила морали в цифровой реальности: поиск реализации в виртуальном диалоге 112

Плетников Владимир Валерьевич

Культурно-исторические формы агональности. Базальные характеристики культуры, лежащие в основе форм агональности 121

Борисов Сергей Валентинович

Техника сократического диалога Оскара Бренифье (по итогам работы семинара «Искусство философской практики», Челябинск — Сатка, 12—13 февраля 2019 года, база отдыха «Эко-парк “Зюраткуль”»)..... 132

Founded by
 The Russian Presidential Academy of National Economy
 and Public Administration
 Published by
 Chelyabinsk branch
 of the Russian Presidential Academy
 of National Economy and Public Administration
 Copublisher — South Ural State University

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

Doctor of Political Science, Professor
S.G. Zyrianov
 (Chelyabinsk, Russia)

Deputy Chief Editor

Doctor of Philosophy, Professor
A.S. Chuprov
 (Blagoveshchensk, Russia)

Head of Philosophy Dept

Doctor of Philosophy, Professor
S.V. Borisov
 (Chelyabinsk, Russia)

Head of Political Science Dept

Doctor of Political Science, Professor
S.G. Zyrianov
 (Chelyabinsk, Russia)

Head of Economics and management Dept

Doctor of Economic Sciences, Professor
I.V. Lavrentyeva
 (Chelyabinsk, Russia)

Head of Sociology Dept

Doctor of Philosophy, Professor
E.V. Grunt
 (Yekaterinburg, Russia)

Head of Law and State Dept

Candidate of Legal Sciences
A.V. Ylyinykh
 (Chelyabinsk, Russia)

Head of Cultural Studies Dept

Doctor of Historical Sciences, Professor
S.S. Zagrebin
 (Chelyabinsk, Russia)

Head of History Dept

Doctor of Historical Sciences, Assistant Professor
D.V. Timofeev
 (Chelyabinsk, Russia)

International Relations

Doctor of Philosophy, Professor
S.V. Borisov
 (Chelyabinsk, Russia)

Executive editor

Candidate of Philosophy Sciences
A.A. Bobrik
 (Chelyabinsk, Russia)

Certificate of Registration
 PI № FS 77-48298 of 24.01.2012
 Issued by Russian Surveillance Service
 for Mass Media and Communications.
 Passed for printing on 27.02.2019 r.
 Format 70×108 1/16
 Reference sheet area 12,25. Issues — 500.
 Order № 39/98.
 Designed and printed at
 454080, Chelyabinsk, Lenina prospect, 76.

SOCIUM

Aleksander V. Podoprigora

Artificial Intelligence as a discourse
 of digital society self-understanding
 and self-organization 7

Valery A. Nekhamkin

External analog models
 in social cognition: causes, typology,
 prospects for application.....21

Ivan A. Kokh,

Aleksander V. Melnik
 Social networks as a means
 of organizing education
 in a higher educational institution 31

**Galina A. Bannykh,
 Ekaterina V. Zaitseva,
 Svetlana N. Kostina,
 Aleksander I. Kuzmin**

The image of a mother
 with many children
 in the Russian Internet space.....42

BOARD OF EXPERTS

Philosophy

- S.V. Borisov* — Ph.D., professor
(Chelyabinsk, Russia)
E.V. Grunt — Ph.D., Professor
(Yekaterinburg, Russia)
Yu.G. Ershov — Ph.D., professor
(Yekaterinburg, Russia)
Victorya Lezyer — Ph.D., professor
(Folkarkeyre, France)
V.G. Ledyayev — Ph.D., Professor
(Moscow, Russia)
A.N. Medushevsky — Ph.D., Professor
(Moscow, Russia)
A.V. Pavlov — Ph.D., Professor
(Tyumen, Russia)
V.D. Popov — Ph.D., Professor
(Moscow, Russia)
G.L. Tulchinskii — Ph.D., Professor
(St. Peterburg, Russia)
A.S. Chuprov — Ph.D., Professor
(Blagoveshchensk, Russia)

Political Science

- S.G. Zyrianov* — Ph.D., Professor
(Chelyabinsk, Russia)
A.V. Pavroz — Ph.D.
(St. Peterburg, Russia)
A.V. Ponedelkov — Ph.D., Professor
(Rostov-on-Don, Russia)
O.F. Rusakova — Ph.D., Professor
(Yekaterinburg, Russia)
Gregory Simons — Ph.D., professor
(Upsala, Sweden)
A.Yu. Sungurov — Ph.D., Professor
(St. Peterburg, Russia)

Sociology

- N.B. Kostina* — Ph.D., Professor
(Yekaterinburg, Russia)
Sabina Lisitza — Ph.D., professor
(Areal, Israel)

Law

- V.G. Grafskiy* — LLD, Professor
(Moscow, Russia)
A.V. Kovban — Cand. Sc. (Legal Studies),
(Odessa, Ukraine)
S.V. Kodan — LLD, Professor
(Yekaterinburg, Russia)
A.B. Sergeev — LLD, Professor
(Chelyabinsk, Russia)

Economics and Administration

- O.V. Artyomova* — Ph.D., Professor
(Chelyabinsk, Russia)
L.M. Bajtenova — Dr. Sc.
(Almaty, Kazakhstan)
L.M. Mutaliev — Cand. Sc. (Economics)
(Astana, Kazakhstan)
I.V. Lavrentyeva — Ph.D., Professor
(Chelyabinsk, Russia)
T.Yu. Savchenko — Cand. Sc. (Economics),
Assistant Professor
(Chelyabinsk, Russia)

Cultural Studies

- S.S. Zagrebin* — Ph.D., Professor
(Chelyabinsk, Russia)
A.N. Lukin — Cand. Sc. (Cultural Studies),
Assistant Professor
(Chelyabinsk, Russia)

History

- S.V. Nechaeva* — Cand. Sc. (History), Assistant Professor
(Chelyabinsk, Russia)
S.S. Smirnov — Ph.D., Professor
(Chelyabinsk, Russia)
D.V. Timofeev — Ph.D., Assistant Professor
(Chelyabinsk, Russia)

Larisa A. Lipskaya

Factors of spreading
destructive behavior
among adolescents and young people 53

Nadezhda K. Radina

Electronic petitions
for protecting animals
on digital platforms RPI and Change.org 60

POWER

Sergey V. Moshkin

Corruption in Russia:
institutional foundations 72

Aleksander V. Belyaev

Social and administrative mobbing:
reasons, ways, means 79

**ECONOMICS
AND MANAGEMENT**

Oksana A. Buryanina,

Svetlana R. Abramkina

Methods of making managerial
decisions in local government 91

CULTURE

Nina G. Apukhtina,

Artur A. Dydrov,

Evgenia P. Emchenko,

Dmitriy V. Solomko

Human ecologization in terms
of conservation and change value 102

**INFORMATION
FOR READERS AND AUTHORS**

**Scientific journal
«SOCIUM AND POWER»**

is for experts in public and municipal administration, philosophy, sociology, political science, law, economics, management, as well as for teachers, graduate students and undergraduates.

Article topics

must conform to the journal's profile and be relevant to various (political, social, economic, legal etc) aspects of the society and its relations with public and municipal authorities.

According to the decision of the Presidium of the Higher Attestation committee (VAK) of the Russian Ministry of Education and Science, the «SOCIUM AND POWER» journal is included

**in the list of leading
peer-reviewed scientific journals
and publications,**

where the primary scientific results should be published for Candidate of Science and Doctor of Science theses in the following fields of science: philosophy, political science, economics.

The articles are peer-reviewed.

The requirements for scientific articles to be published in the «SOCIUM AND POWER» scientific journal are located at page 138.

Send your articles to the editor's office at:

454077, Chelyabinsk, Komarova st., 26
Editor's office phone number:
(351) 771-42-30
E-mail: siv_jurnal@mail.ru

Website:
<http://siv74.ru>

Disclaimer:
Only the authors of published articles may be held liable for authenticity and accuracy of citations, names, titles and other information as well as for respecting the intellectual property legislation.

Copyright reserved

The journal is published quarterly and distributed by subscription at the post offices.

Free price

**Subscription index
in Russia
38909**

**Yaroslav D. Mudryakov,
Vasilisa A. Klenovskaya**

Language of the Golden rule of ethics in digital reality: search for realization in virtual dialogue..... 112

Vladimir V. Pletnikov

Cultural and historical forms of agony. Basal culture characteristics underlying agonal forms..... 121

SCIENTIFIC LIFE

Sergey V. Borisov

Technique of the Socratic dialogue by Oscar Brenifier (following the results of the seminar "The Art of Philosophical Practice", Chelyabinsk — Satka, February 12—13, 2019, recreation center "Eco-Park "Zyuratkul"") 132

Для цитирования: Подопригора А. В. Искусственный интеллект как дискурс самопознания и самоорганизации цифрового социума // Социум и власть. 2019. № 1 (75). С. 7—20.

УДК 1:3

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК ДИСКУРС САМОПОЗНАНИЯ И САМООРГАНИЗАЦИИ ЦИФРОВОГО СОЦИУМА

Подопригора Александр Васильевич,

Научно-образовательный центр
Института экономики Уральского отделения
Российской академии наук
и Челябинского государственного университета,
старший научный сотрудник,
кандидат политических наук.
Российская Федерация, 454021, Челябинск,
ул. Молодогвардейцев, д. 70б.
E-mail: agora821@gmail.com

Аннотация

В рамках междисциплинарного подхода рассматриваются философские истоки и эволюция дискурса об искусственном интеллекте с точки зрения его влияния на самосознание, смыслы и институциональную архитектуру постиндустриального информационного (цифрового) общества.

Дается определение интеллекта как свойства самообучающейся информационной системы, позволяющего интерпретировать данные среды в символической форме и интерактивно генерировать на этой основе языки коммуникации, ответы на вызовы, смыслы и вероятностные модели целенаправленного действия. Выявляются особенности природы, генезиса и эволюции человеческого интеллекта как социокультурной информационной системы, действующей сегодня в условиях цифровой реальности и электронной культуры, а также «искусственного интеллекта» как нового технологического формата функционирования общественного сознания и порождения знаний. Утверждается императивный характер формирования в целях устойчивого и динамичного развития институциональной среды сетевого социума, адекватной электронной культуре, современным технологиям генерации и обработки информации как межсистемной коммуникации.

Ключевые понятия:
искусственный интеллект,
цифровое общество,
информация,
коммуникация,
институты,
электронная культура,
символы,
сети.

Искусственный интеллект: умножение содержаний

Мишель Фуко говорит в «Лекциях о воле к знанию» о «влиянии, оказываемом дискурсом об истине на дискурс закона» и разбирает различные формы «власти-знания», одна из которых, основанная на драматическом синтезе «велений богов» и «законов города», породила греческую, а следом и всю западную цивилизацию [30, с. 12, 291]. Можно сказать, что мозаичная картина мировой истории складывается как набор таких дискурсов, которые по-разному выявляют меру свободы и возможностей человека в системе его отношений с трансцендентным, социальным и техническим, определяя смыслы, культуру, структуру и динамику того или иного общества.

Эти дискурсы всегда формировались антиномией сакральных и секулярных истин, при этом их соотношение детерминирует архитектуру знания и социальной коммуникации, морфологию общества и власти. Закон изначально всюду был божественным Законом, однако по мере усложнения общества, здесь происходили серьезные метаморфозы. Последовательная, на протяжении многих веков, десакрализация знания в Европе привела к появлению общества модерна с чрезвычайной технологической и социальной динамикой, реализовавшего, вместе с тем, риски утраты баланса ценностей в форматах коммунизма, нацизма и иных утопий, основанных на идеологическом оформлении веры в безграничные возможности человека («сверхчеловека», «вождя»). Эти социальные проекты привели к столь ужасающим последствиям, что идея тотального планирования общества, лишённого сакральной вертикали, была отброшена. Однако одновременные кризисы традиционной религиозности и гражданского гуманизма, породившие аксиологический релятивизм постмодерна, в сочетании с набравшим новую динамику технологическим прогрессом в формате IT-революции, обновляют фундаментальные вызовы пониманию роли и возможностей человека в цифровой реальности сетевого информационного общества, развивающегося по не вполне осмысленным еще алгоритмам, отличным от традиционно толкуемых законов экономики и социологии.

Гигантские возможности и столь же масштабные риски реформирования социума, которые открывает смена базового ресурса общества с природной среды на информацию, знания, цифровые

и квантовые технологии, заставляют померкнуть амбициозные проекты управляемого переустройства мира, которые имелись у лидеров XX в. Возможно, это еще не в полной мере осознано научным и политическим сообществом, но именно обобщенный дискурс об «искусственном интеллекте» (AI — *artificial intelligence*), интерпретируемый как мыслимость технологического конструирования трансфизической и квазисоциальной «программируемой» реальности, обретает сегодня метанаучный характер, вбирая в себя посредством комплекса NBIC-технологий все прочие повестки знания и общественного развития. Подобно тому, как вокруг европейского дискурса XVI в. о свободе и благодати выкристаллизовывались (с весьма неочевидными последствиями) смыслы и структуры индустриального общества, породив великие социальные революции конца XVIII в. (также по итогам Просвещения и «промышленной революции», основанные на осознании перспектив творческого переустройства социальных моделей, ранее рефлекслируемых как неизменные, данные Богом), теперь от философского содержания дискурса об искусственном интеллекте, плодах IT-революции и цифровой реальности прямо зависят смыслы, стратегии и риски трансформаций не только «традиционных» и «гибридных» социумов, но и центров глобального постиндустриального мира.

Дискурс AI становится зеркалом возможностей самопознания, самоорганизации и моделирования человеком сценариев этого мира. Нельзя не согласиться с В. Налимовым, еще в 80-е гг. XX в. заметившего, что «проблема искусственного интеллекта — это, кажется, первая техническая проблема, жестко смыкающаяся с философскими построениями» [21, с. 305].

Обращение к философским истокам повестки «искусственного интеллекта» выглядит императивом ее анализа, так как выявляет фундаментальную интертекстуальность этого дискурса для всей европейской культуры, берущего свое начало в пифагорейской традиции и формирующую через мыслителей Нового времени (прежде всего Декарта, Лейбница и Ньютона) мощный гипертекст рационального знания, восприятия мира как глобальной математической задачи, антиномично увязанного с признанием языческого, а затем библейского сакрального архитекта в качестве управляющей трансцендентной «метапрограммы».

Эволюция дискурса об «искусственном интеллекте» в этом смысле весьма примечательна. Его зарождение связано с указан-

ной особенностью европейской мысли, со времен пифагорейцев и Аристотеля стремящейся облечь трансцендентные смыслы в доказательную «цифровую» форму математических алгоритмов, логики и геометрии, сделав их доступными рациональному познанию, наглядными и достоверными, а затем — механизировать, применив в деле научного и социального моделирования. В этом смысле уже *Ars Magna* — «логическую машину» каталонского теолога XIII в. Раймунда Луллия, призванную генерировать христианские истины посредством комбинаций понятий, картинок и схем, можно назвать предтечей компьютерного моделирования и информатики. Постоянное стремление выявить логически и затем реализовать *технологически* «формулу Творения», напряженный поиск универсального символического языка познания и высказывания истин как «пути силлогизма» (Р. Нейсбит) в синтезе формальной логики, опытного знания, теологии и метафизики — глубокая специфика европейской культуры. Именно по этому пути шли Г. Лейбниц, Т. Байес, Дж. Буль, Ч. Беббидж и А. Тьюринг, заложившие философские и математические основы искусственного интеллекта и начавшие конструировать первые цифровые «мыслящие машины» [24, с. 8].

Расцвет дискурса AI в его современном понимании пришелся на середину и конец XX века, когда наука, казалось, окончательно распрощалась с теологией и метафизикой и стала единственной доминантой интеллектуальной жизни. Появление первых компьютеров, теории информации и кибернетики породило представлявшиеся обоснованными надежды на то, что машинный интеллект в течение 20—30 лет сравняется с человеческим и превзойдет его, заложив основы принципиального нового социума.

Однако этим планам не суждено было сбыться и повестка AI радикально изменилась. Машина научилась хорошо играть в шахматы и намного быстрее человека решать задачи, для которых имеется заложенный в программу набор данных и алгоритм поиска, однако уподобить компьютер человеческому интеллекту, способному творчески решать задачи, для которых еще не существует алгоритмов и не хватает данных, не удалось. Это было связано не столько с трудностями технического характера (недостатком вычислительных мощностей компьютеров, несовершенством программ), сколько с глубокой философской проблемой: несмотря на все достижения науки как *продукции* интеллекта, по-прежнему

не существует более-менее отчетливого представления о том, что такое сам по себе «естественный» интеллект (шире — человеческое сознание), как работает мозг и протекают когнитивные процессы. А стало быть, нет возможности их достоверно моделировать и эмулировать технически.

Действительно, существующие определения понятия «интеллект» слишком общи и разнообразны для создания работающей универсальной технической модели. Так, авторитетная точка зрения Ж. Пиаже заключается в том, что интеллект является функциональным единственным познавательных психических процессов, которое обеспечивает адаптацию человека к условиям жизни за счет добывания новых знаний. Интеллект, утверждает Пиаже, можно определить как «прогрессирующую обратимость мобильных психических структур» или как «состояние равновесия, к которому тяготеют все последовательно расположенные адаптации сенсо-моторного и когнитивного порядка, так же как и все ассимилятивные и аккомодирующие взаимодействия организма со средой» [23, с. 69]. Под интеллектом сейчас понимают также «систему познавательных (когнитивных) способностей индивида» [8, с. 78], «рассудочное, рациональное мышление» [1], «исчисление понятий — аналитико-синтетическую деятельность» или просто «восприятие» [14], «субъективную реальность», детерминированную биологическими процессами [11, с. 217], «способ обработки информации» [17, с. 35]. Есть множество других определений: в итоге, как замечает В. Ладов, «человеку никак не удастся найти уникальное место, он оказывается подобным либо системе искусственного интеллекта (при выборе парадигмы «интеллект как исчисление понятий»), либо обычному биологическому организму (при выборе парадигмы «интеллект как восприятие»)» [14].

Характерно, что среди исследователей и специалистов нет единого мнения о том, является ли интеллект уникальным свойством именно человека, или же это качество всех систем, работающих с информацией — в последнем случае проблема безгранично расширяется, а вопрос об «искусственном» интеллекте, как технической имитации человеческого, вовсе снимается с повестки.¹

¹ Здесь следует сказать о трудностях перевода английского термина *artificial intelligence* (AI) на русский (возможно, и другие языки). Исследователи отмечают (С. Аблеев [1]), что это англоязычное понятие значально не предполагает того четкого антропоморфного содержания, которое появилось в русском переводе (заметим, что в русском

Именно фундаментальная неопределенность в этих вопросах привела к тому, что практические вопросы развития искусственного интеллекта все больше сводятся не к полноценному уподоблению компьютера (программы) или робота человеку — т. е. созданию «общего» AI, а к автоматизации и цифровизации отдельных функций человеческого поведения и рассуждения. Современные западные специалисты в области компьютерных наук гораздо более осторожно определяют AI как «дисциплину, исследующую закономерности, лежащие в основе разумного поведения, путем построения и изучения артефактов, предопределяющих эти закономерности» или еще проще — как «область компьютерной науки, занимающуюся автоматизацией разумного поведения» [17, с. 781, 27].

Сегодня повестка «практического» AI — это представление знаний и моделирование рассуждений, поиск алгоритмов адаптации, «фокусировка поиска» на использовании прошлого опыта, моделирование рассуждений на основе ограничений, программирование алгоритмов, используемых для моделирования и решения задач, связанных с большими объемами данных, рассуждения с неопределенностью, машинное обучение для решения задач, не требующих описания конкретных алгоритмов, автоматическое порождение гипотез, анализ данных и обработка образной информации, многоагентные системы, динамические интеллектуальные системы и планирование, нечеткие модели и мягкие вычисления, нейронные сети и технологии и т. д. [22]. Все это — области не технической имитации некоего «естественного» человеческого интеллекта, а технологического «расширения» и усиления ряда возможностей работы с информацией, которые свойственны человеку.

Со временем стало понятно: создать полный технический аналог человеческого интеллекта, переведя биологическую «элементную базу» когнитивных функций в «цифру», невозможно (да и не нужно) уже потому, что человек — сложная информационная система, построенная на нелинейной синергии различных платформ (биологической, социальной, когнитивной, технологи-

языке понятия «интеллигенция» и «интеллектуал» и проч. также сильно отличаются от своих латинских и, позже, английских значений). Английское *intelligence* происходит от латинского *intelligentia* и означает «понимание» в смысле способности рассуждать разумно как таковой (что вполне может быть присуще машине), а собственно человеческий рассудок обозначается другим английским словом *intellect*, восходящим к лат. *intellectus*.

ческой), зато автоматизировать и оцифровать отдельные, особенно эффективные в машинном исполнении свойства и функции (классификация данных, вычисления, обучение, поиск, навигация и проч.) — вполне получается, чему есть множество примеров. Не зря сегодня все чаще употребляются более корректные характеристики AI — «дополненный интеллект», «усиленный», «синтетический», «вспомогательный» или «технологии машинного обучения».

Однако главный социально-философский итог более чем полувекового (на самом деле — гораздо более древнего) дискурса об AI видится все же в другом. «Искусственный интеллект» стал своего рода зеркалом, в котором со всей полнотой отразился дефицит знания человека о самом себе, а также экспериментальной лабораторией, где человек впервые попытался «разобрать на части» механизм собственного сознания, смоделировать и заново собрать его (а вместе с ним и весь социальный мир) в формате компьютерных технологий и цифровых коммуникаций. Эта работа дала неоднозначные и интригующие результаты, во многом «перевернув» сам дискурс ИИ: теперь вопрос о возможности уподобления компьютера человеку все чаще сменяется вопросом уподобления человека и его мозга суперкомпьютеру с предустановленными программами огромного разнообразия и различной природы, а мира и общества — глобальному софту неясного происхождения.

На самом деле это отнюдь не новая постановка проблемы, но именно сейчас она возвращается из прошлого, становясь особенно актуальной. Ведь то, что космос, природа и человек являются элементами (подпрограммами) сложнейшей и точнейшей божественной метапрограммы бытия представлялось очевидным уже досократикам («числа» и «гармонии» Пифагора, «Нус» Анаксагора), а вполне «компьютерным» языком это понимание зафиксировал Г. Лейбниц в учении о «предустановленной гармонии», одновременно презентовав двоичный код (аналог которому он нашел в древнекитайской «И-цзин») — основу современных цифровых технологий [15]. Теперь, когда мы хорошо понимаем, как создаются и работают интеллектуальные компьютерные программы, масштаб такой постановки вопроса более не смущает вполне прагматичных исследователей, а некоторые философы (например, Н.Бостром) уже представили мир как компьютерную симуляцию¹.

¹ Н. Бостром считает, что «искусственный интеллект человеческого уровня имеет довольно вы-

социум

По сути, это возобновление на новом научном и технологическом уровне фундаментального дискурса о том, что есть человек и социум, сознание и интеллект, по каким законам (или *программам*) и в каких онтологических рамках они существуют, какие новые возможности и риски открываются для интеллектуального и социального творчества в условиях цифрового общества?

Здесь, на наш взгляд, выявляются две ключевые темы. Первая касается более четкого понимания и определения *интеллекта* как такового, а также человеческого интеллекта. В этой работе мы попытаемся дать понятию «интеллект» определение, интегрирующее современные подходы как к «искусственному», так и «естественному» интеллекту в контексте представлений о цифровой реальности социума, по-новому интерпретируя соответствующую традицию философской мысли.

Вторая тема — о более ясном понимании природы новой цифровой среды (как «рукотворной» информационной реальности и «электронной культуры»), в которой появляется и работает AI. Мы полагаем, что обоснованные ответы на эти вопросы, по сути, ликвидируют повестьку «искусственного интеллекта» в ее привычном виде, но открывают более масштабные и захватывающие, хоть и неоднозначные перспективы, нежели роботостроение и автоматизация отдельных функций человеческого организма и мозга. А главное — создают адекватную теоретическую базу осмысления природы новой цифровой среды и ее агентов, прочно связанную с тысячелетним опытом философской рефлексии.

Интеллект как интерфейс: смыслы и синтаксис

Описанные проблемы интерпретации и конструирования «искусственного» интеллекта разрешаются, если принять, что собственно человеческий интеллект не является «естественным» в общепринятом смысле — то есть не имеет био-физической природы и не есть продукт деятельности головного мозга. Как книга, написанная автором при помощи компьютера и напечатанная на бумаге, не является произведением компьютера и типографии, так и интеллект, собою вероятность быть созданным к середине нынешнего столетия», а «после его создания, скорее всего, довольно быстро появится сверхразум». Это «может привести к огромным последствиям — как чрезвычайно позитивным, так и чрезвычайно негативным, вплоть до гибели человечества» [4, с. 49].

реализуясь на физическом уровне через структуры головного мозга, не является их конструктом, как и производным биологической эволюции. Редуцировать сознание и интеллект (как его дискурсивный формат) к деятельности головного мозга — примерно то же самое, что объяснять содержание компьютерной программы (software), рассматривая аппаратное обеспечение машины (hardware).

Мы исходим из того, что человеческое сознание является особым — сложным и функционально распределенным, интерактивным контуром /интерфейсом межсистемной коммуникации и обработки информации (как программы адаптации неопределенности, целеполагания и развития), имея в виде органов чувств, нейронных сетей мозга, языка, психологических и когнитивных программ, технологий и социальных институтов, инструменты обратной связи с различными аспектами среды, которую сознание различает и описывает, репрезентуя в текстовом формате сценария наблюдаемой реальности. Ранее «интеллектуальными приложениями» сознания, с которыми работает мозг, были ритуал, алфавит и книга; сегодня к ним добавились компьютер, интернет и AI — мы не можем знать, во что превратится этот сложный био-социальный и когнитивно-технологический модуль завтра, но его природа очевидно не сводится к физиологии, биологии и нейробиологии.

Поэтому, когда говорят, что природа человека, как информационной системы, детерминирована биологическими и эволюционными факторами [11, с. 250—251], это по существу неверно и определяет последующие ошибки. Человек — биологическое существо, но не биологическая система. У повозки и «Мерседеса» тоже много функционально общего: и та и другой — средство перемещения людей и грузов на колесах. Но качественно характеризует автомобиль не общее с повозкой, а то, что от нее отличается: двигатель. Так же и *качество человека* характеризует не биологическая основа организма и не наличие объемного мозга, а то, что он оперирует сохраняющимися в социальном архиве смыслами, символами, текстами и их интерпретациями, а не только реакциями, ощущениями и инстинктами. «Человек — это идея, а не доступная эмпирическому познанию действительность» [34, с. 69], это «существо, которое не только есть, но и *знает*, что оно есть», говорит К. Ясперс [33, с. 12].

Адаптируя эту мысль к современной терминологии, можно сказать, что чело-

век — это сложная био-социальная информационная система, где *качество* и векторы развития задаются на иерархически более высоком, нежели биология — социокультурном уровне, в осмысленной коммуникации между членами и структурами общества, а также в символической коммуникации сознания с нефизическими системами и сетями, холистическими феноменами семантического континуума, моделируя процессы и достигая цели, не только не детерминированные биологическими основами организма и задачами приспособления к природной среде, но часто противоречащие им — из этого фундаментального противоречия как раз и возникает *качество* человека. «То, что мы называем историей, по — видимому, не имеет ничего общего с биологическим развитием», подчеркивает Ясперс [34, с. 63]. Можно сказать, что биология перестала определять поведение и целеполагание человека (оставаясь основой его организма) в тот момент, когда он впервые задумался о погребении умершего сородича, принесении жертвы и порядках загробного мира, установив первые табу и ограничив насилие внутри группы, ставшей сообществом,двигающимся от природного к «моральному закону» (И. Кант).

Именно открытие человеком *разности миров*, которым он одновременно принадлежит, породившее культ предков, первые ритуалы и квазигосударственные структуры, а затем — мощную философскую традицию изучения взаимоотношений миров-систем материи и духа, ментального и физического мира, остается сегодня основой философии сознания и повестки «искусственного интеллекта», так как сознание и интеллект представляют собой информационные системы, развивающейся по собственным законам, отличным от законов физики и биологии.

Свидетельства мифологии и первые философские опыты описывают рождение индивидуального сознания и способности к рефлексии из драмы отпадения человека от божественного единства и различения с ним при одновременном осознании абсолютного приоритета «программы» надприродного характера. Отсюда трагедии Прометея и Эдипа, а также главный сакральный ритуал, переживший в веках множество трансформаций — *жертвоприношение* как коммуникация с трансцендентной реальностью (божественной «управляющей программой») через символический отказ от ценности реальности природной — животной, материальной, посясторонней [31, с. 658]. Это четко обозначенная граница, отделяющая

мир человека и социума от мира природы и инстинктов и одновременно — связывающий их в системной иерархии интерфейс взаимодействия в алгоритмах культуры, социального действия и духовного опыта.

Символическая повестка обретения знания посредством интеллекта — инструмента его добычи и использования, как привилегии полубогов, мудрецов и героев, основана именно на изначальном осознании качественного различия управляемого физического и управляющего семантического миров-систем, между которыми, тем не менее, есть связь (подвиг, ритуал, откровение, а также символ, число, гармония), которую, в европейской мировоззренческой парадигме, можно обнаружить и задействовать по строго определенной программе этических норм, поступков и рациональных интерпретаций. Здесь самопознание и социальная практика проходят путь от табу, ритуалов и божественного Закона к законам природы и социума, а теперь — к повестке AI, сохраняя фундаментальную основу интерпретаций, ярче всего выраженную в системе Г. Лейбница (бытие как континуум операционально замкнутых систем-монад, которые, вместе с тем, существуют по единой *программе*); важно, что это — общефилософское воззрение «осевого времени»: очевидные параллели этой ключевой максиме европейской мысли можно увидеть также в Веданте, утверждающей единство Брахмана и Атмана при одновременном принципиальном различии материального и трансцендентального миров (не случайно исследователи отмечают родство этого миропонимания с концепцией Плотина [5, с. 197]).

Именно в этом контексте выявляются теперь различия и связь между «естественным» человеческим и «искусственным» (программным / машинным) мирами. Считалось (и, как правило, считается до сих пор), что главное различие между человеческим и машинным интеллектом заключается в том, что человек способен оперировать *смыслами* и переживаниями (квалиа), используя свободу воли и творческие способности в решении задач при отсутствии алгоритма, а компьютер оперирует «голым» синтаксисом, набором знаков и символов, по определению лишенных семантического содержания; будучи неспособной к переживаниям, интуициям и творческим прозрениям, машина способна найти лишь те решения, которые алгоритмически заложены в ее программу и архивы. Проблема искусственного интеллекта состоит в том, что «никакие синтаксические и математические средства не могут

создать искусственный аналог семантического пространства» — считает С. Аблеев [1].

Однако дискурс AI по — новому ставит вопрос о том, что именно понимать под символом, семантикой, синтаксисом и их взаимоотношениями, а также под определениями «естественное» и «искусственное». Можно утверждать, что человек в своих семантических изысканиях также опирается на архивы символов индивидуального и общественного сознания. Со времен Аристотеля известно, что человек, *обозначая* предметы и явления, мыслит символами (главный из которых — слово), которым *придает* то или иное значение, смысл и связь с объектами-референтами в зависимости от конкретного контекста, а язык можно представить как *программу перевода* — синтаксической интерпретации символов, имеющую, как и сама система «человек-окружение», сложную био-психо-социо-технологическую природу.

Наполнение синтаксиса семантикой нелинейно осуществляется через архивы и «программный язык» системы сознания, где определяющую роль играют социокультурные и когнитивные программы и коды, включая архетипы бессознательного и опыты трансценденции, которые никак не подходят под традиционное определение «естественного» как физического и биологического. При этом нет логических препятствий тому, чтобы представить себе программу квантового компьютера, связывающую синтаксис и семантику и генерирующую символы и смыслы (и даже эмоции и творчество), так же (или по-иному) как это делает человек, особенно, учитывая экспоненциальный характер развития вычислительной мощности компьютеров, которая сегодня все еще сильно уступает возможностям человеческого мозга. В этом смысле вполне оправданным выглядит то, что доминирующей концепцией методологии AI уже довольно давно является гипотеза о *физической символической системе* А. Ньюэлла и Г. Саймона, по которой физическая система проявляет разумное (в широком смысле) поведение тогда и только тогда, когда она является физической символической системой, а разумность может быть достигнута *любой* правильно организованной символической системой [17, с. 782].

Можно, таким образом, дать общее определение интеллекта как свойства самообучающейся информационной системы, позволяющего интерпретировать (обрабатывать), в условиях неопределенности, данные (сигналы, воздействия) среды в сим-

волической форме, осуществляя, в соответствии с определенной программой и целями системы, поиск альтернатив и интерактивно генерируя с использованием архивов этой системы *определенные* смыслы, языки коммуникации, ответы на вызовы и вероятностные модели целенаправленного действия. Программа интеллекта детерминирована качеством конкретной системы и формируется в коммуникации с иерархически более сложными системами и метасистемами, характеризуясь типом этого взаимодействия и форматом обратной связи.

В общем смысле интеллект может быть человеческим, машинным или иным, неизвестного сегодня типа; это — интерактивный алгоритм доступа информационной системы (монады) к универсальному программному языку бытия, «переводчик» изоморфных смыслов посредством архива символов, который позволяет адаптировать семантику в качестве *текста* на языке данной системы, в соответствии с ее структурой, целями и контекстами. Сегодня мы говорим о том, что машинный интеллект крайне узок, он работает исключительно в соответствии с алгоритмом и данными, которые заложил в машину автор программы — человек, чей мир неизмеримо богаче и многообразнее конкретного алгоритма. Но разве трудно представить себе мир, для которого «алгоритм человека» был бы так же прост, как и тот, который мы сегодня закладываем в компьютер (об этом, собственно, и говорит Н. Бостром)? Главное различие между человеческим и машинным интеллектом заключено не здесь.

Появление *человеческого* интеллекта стало возможным исключительно в *системе социума*, то есть в интерактивно взаимодействующем для достижения общих целей множестве индивидуальных сознаний, которое пересекается с множествами и аттракторами семантического континуума в сферах культуры, творчества и трансцендентального опыта. Уникальность человека в том, что он — полипрограммная система, существующая исключительно в одновременной интерактивной коммуникации с иерархически низшими (физический мир, реакции, детерминация, *закон*) и высшими информационными системами (семантический континуум, интуиции, творчество, *свобода*).

«Вход» в управляющее семантическое множество паттернов, аттракторов и целей открыт для системы человек-среда именно в связи с тем, что, если развитие систем «естественного» (неорганического, растительного, животного) мира зафиксировано на

высоком уровне сложности материальных структур, то становление и развитие человека, как подчеркивал К.Юнг, изначально идет по «неестественной», возникшей из «столкновения между его свободой и законами природы» линии рефлексии как «привилегии» человека [32, с. 145] — а также через сферу бессознательного и сакрального, как сложного интерфейса интерактивной коммуникации с метасистемой семантического континуума, формируя драматичную, но плодотворную антиномию — «распятие» Я между телом и духом, физическим и ментальным, рациональным и интуитивным, детерминацией и свободой. Не случайно математик В. Налимов, автор теории вероятностного исчисления смыслов, говорит о сознании как о «трансцендирующем устройстве», связывающем миры образов и мышления с «метауровнями» и «подвалами космического сознания» как семантического континуума [21, с. 137—138].

Интеллект выступает здесь в качестве сложного социо-психологического контура информационной коммуникации системы человек-среда с метасистемой семантического континуума, *включающего в себя* сферу обобщенно физического (биологического, физиологического, психологического, технического) как динамическую подсистему; структура этой метасистемы (определяемой со времен античности как *Логос*) задает аттракторы и паттерны, которые сознание (и его дискурсивная часть — интеллект) распознает и интерпретирует в социо-культурном процессе как смыслы, цели, тексты и логические схемы, формируя определенные сценарии движения и самоорганизации; именно здесь образуются информационные «воронки» предстоящих изменений, происходит адаптация неопределенности и генерация реальности¹. Так, цифровой компьютер

¹ А. Назаретян замечает, что «каждое объективное ограничение абсолютно в рамках более или менее замкнутой системы зависимостей, которая на поверку всегда оказывается фрагментом более общих причинных сетей бесконечно сложного мира. Решение любой инженерной задачи состоит в том, чтобы найти более объемную модель — «метасистему» по отношению к исходной. В более мощной информационной модели те параметры ситуации, которые прежде выступали в качестве управляемых констант, превращаются в управляемые переменные» [19, с. 217]. Б. Кадоццев говорит о «расслоении» самоорганизующихся систем на динамическую и информационную (управляющую) части. Последняя способна создавать «тезаурус» — набор внутренних архивов и производить «процессинг» входящих данных с выработкой управляющих сигналов, адресованных динамической (управляемой) подсистеме [12, с. 331].

смог появиться лишь после того, как цифры 0 и 1 были интерпретированы как знаки логических референтов «да» — «нет», «истина» — «ложь», а затем — физических состояний напряжения в электрической сети: «включено» / «выключено».

Здесь выявляется, что человек, как социальное существо, призван *создавать* в коммуникации с паттернами семантического континуума инструментами интеллекта предметную и ментальную среду, благоприятствующую росту сначала энергетических, а теперь — вычислительных и когнитивных мощностей как главных ресурсов социума, развивая соответствующие институты. Именно поэтому М. Мамардашвили говорит (вслед за греческими философами) об «умной материи» и «умных предметах», о ритуалах, мистериях, драмах, социальных моделях и других феноменах культуры как о «машинах» или «приставках к нам, через которые мы становимся людьми», «входим в *умное бытие*, которое *нам адресовано*», о мифе как о «человекообразующей машине» [18, с. 22—24]. Это самосозидание человека по выявляемым им в процессе самосознания и самоорганизации «лекалам — паттернам иерархически более сложной информационной системы, выступающее как обобщенный социокультурный процесс¹.

Можно сказать, что человеческий интеллект изначально «искусственен» в том смысле, что это, по сути своей, социо — культурная, а не биологическая программа. «Гибрид» человека и цифровых технологий — путь дальнейшего расширения человеческих возможностей через интеграцию новых техник в социо-культурную среду, равно естественную и искусственную для человека. Теперь эту социальную «лабораторию» самопознания и самоорганизации посредством «удвоения» физической реальности в индустриальном социуме, дополнила повестка AI как «удвоение удвоения» — создания внутри (или поверх) «искусственной» социальной реальности еще более «искусственной» реальности постиндустриального цифрового общества.

¹ Согласно коннекционистской модели, в основе работы нейронных сетей мозга лежит не абстрактное логическое мышление, а распознавание паттернов. Дж. Эдельман и Дж. Тонони пришли к выводу: «Мышление протекает в рамках синтезированных паттернов, а не логики, и поэтому в своем действии оно всегда может выходить за пределы синтаксических или механических отношений» [29, с. 10].

Искусственный интеллект и цифровой социум

Большинство философов и специалистов компьютерных наук, изучающих проблематику AI, так долго и прочно ассоциировали «естественный» человеческий интеллект с функционированием биологических структур организма и работой нейросетей головного мозга (в России это происходило в силу устойчивости традиций «диалектического материализма», а на Западе — в результате доминирования парадигмы «здорового смысла», утвердившейся благодаря популярности «аналитической философии»), что признание роли культуры и социальных отношений в формировании интеллекта часто выглядит в их работах настоящим открытием. Д. Люгер, автор одного из наиболее масштабных трудов по искусственному интеллекту, с некоторым удивлением констатирует: «интеллект, похоже, не возвращается во тьме, как грибы. Культура так же важна для создания человеческих существ, как и человеческие существа для создания культуры» [17, с. 38]. Г. Эдельман признает, что общество само является носителем важных составляющих интеллекта, а потому, «возможно, понимание социального контекста знания и человеческого поведения не менее важно для теории интеллекта, чем понимание процессов отдельного разума (мозга)» [17, с. 805]. М. Делягин выдвигает в этой связи гипотезу о «ментальной эволюции» человечества, связанной с расширением, в результате информационно-коммуникационной революции, масштабов сознания с отдельно взятых людей на коллективы, организации, социальные сети и целые общества [9, с. 165]; у Н. Бострома этот феномен описывается как «сверхразумные системы» и, далее, «коллективный сверхразум» рода человеческого [4, с. 99—100].

В западной науке об AI оформилась в этой связи «теория агентов», согласно которой разумное поведение формируется совместными действиями большого числа взаимодействующих полуавтономных агентов; при этом «агентская архитектура» носит распределенный характер (что особенно ярко проявляется в работе экономических рынков), а человеческий интеллект рассматривается как «явление, возникающее в сообществе, а не как свойство отдельного агента» [17, с. 40—41]. Одним из авторов такого подхода является Д. Деннет, чья множественная теория сознания основана именно на представлении сознания как взаимодействия разнообразных агентов в рас-

пределенной архитектуре интеллекта [10]. В таком контексте AI может рассматриваться как цифровое «приложение» сознания и человеческого интеллекта, осуществляющее задачи машинного поиска альтернативных решений разумным агентом для определения моделей поведения в коммуникации со средой [17, с. 42].

При этом очевидно, что среда, в которой действует человек, не является «естественной» (природной) средой, а пространства, в которых формируется и работает человеческий интеллект, неизмеримо многообразнее пространств физики и биологии, они по определению включают в себя символические *текстовые* миры (об этом много писали В. Налимов и Ю. Лотман) социума и культуры, семантики и семиозиса, рационального и бессознательного — именно в них человек осуществляет свою целенаправленную деятельность, черпает смыслы и преодолевает фундаментальную неопределенность наблюдаемого мира (что является сутью информационных процессов как таковых).

Философское содержание повестки AI в качестве обновленного дискурса самопознания и самоорганизации социума как «естественной/ искусственной» среды интеллекта, выводит на первый план диалектику свободы и детерминации в отношении автора и текста, агента и *программы* в широком смысле. Это повестка возможностей творческого конструирования человеком социальных моделей на базе IT-технологий и AI, которые, вместе с тем, основаны на представлении о бытии как информационной метасистеме, совокупности операционально замкнутых систем — монад, существующей по единым законам (программе) коммуникации и обработки данных, представленных в символической форме.

Неразрешимые проблемы проявляются тогда, когда эта диалектика не принимается во внимание или толкуется упрощенно — AI пытаются создавать, копируя/цифруя биологию и нейросети, а моделировать постиндустриальное общество — пытаюсь эмулировать цифровыми инструментами в социуме человеческий интеллект, игнорируя сложность и неопределенность этого понятия, многообразие сред, с которыми интеллект коммуницирует. Так же как опыт работы с AI показал бесперспективность попыток цифрового копирования биологических, психосоматических, нейронных и иных структур человека как биологического существа — так же и механический перенос в социум продуктов и инструментов IT-революции

не даст результата, зато способен породить новые глобальные риски [26]. Гораздо важнее понять, как меняется ментальная — культурная и институциональная среда в информационном сетевом обществе, так как именно ее следует рассматривать как социальную метапрограмму и «настоящий» искусственный интеллект (не случайно Ю. Лотман считал культуру «интеллектуальным «аппаратом» цивилизации и своеобразным «искусственным интеллектом» [16, с. 33]. При этом «эффективный инструментальный искусственный интеллект имманентен высокоразвитым формам *электронной культуры*» (как совокупности социальных институтов, организуемых средствами цифровых информационных технологий [29, с. 8]), которая, в свою очередь, появляется в цифровой реальности постиндустриального общества.

Здесь особенно важно принять тот факт, что «настоящий» искусственный интеллект (а не роботы и киборги) — феномен, по сути своей, не технологический, а именно социокультурный, так как в социо-технических *големах* (информационных объектах, обладающих собственной логикой поведения и интересами) цифрового общества и электронной культуры мы видим прорыв социума из сфер биологической и технической детерминации в ту область свободы, где когнитивные качества человека, как самоорганизующейся информационной системы, открытой для символической коммуникации с паттернами семантического континуума, обретают новую «электронную плоть» и самостоятельное бытие.

Это связано с тем, что цифровая реальность глобального постиндустриального общества — это новый *вид* информационной реальности. Ее специфика заключается в том, что цифровая реальность, по нашему определению, это такой этап саморазвития информационной действительности, где знаковые системы радикально отделяются от природной и индустриальной среды и трансформируют социум посредством революционных компьютерных технологий в *электронно-цифровую среду* как «третью природу». Сетевой профиль единого киберпространства существует поверх рамок и норм физического, биологического, психологического и социально-политического пространств, интегрируя и преломляя их в мире *цифровых объектов и коммуникаций*, радикально меняя статус и характер информационных объектов и процессов. «Сетевая экономика», новые парадигмы вычислений, цифровые платформы краудсорсинга,

интернет и блокчейн, криптовалюты, смарт-контракты, электронная наука, торговля, политика и другие феномены электронной культуры демонстрируют это на практике особенно наглядно [25, с. 9].

Ячейкой цифровой социальной сети (в широком понимании этого термина) постиндустриального информационного общества, как «универсального» искусственного интеллекта, становится *цифровая личность* (персональное электронное окружение человека, его цифровой профиль — личные данные в цифровой форме и электронный «двойник» в Сети с архивом связанных с «живой» личностью, но не равнозначных ей действий и мотиваций — «цифровым следом»), а также сетевые объединения таких личностей в *общины* электронных големов, не сводимых к своим элементам и не детерминируемых более ни со стороны собственно техники, ни, тем более — биологии¹. Это социо-технические, цифруемые, архивируемые и программируемые сущности, а потому они могут быть теперь новой элементной базой человеческого «сверхума» (по Бострому), смыкающегося с «подвалами семантического континуума» (по Налимову).

При этом формирование социума, базирующегося на универсальном AI (и, по сути, *являющегося им*) не представляется чем-то онтологически новым, это реализация универсального алгоритма информации-знания, как генеративной коммуникации в рамках иерархии управляющих и динамических систем. Паттерны иерархически более высокой и сложной системы нелинейно определяют смыслы и аттракторы развития менее сложных динамических систем, что хорошо просматривается в истории социума и технологий. Так, изобретение колеса и паруса резко усилило скорость и возможности социальной коммуникации, став, по М.Маклюэну, «продолжением» человеческой ноги и создав фундамент первых глобальных доиндустриальных империй, а изобретение парового двигателя экспоненциально умножило мускульную силу человека, радикально увеличив энергетические мощности социума и создав, по сути, индустриальное общество (тогда, кстати, также было множество катастрофических сценариев, связанных с опасениями, что мир техники подчинит себе человечество).

¹ «Путь, ведущий к сверхуму, — постепенное совершенствование сетей и организаций, соединяющих умы людей друг с другом и с различными искусственными объектами и ботами, то есть программами, автоматически выполняющими действия вместо человека», — пишет Н. Бостром [4, с. 91].

Однако колесо не эмулировало технологически человеческую ногу, а паровая машина — руку: эти технологические прорывы в физическом мире, радикально изменившие всю среду жизни человека, были осуществлены посредством дедуктивного познания и логики, феноменов иерархически высшего, метального мира. То же происходит и с искусственным интеллектом: компьютеры и интернет на новом уровне *знания-власти* (по М. Фуко) радикально меняют среду обитания человечества через многократное умножение его вычислительных мощностей и коммуникационных возможностей (так как главным ресурсом общества становится теперь обработка информационных потоков), не имитируя при этом механизмы работы головного мозга и нейросети, а приближаясь, посредством комплекса NBIC — технологий, квантовой физики и гуманитарного гнозиса, к новому уровню символической коммуникации с паттернами семантического континуума, как формата знания, присущего цифровому обществу и электронной культуре. Он сменяет сейчас индустриальное общество и его культуру: что будет с человечеством после «электронной эры» гадать бессмысленно, так как потенциал семантического континуума и коммуникации с ним человека представляется неисчерпаемым.

Тотальная дигитализация *фактически* реализует сейчас новое квазифизическое пространство жизни (где киберфизическое переплетается с психофизическим в интерпретации Юнга-Паули), в котором «внедренными агентами» являются уже не собственно люди и физические объекты, а синтетические информационные структуры, сетевые сообщества, алгоритмы и программы, объединяющие человеческий и машинный интеллект, что радикально меняет жизнь социума, создавая новые форматы социального творчества и политического участия.

Это пространство поглощает и подчиняет «аналоговый» биофизический и социальный мир, а цифровой социум делает фокусом самосознания индивида не государство, религии и идеологии индустриального мира или традиционную «личную жизнь» в ближайшем сообществе, а творческие возможности свободно коммуницирующей с миром и открытой миру *цифровой личности*; этот социум вполне осознанно строится теперь вокруг транснациональных дискурсов электронной культуры и глобальных технологических проектов, что задает новые рамки компетенциям, амбициям и возможностям национальных государств.

Проблемы адекватности институционального интерфейса социума вызовом цифрового мира делает ярко выраженными тот факт, что именно идеи, программы, алгоритмы решений и глобальные стандарты, их мгновенные комбинации и рекомбинации, а также множачищиеся массивы доступных данных и развивающиеся технологии их обработки, являются главным ресурсом постиндустриального информационного социума («второй эры машин»), отличительными чертами которого становятся экспоненциальный рост и цифровая форма [6, с. 23—24].

Это формирует условия для практически безграничного роста при снижающихся затратах, но выдвигает особые требования к стандартам, обеспечивающим развитие — причем институциональные стандарты, гарантирующие не только постоянный поток инноваций, но и качество повседневной жизни, становятся критически важными: это касается таких базовых институтов, как распределенная власть, децентрализованная система производства и обмена, свобода творчества, перемещения идей, людей и капиталов, без которых невозможно развитие инноваций в цифровом обществе. «Сетевая революция» меняет социальную топографию, ибо цифровая сеть, как новая социальная среда, не отражает структуру общества, а формирует ее по математическим технологическим алгоритмам и стандартам, как выражается А. Назарчук, в «неэвклидовой социальной геометрии» [20, с. 74]. Культурным символом и рабочей моделью этой геометрии стал интернет (а следом — блокчейн и AI) как «возникающая, изменяющаяся, развивающаяся информационно-коммуникативная структура современного общества», которая «осознается как процесс создания новой информационной реальности социума» [3].

Мы описали [27] такой социум, как *интерактивное общество* — сложную динамическую систему социальной коммуникации, основанную на нелинейном многообразии обратных связей и свободном информационном обмене между всеми узлами и элементами системы, носящем децентрализованный, сетевой характер и закреплённый институционально. Интерактивное цифровое общество принципиально соответствует определению постиндустриального общества Д. Белла (где «общество само становится сетью сознания, формой воображения, которая должна быть реализована как социальная конструкция» [2, с. 663]). Однако теперь это *оцифрованная социальная конструкция*, глобальная «сеть сознания»,

ставшая, благодаря IT-технологиям, сетевой социальной киберреальностью и подверженная цифровым воздействиям и корректировкам, модернизациям и непредвиденным «программным сбоям», негативным проявлениям машинной логики и ошибкам при политическом «вводе» информации в социальную программу.

Это принципиальная специфика цифрового общества, здесь рождается социально-политическая проблема, которую можно назвать «искушением демиурга»: соблазнительными для элит возможностями быстрого и эффективного воздействия цифровыми инструментами на социум в целях политической и экономической конкуренции. Нарращивание киберподразделений вооруженных сил различными странами и «кибервойны» последнего времени, разнобразные «цифровые вмешательства» как средства «реальной политики», попытки изобрести всемогущие IT-инструменты контроля за обществом (по типу известного «нооскопа» [26]), рынками и сетями электронной коммуникации, а также другие опыты «цифровой демиургии», воссоздающие социальную модель «Паноптикона» Д. Бентама [28], дают здесь немало неоднозначных примеров. Одновременно утверждаются более взвешенные подходы, где перспективы AI становятся «генеральной линией» социально-политического развития в рамках демократически структурированной социальной среды. Так, японское правительство выдвинуло концепцию движения к *Обществу 5.0* (Super Smart Society), в которой технология искусственного интеллекта провозглашается ее важной частью, причем особо подчеркивается значение углубления взаимосвязи между научными и технологическими инновациями и обществом, а также этические, юридические и социальные аспекты взаимодействия с AI.

В России принята государственная программа «Цифровая экономика», где, по словам премьер-министра Д. Медведева, «ключевую роль должны играть новая бизнес-модель, создание информационных продуктов и сервисов, развитие *социальных отношений* в этой среде и человеческого капитала на основе тех возможностей, которые цифровая экономика открывает» [35]. Хотя именно отставание трансформаций институционального интерфейса от развития технологий и самосознания социума (доминирование монопольных государственных и квазигосударственных структур в экономике, закрытость информации и отсутствие политической конкуренции) делает такие

планы правительства проблематичными в исполнении.

Не случайно в докладе Всемирного банка (ВБ) «Конкуренция в цифровую эпоху» главными барьерами для фундаментальных технологических прорывов в РФ названы «структурные недостатки в экосистеме цифровой трансформации», ограниченный доступ к рынкам капитала и отсутствие «открытой инновационной культуры». По мнению аналитиков ВБ, главными целями цифровой стратегии должны стать стимулирование внедрения инноваций параллельно с укреплением «нецифровых основ» — повышением прозрачности и конкурентности бизнес-среды, гибким нормативным регулированием, расширением доступа к финансированию, а также повышение эффективности управления за счет внедрения дата-ориентированного подхода, развитие цифровых навыков и выстраивание диалога между государством, бизнесом, научным сообществом и гражданами [13].

В целом дискурс искусственного интеллекта, как повестка самоорганизации цифрового социума, дал важный результат: научно обоснованное и экспериментально подтвержденное признание ключевой роли синергии этических норм, философской рефлексии, эффективных институтов и новых технологий в гуманитарном синтезе электронной культуры, где «духовная и материальная составляющие формируются технологией искусственного интеллекта», а сами технологии искусственного интеллекта представляются метатехнологиями NBIC-комплекса, как отмечает С. Родзин [29, с. 2].

Повестка искусственного интеллекта демонстрирует здесь как заманчивые практические перспективы, так и серьезные риски социального творчества, требующие внимательного осмысления этого феномена в неразрывной связи с глубокой философской традицией изучения человеческого сознания и общества. После того, как интеллект был формализован как символическое представление особенного интерфейса межсистемной коммуникации и обработки данных, человек по-новому ощутил себя Образом и подобием Божьим, своего рода демиургом в контексте *создаваемой* им индустриальной, а затем — цифровой реальности как своего «удела» (Г. Лейбниц), где само человеческое сознание выступает в роли управляющей системы и автора программного электронного гипертекста.

«Удел» человека — по-прежнему общество, но теперь — постиндустриальное общество как «сеть сознания», существующая

в условиях вероятностной цифровой реальности и электронной культуры; главное, что дают прямо сейчас результаты дискурса искусственного интеллекта для социального творчества — это наглядное представление о том, что такое творчество возможно и эффективно только в рамках сети институтов культуры и права, имманентных законам движения информационной среды, гарантирующих и высвобождающих, а не ставящих под вопрос и ограничивающих свободу, политическое участие и моральную ответственность творящего новый социальный мир человека. Это условие было в разной степени справедливым и для прежних общественно-экономических укладов, однако, цифровое общество, базирующееся на экспоненциально множасьихся массивах данных, ежеминутно обновляющихся потоках информации и технологий ее обработки, превращает институционально обеспеченную свободу социального актора одновременно в технологический и политический императив динамичного и устойчивого социального развития.

1. Аблеев С. Р. Моделирование сознания и искусственный интеллект: пределы возможностей // Дельфис. 2016. № 85. URL: <http://www.delphis.ru/journal/article/modelirovanie-soznaniya-i-iskusstvennyi-intellekt-predely-vozmozhnosti> (дата обращения: 25.11.2018).

2. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. М.: Academia, 1999. 956 с.

3. Болховский А. Л. Информационно-сетевое общество: социально-философский анализ. URL: <http://www.dissercat.com/content/informatsionno-setevoe-obshchestvo-sotsialno-filosofskii-analiz> (дата обращения: 23.12.2017).

4. Бостром Н. Искусственный интеллект. Этапы. Угрозы. Стратегии. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2016. 496 с.

5. Брейе Э. Философия Плотина. СПб.: Владимир Даль, 2012. 392 с.

6. Бриньолфсон Э., Макафи Э. Вторая эра машин. М.: АСТ, 2017. 384 с.

7. Быковский И. А. Философские аспекты создания основ искусственного интеллекта: дис. ... канд. филос. наук. Саратов, 2003 180 с. URL: <http://www.dslib.net/filosofia-texniki/filosofskie-aspekty-problem-sozdaniya-iskusstvennogo-intellekta.html> (дата обращения: 25.11.2018).

8. Гутенев М. Ю. Проблема искусственного интеллекта в философии XX века // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2012. № 4 (32). С. 77—80.

9. Делягин М. Г. Место информационной революции в эволюции человека // Постчеловечество. М.: Алгоритм, 2006. 320 с.

10. Деннет Д. Сладкие грезы. Чем философия мешает науке о сознании. М.: УРСС : ЛЕНАНД, 2017. 304 с.

11. Дубровский Д. И. Сознание, мозг, искусственный интеллект. М. : Стратегия-Центр, 2007. 272 с.

12. Кадомцев Б. Б. Динамика и информация. М. : Ред. журн. «Успехи физических наук», 1997. 400 с.

13. Краснушкина Н. Цифровизация сверху вниз // Коммерсантъ. 2018. № 189. 16 окт.

14. Ладов В. А. Философские проблемы искусственного интеллекта. Томск : Томск. гос. ун-т., 2005. URL: http://fsf.tsu.ru/wp_test/wp-content/uploads/tutorials/AI211.pdf (дата обращения: 25.11.2018).

15. Лейбниц Г. В. Письма и эссе о китайской философии и двоичной системе исчисления. М. : ИФ РАН, 2005. 404 с.

16. Лотман Ю. М. Мозг — текст — культура — искусственный интеллект // Статьи по семиотике и топологии культуры. Т. 1. Tallinn : Александра, 1992. 247 с.

17. Люгер Дж. Ф. Искусственный интеллект. Стратегии и методы решения сложных проблем. М. : Вильямс, 2018. 864 с.

18. Мамардашвили М. В. Лекции по античной философии. СПб. : Азбука, 2012. 320 с.

19. Назаретян А. П. Цивилизационные кризисы в контексте универсальной истории. М. : Мир, 2004. 367 с.

20. Назарчук А. В. Сетевое общество и его философское осмысление // Вопросы философии. 2008. № 7. С. 61—75.

21. Налимов В. В. Спонтанность сознания. Вероятностная теория смыслов и смысловая архитектура личности. М. : Академ. проект, 2011. 399 с.

22. Осипов Г. С. Искусственный интеллект: состояние исследований и взгляд в будущее. URL: <http://www.raai.org/about/persons/osipov/pages/ai/ai.html> (дата обращения: 25.11. 2018).

23. Пиаже Ж. Избранные психологические труды. М. : Просвещение, 1969. 659 с.

24. Подопригра А. В. Число и цифра: пифагорейская традиция и метафизика цифровой реальности // Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН. 2018. Т. 18, вып. 3. С. 7—27.

25. Подопригра А. В. Левиафан и Сеть: философия власти в цифровом обществе // Социум и власть. 2018. № 2. С. 7—18.

26. Подопригра А. В. Институт и инструмент. Глобальная неопределенность и социальная динамика // Социум и власть. 2016. № 6. С. 7—15.

27. Подопригра А. В. Интерактивное общество: понятие и генезис // Социум и власть. 2017. № 4. С. 14—23.

28. Подопригра А. В. Есть ли смысл в тотальном контроле над потемкинской деревней? // Ведомости. 2018. 11 февр.

29. Родзин С. И., Титаренко И. Н. NBIC-технологии, искусственный интеллект и электронная культура // Информатика, вычислительная техника и инженерное образование. 2013. № 2. С. 1—14.

30. Фуко М. Лекции о воле к знанию с приложением «Знание Эдипа». СПб. : Наука, 2016. 351 с.

31. Юнг К. Г. Символы трансформации. М. : АСТ, 2009. 731 с.

32. Юнг К. Г. Попытка психологического истолкования догмата о Троице // Ответ Иову. М. : АСТ, 2001. 384 с.

33. Ясперс К. Духовная ситуация времени // К. Ясперс, Ж. Бодрийяр. Призрак толпы. М., 2008. 272 с.

34. Ясперс К. Истоки истории и ее цель // К. Ясперс. Смысл и назначение истории. М. : Республика, 1994. 527 с.

35. Заседание президиума Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам : стенограмма. URL: <http://government.ru/news/34001/> (дата обращения: 10.10.2018).

References

1. Ableev S.R. (2016) *Delphis*, no. 85. Available at: <http://www.delphis.ru/journal/article/modelirovanie-soznaniya-i-iskusstvennyi-intellekt-predely-vozmozhnostei>, accessed 25.11. 2018 [in Rus].

2. Bell D. (1999) *The coming post-industrial society*. Moscow, Academia, 956 p. [in Rus].

3. Bolkhovskiy A.L. *Information network society: a socio-philosophical analysis*. Available at: <http://www.disscat.com/content/informatsionno-setevoe-obshchestvo-sotsialno-filosofskii-analiz>, accessed 12/23/2017 [in Rus].

4. Bostrom N. (2016) *Artificial Intelligence. Stages. Threats. Strategies*. Moscow, Mann, Ivanov and Ferber, 496 p. [in Rus].

5. Braye E. (2012) *Philosophy Plotinus*. St. Petersburg, Vladimir Dal, 392 p. [in Rus].

6. Brienolfson E., McAfee E. (2017) *The Second Era of Machines*. Moscow, AST, 384 p. [in Rus].

7. Bykovskiy I.A. (2003) *Philosophical aspects of creating the foundations of artificial intelligence*. Saratov, 180 p. Available at: <http://www.dslib.net/filosofia-tekhniki/filosofskie-aspekty-problem-sozdaniya-iskusstvennogo-intellekta.html>, accessed 25.11. 2018 [in Rus].

8. Gutenev M.Yu. (2012) *Bulletin of the Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts*, no. 4 (32), pp. 77—80 [in Rus].

9. Delyagin M.G. (2006) *The place of the information revolution in human evolution. Post-manhood*. Moscow, Algorithm, 320 p. [in Rus].

10. Dennett D. (2017) *Sweet dreams. Than philosophy hinders the science of consciousness*. Moscow, URSS, LENAND, 304 p. [in Rus].

11. Dubrovsky D.I. (2007) *Consciousness, brain, artificial intelligence*. Moscow, Strategy-Center, 272 p. [in Rus].

12. Kadomtsev B.B. (1997) *Dynamics and information*. Moscow, Journal of Uspekhi Fizicheskikh Nauk, 400 p. [in Rus].

13. Krasnushkina N. (2018) *Kommersant*, no. 189, 16 Oct. [in Rus].

14. Ladov V.A. (2005) *Philosophical problems of artificial intelligence*. Tomsk, Tomsk State University. Available at: http://fsf.tsu.ru/wp_test/wp-content/uploads/tutorials/AI211.pdf, accessed 25.11.2018 [in Rus].

15. Leibniz G.V. (2005) *Letters and essays on Chinese philosophy and binary system*. Moscow, IPH RAS, 404 p. [in Rus].

16. Lotman Yu.M. (1992) *Brain — text — culture — artificial intelligence // Articles on semiotics and culture topology*. Vol. 1. Tallinn, Alexandra, pp. 25—34 [in Rus].

17. Luger J.F. (2018) Artificial Intelligence. Strategies and methods for solving complex problems. Moscow, Williams, 864 p. [in Rus].

18. Mamardashvili M.V. (2012) Lectures on ancient philosophy. St. Petersburg, ABC, 320 p. [in Rus].

19. Nazaretyan A.P. (2004) Civilizational crises in the context of universal history. Moscow, Mir, 367 p. [in Rus].

20. Nazarchuk A.V. (2008) *Questions of Philosophy*, no. 7, pp. 61—75 [in Rus].

21. Nalimov V.V. (2011) Spontaneity of consciousness. Probabilistic theory of meanings and semantic architectonics of personality. Moscow, Academic Project, 399 p. [in Rus].

22. Osipov G.S. Artificial Intelligence: State of Research and Looking to the Future. Available at: <http://www.raai.org/about/persons/osipov/pages/ai/ai.html>, accessed 25.11.2018 [in Rus].

23. Piaget J. (1969) Selected psychological works. Moscow, Enlightenment, 659 p. [in Rus].

24. Podoprigora A.V. (2018) *cientific Yearbook of the Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences*, vol. 18, iss. 3, pp. 7—27 [in Rus].

25. Podoprigora A.V. (2018) *Socium i vlast'*, no. 2, pp. 7—18 [in Rus].

26. Podoprigora A.V. (2016) *Socium i vlast'*, no. 6, pp. 7—15 [in Rus].

27. Podoprigora A.V. (2017) *Socium i vlast'*, no. 4, pp. 14—23 [in Rus].

28. Podoprigora A.V. (2018) *Vedomosti*, 11.02.2018 [in Rus].

29. Rodzin S.I., Titarenko I.N. (2013) *Informatics, computer engineering and engineering education*, no. 2, pp. 1—14 [in Rus].

30. Foucault M. (2016) Lectures on the will to knowledge with the application "Knowledge of Oedipus". St. Petersburg, Science, 351 p. [in Rus].

31. Jung K.G. (2009) Transformation symbols. Moscow, AST, 731 p. [in Rus].

32. Jung K.G. (2001) Attempt to psychological interpretation of the dogma of the Trinity // Answer to Job. Moscow, AST, 384 p. [in Rus].

33. Jaspers K. (2008) Spiritual situation of time // K. Jaspers, J. Baudrillard. Ghost of the crowd. Moscow, 272 p. [in Rus].

34. Jaspers K. (1994) Origins of history and its purpose // K. Jaspers. The meaning and purpose of history. Moscow, Republic, 527 p. [in Rus].

35. Session of the Presidium of the Presidential Council on Strategic Development and National Projects. Transcript. Available at: <http://government.ru/news/34001>, accessed 10.10.2018 [in Rus].

For citing: Podoprigora A.V.

Artificial Intelligence as a discourse of digital society self-understanding and self-organization // *Socium i vlast'* 2019. № 1 (75). P. 7—20.

UDC 1:3

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AS A DISCOURSE OF DIGITAL SOCIETY SELF-UNDERSTANDING AND SELF-ORGANIZATION

Aleksander V. Podoprigora,

Scientific-Educational Center,
Institute of Economics, Ural branch
of the Russian Academy of Sciences
and Chelyabinsk State University,
Senior researcher,
Cand. Sc. (Political Sciences),
Russian Federation, 454021, Chelyabinsk,
ulitsa Molodogvardeytshev, 706
E-mail: agora821@gmail.com

Abstract

In the framework of interdisciplinary approach the article considers the philosophical background and evolution of the discourse on artificial intelligence from the viewpoint of its influence on self-awareness, meanings and institutional architecture of post-industrial information (digital) society. The author gives the definition of intelligence as a property of a self-learning information system, which makes it possible to interpret the environment data in a symbolic form and interactively generate communication languages, answers to challenges, meanings and probabilistic models of purposeful action on this basis. The paper reveals peculiarities of nature, genesis and evolution of human intelligence as a sociocultural information system, operating today in the digital reality and electronic culture, as well as "artificial intelligence" as a new technological format for the functioning of social consciousness and knowledge generation. The author states the imperative nature of the formation, with a view to sustainable and dynamic development, of the institutional environment of the network society, adequate to the electronic culture, modern technologies of information generation and processing as an intersystem communication.

Key concepts:
artificial intelligence,
digital society,
information,
communication,
institutions,
electronic culture,
symbols,
networks.

Для цитирования: Нехамкин В. А. Внешние аналоговые модели в социальном познании: причины возникновения, типология, перспективы использования // Социум и власть. 2019. № 1 (75). С. 21—30.

УДК 009; 303.09

ВНЕШНИЕ АНАЛОГОВЫЕ МОДЕЛИ В СОЦИАЛЬНОМ ПОЗНАНИИ: ПРИЧИНЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ, ТИПОЛОГИЯ, ПЕРСПЕКТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ

Нехамкин Валерий Аркадьевич,

Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана, профессор кафедры философии, доктор философских наук, профессор. Российская Федерация, 119602, г. Москва, ул. Никулинская, д. 15, корпус 1. E-mail: nechamkin@rambler.ru

Аннотация

В работе оценивается роль внешних аналоговых моделей в гуманитарных науках, при познании общества. Показаны причины появления таких конструкций. Уточняется определение данного понятия. Производится демаркация внешних и внутренних аналоговых моделей, порожденных самим социальным познанием. Выявляются естественные науки, теоретические конструкции из которых экстраполируются в гуманитарные дисциплины: геология, география, физика, биология. Демонстрируются сильные и слабые стороны внешних аналоговых моделей, выявившиеся в ходе их практического использования для изучения человека и общества. Делается вывод, что внешние аналоговые модели для применения в социальном познании должны быть обязательно категориально и методологически апробированы. Констатируется, что поиск внешних аналоговых моделей, пришедших в социальное познание из естественных наук, не ограничивается приведенными в работе и должен быть продолжен. Статья адресована философам, историкам, социологам, представителям иных дисциплин, интересующимся проблемами моделирования в гуманитарных науках.

Ключевые понятия:

социальное познание, модель, внутренние аналоговые модели, внешние аналоговые модели.

Введение

Современное социальное познание немислимо без использования моделей. Это установленный субъектом, базирующийся на определенных теоретических допущениях и упрощении реальности, идеализированный материальный или идеальный (абстрактный) аналог объекта гуманитарного или естественнонаучного исследования, способный благодаря своей изоморфности отображать его и давать о нем новое знание [18, с. 27]. Появившиеся в XX в. теории «восстания масс» Х. Ортеги-и-Гассета, «открытого общества» К. Поппера, постиндустриального общества (Д. Белл и т. д.), «шока будущего» Э. Тоффлера, «конца истории» Ф. Фукуямы и многие другие носят характер теоретических конструкций, построенных путем абстрагирования от реальности.

Как подобные модели возникают? Одни из них приходят из самого социального познания и изучаемой им реальности, а потому могут быть названы «внутренними аналоговыми моделями». Сюда можно отнести модели: идеальных типов М. Вебера (как универсальную). А так же — человека: «рационального» (М. Вебер), «играющего» (И. Хейзинга), «символического» (Э. Кассирер), «политического» (берет начало с Аристотеля), «экономического» (А. Смит, Д. С. Милль и др.) и т. д. — как частные. В каждой из них индивид рассматривается как «одномерный» субъект, максимально абстрагированный от «лишних» (не учитываемых моделью) элементов социальной действительности, обладающий в ней какой-то одной функцией (что позволяет ученым рассмотреть ее наиболее подробно). Модели формировались по следующей методике. Допустим, что человек занимается только политикой, у него нет иных мотивов, целей и т. д. Отсюда по аналогии с подобной абстракцией и строится модель «человека политического». Homo economicus тоже действует исключительно рационально, его мотивы поведения редуцированы к максимизации прибыли, а выбор из вариантов действий реализуется, исходя из значения его экономических последствий (выгод). По аналогии с данной теоретической конструкцией оцениваются реальные люди, их действия как экономических субъектов.

Причем, сами исследователи, подобно М. Веберу, прекрасно понимали, что их «идеальные типы» не могут полностью отражать социальную реальность: человек — не только рациональное существо, не всегда стремится к максимизации прибыли, на его

поступки влияют бессознательные мотивы, аффекты и т. д. «В действительности такой мысленный образ (идеальный тип «рациональный человек» — *прим. авт.*) в его понятийной чистоте нигде эмпирически не обнаруживается; это — утопия» [1, с. 389]. Но в результате использования моделей ученый получает «лишенный внутренних противоречий космос мысленных связей» [1, с. 390].

Иногда оказывается мало и такого подхода: ограниченного абстрагирования человека от иррациональных или не относящихся к сугубо специфическим (политическим, экономическим и т. д.) мотивам деятельности. В основу модели в социальном познании кладется более углубленное «изолирование» людей от внешних факторов. Ведь и «рациональный», и «играющий», и «политический», и «символический» человек находятся в тесной коммуникации с другими индивидами. Отсюда в экономической теории XIX—XX вв. появляются т. н. «робинзонады» [подробно см.: 17]. Здесь описывалось сугубо (в чистом виде) «экономическое» поведение человека, удаленного от социума на необитаемом острове (по имени героя одноименного романа Д. Дефо). Оценивая итоги становления «робинзонад», Л. Мизес писал: «Ни одна идеальная конструкция не вызвала столько нападок, как изолированный экономический субъект, целиком зависящий только от самого себя. Но экономическая наука не может обойтись без него» [15, с. 230].

Ряд аналоговых моделей пришел в социальное познание из такой гуманитарной науки, как психология. Общество здесь редуцировалось к «мозгу людей», к «нервным клеткам», к «психически здоровому/больному человеку» (особенно сильно популяризовал последнюю теоретическую конструкцию Э. Фромм в работе «Здоровое общество»). З. Фрейд рассматривал социум через модель психики индивида, где из трех уровней — сознание, подсознание, бессознательное — доминирует последний (см. его работу «Будущее одной иллюзии» в сборнике «Сумерки богов»). Примеры можно продолжать, но ясно, что на изучение общества влияют и модели, пришедшие из такой гуманитарной науки, как психология [12, с. 1—14].

В ходе эволюции внутренних аналоговых моделей в социальном познании проявилась важная тенденция: постепенная минимизация их связи с реальностью. В XVII в. Т. Гоббс, создавая модель «войны всех против всех» как главной причины перехода от «естественного» общества полностью «свободных» (равных в правах) индивидов к государственному состоянию, нуждался в поиске

ее эмпирических оснований на базе аналогии с реальностью. Он писал: «Может быть, кто-нибудь подумает, что такого времени и такой войны, как изображенные мной, никогда не было, да и я не думаю, чтобы они существовали когда-либо как общее правило по всему миру. Однако есть много мест, где люди живут в таком состоянии и в настоящее время. Например, дикие народности во многих местах Америки не имеют никакого правительства, кроме власти маленьких родов-семей... Какова была бы жизнь людей при отсутствии общей власти, внушающей страх, можно видеть из того образа жизни, до которого люди, жившие раньше под мирной властью правительства, обыкновенно опускаются во время гражданской войны» [5, с. 183]. Тем самым обоснование предложенной модели на практике Т. Гоббс видел в высокой конфликтности до государственного родового строя и ее разрывыванием в ходе гражданской войны (свидетелем которой в Англии середины XVII в. был философ). В более поздний период ученые-гуманитарии в таких гипотезах «не нуждаются»: они ищут подобные аналогии не в эмпирии, а в рамках самой теории, честно признавая определенную «химичность» полученных моделей по отношению к практике.

Таковы внутренние аналоговые модели, материал для создания которых берется из самой социальной действительности и из данных гуманитарных наук. Конечно, подобные теоретические конструкции порождаются не только социологией, психологией, экономикой, политологией, антропологией, философией, но их подробное рассмотрение — тема отдельного исследования.

Другие — внешние аналоговые модели — в гуманитарных науках возникают на базе теоретических конструкций, взятых из противоположных им по предмету и методу дисциплин: естественных наук. Данному процессу способствуют различные гносеологические факторы: а) междисциплинарность (нашедшая яркое выражение в системном походе и синергетике); б) стирание жестких границ между разными типами наук; в) диффузия (перетекание) между ними методов (средств) познания; г) господствующие в научном сообществе идеалы научности (в XVII—XIX вв. образцом «точности» и «строгости» для многих ученых и философов служило естествознание в лице физики, математики, биологии, откуда в социальное познание в силу подобного убеждения «перетекали» некоторые теоретические конструкции). Внешние аналоговые модели и станут предметом анализа настоящей рабо-

ты. По мнению ряда авторов, это — «извлеченные из вспомогательных (по отношению к социально-философскому знанию) областей знания заимствования, которые применяются для описания, интерпретации, моделирования, объекта социальной реальности» [12, с. 1]. Причем, данные «заимствования» выступают преимущественно в форме моделей, которые затем апробируются применительно к познанию общества, его методологии.

В статье будут поставлены вопросы. Из каких источников вырастают внешние аналоговые модели в социальном познании? В чем их сильные и слабые стороны при современном изучении человека и общества? Каково будущее таких теоретических конструкций? Для поиска ответов на них используются следующие методы: моделирование (как универсальный), структурно-функциональный анализ (при классификации внешних аналоговых моделей по дисциплинам их «происхождения»), сравнительный анализ (для сопоставления эвристического потенциала внешних аналогий, пришедших из геологии, географии, физики, биологии в социальное познание).

Источники внешних аналоговых моделей гуманитарных наук в естествознании

В качестве источников внешних аналоговых моделей, которые взяли на вооружение гуманитарные науки, можно признать следующие естественные науки: геологию, географию, физику, биологию. Рассмотрим последовательно порожденные ими наиболее популярные теоретические конструкции, их эвристический потенциал и ограниченность.

Внешние аналоговые модели в социальном познании, построенные на базе геологии

Геология как наука оказала влияние на формирование двух фундаментальных подходов в гуманитарном познании XIX—XX вв.: формационного и цивилизационного. В первом она позволила К. Марксу, Ф. Энгельсу и их последователям дать название особому способу членения исторического процесса на отдельные стадии, во втором — описать (на базе категории «разлом») механизм конфликта цивилизаций в версии С. Хантингтона.

Понятие «формация» ко второй половине XIX в. использовалось в двух науках: гео-

логии и биологии. Следовательно, К. Маркс и Ф. Энгельс могли взять его содержание из любой дисциплины, перенести в социальные науки. В биологии (ботанике) формация (термин идет от латинского слова «formatio» — «образование»), — классификационная единица, объединяющая группы ассоциаций с общим видом (эдификатором). Так, формация сосны обыкновенной объединяет все ассоциации деревьев, где господствует их данный тип. В геологии — естественное, закономерное сочетание горных пород, связанных общностью условий образования. Формации (литологические, вулканогенные, рудные и др.) возникают на определенных этапах становления основных структурных зон земной коры. Показательно, что за основу подхода К. Маркс и Ф. Энгельс взяли именно геологическое содержание понятия. Экономическая «общность условий образования» (наличие специфического способа производства) роднит различные стадии исторического процесса, выделяемые в данной модели: первобытнообщинную, рабовладельческую, феодальную, капиталистическую, коммунистическую. Сходством с формацией геологической у ее социального аналога было: неизбежность (объективность) возникновения, наличие универсальной основы выделения, появление нескольких уровней социального развития (как и у земной коры), последовательность (иерархия) расположения стадий («пластов»). Причем, К. Маркс и Ф. Энгельс дали социологические определения базовому понятию («формация»), выявили их социальную структуру (через категорию «способ производства»), осуществили классификацию именно «общественно-исторических» формаций, т. е. адаптировали пришедшее из геологии понятие для работы в социальных науках.

Геология повлияла и на цивилизационный подход (в версии С. Хантингтона, появившейся в 1993 г.). Здесь из геологии взята категория «разлом», которая стала вторым по важности в данной концепции после собственно «цивилизации». Как и формации, он касается земной коры, но, зарождаясь в ее толще, проявляется и на поверхности. Кроме того, понятие «разлом» известно широкой публике, интерес к нему породил ряд кинофильмов (из последних — голливудский фильм-катастрофа 2015 г. «Разлом Сан-Андреас»). С данным природным феноменом связаны такие явления, как землетрясения, цунами, разрушения городов и т. п. негативные события. Отсюда американский ученый пользовался понятием, имеющим

значительную (хоть и отрицательную) коннотацию в массовом сознании.

С. Хантингтон назвал свою теорию «столкновением цивилизаций». Каждая из них базируется на идентификации входящих в нее людей. Отсюда цивилизации похожи на тектонические плиты (хотя эту аналогию С. Хантингтон прямо не использовал), при смещении которых (или образовании новых) происходит «разлом» земной (и по аналогии — социальной) коры. Это вызывает соответствующие колебания, «землетрясения» в виде конфликтов на границах сталкивающихся цивилизаций.

Как используется геологическая категория «разлом» в социальном познании? Столкновение цивилизаций у С. Хантингтона протекает либо между соседними государствами, представляющими различные цивилизации (локальный или микроуровень); либо между ведущими государствами, сверхдержавами, относящимися к различным цивилизациям (глобальный или макроуровень) [26, с. 351—352]. Именно для описания событий на локальном уровне и появляется термин «конфликты по линии разлома». У понятия нет четкого определения, и его содержание приходится выстраивать по косвенным признакам, сообщенным С. Хантингтоном. (Хотя в 2000-е гг. категорию пытались формализовать иные ученые, в т. ч. отечественные [20, с. 195]). Главная причина «разлома» — «несхожесть людей между собой» [26, с. 443]. Цель — борьба за контроль над народом или обладание территорией. Как минимум, один из участников конфликта стремится завоевать территорию и освободить ее от другого народа «путем изгнания, или физического уничтожения» [26, с. 444]. Получается, что одна «плита-цивилизация» и ее представители пытаются занять место (территорию) другой. Субъекты разлома — государства, принадлежащие к разным цивилизациям; группы, представляющие различные цивилизации внутри одного государства; группы, пытающиеся создать новые государства «на обломках прежних» [26, с. 351—352]. Наконец, религиозно ориентированные группы: «конфликты по линиям разлома особенно часто возникают между мусульманами и немусульманами» [26, с. 352].

Каков итог модельной аналогии у С. Хантингтона? Цивилизации подобны тектоническим плитам, «накладывающимся» друг на друга. Это приводит к их столкновению и конфликтам в местах соприкосновения. Причины такого положения дел — противоположная ментальность людей,

особенно часто проявляющаяся в религиозной форме.

Однако в методологическом плане аналоговое моделирование С. Хантингтона содержало, на наш взгляд, ряд недостатков. Он взял из геологии только одно понятие «разлом» (уподоблять цивилизации «плитам» ученый не стал), которое хотя и было немного терминологически апробировано к гуманитарному познанию, но не получило однозначного определения, форм проявления. Отсюда пример показывает: при аналоговом моделировании важно адаптировать заимствованную категорию, ее содержание для изучения общества не только формально (использовав термин «конфликты по линии разлома»), но и содержательно.

Внешние аналоговые модели в социальном познании, построенные на базе географии

География — тоже важнейшая из естественных наук, известная с античности (одноименный трактат написан в I в. до н. э. Страбон). Она дает людям представление об устройстве Земли с точки зрения ее поверхности (геология познает преимущественно внутреннее строение планеты). На ее базе в социальном познании образовались три важные аналоговые модели: Восток — Запад, климато- и аквацентрическая. Рассмотрим их.

Восток и Запад — две стороны света. Их фиксация при изучении общества, соответствующая аналогия оказалась эвристически полезной, позволила создать ряд моделей. Во-первых, объединить по данному признаку группы государств, классифицировав их как особые цивилизации. Так, в разных версиях цивилизационного подхода (от А. Тойнби до С. Хантингтона), появившихся в XX в., присутствовали подобные образования. Во-вторых, задать (в зависимости от пристрастности исследователя) вектор социально-географической динамики цивилизаций (исторического процесса): с Востока на Запад (Г. Гегель [3, с. 147]) или иной. В-третьих, выявить общие характеристики, присущие странам, входящим в данные географические объединения. Государства Запада, как правило, базируются на рыночной экономике (поощряющей частную инициативу), демократической форме правления, их население в плане господствующей ментальности рационально, индивидуалистично. На Востоке доминируют противоположные основания социальности: государственно ориентированная (регулируемая) экономика, авторитаризм (тоталитаризм), созерца-

тельность, коллективность [9, с. 210—215]. Наконец, либо усомниться в правильности подобной модельной классификации, объявив «дихотомию «Восток-Запад» <...> мифом» [26, с. 33]. Или считать ее константной, неизменной (как полагал писатель Р.Киплинг, «Запад есть Запад, Восток есть Восток, и с места они не сойдут»).

Довольно интересно, что аналогия «Восток-Запад» при моделировании социальных отношений использовалась гораздо чаще, чем отсылка к двум оставшимся частям света — северу и югу. Показательно, что первая применялась при создании моделей к международным, а вторая — к внутригосударственным отношениям (скажем, проблемы по линии Север — Юг принято выделять у Италии, иных стран) [21]. Такой подход позволил С. Хантингтону сделать вывод об относительности данного вида географического моделирования: «использование терминов «Восток» и «Запад» для обозначения географических районов является сбивающим с толку и этноцентрическим. «Север» и «Юг» имеют повсеместно принятые исходные точки — на полюсах. У понятий «Восток» и «Запад» такие базисные точки отсутствуют. Вопрос заключается в следующем: восток и запад чего? Все зависит от того, где вы стоите» [26, с. 60]. Значит, построение моделей социальных отношений на базе противопоставления частей света имеет свои достижения и пределы.

Другой важный географический — климат. В XVII—XVIII вв. ряд мыслителей (Ж. Боден, Ж.-Б. Дюбо, Ш. Монтескье и др.) взяли данный параметр за основу создания особой климатоцентрической модели [19, с. 120—123]. Она позволила добиться некоторых успехов в социальном познании. Во-первых, классифицировать государства по данному основанию на находящиеся в жарком, холодном, умеренном климате. Во-вторых, признать последний из них наиболее приемлемым для существования людей. В-третьих, объявить по уровню интеллекта «южан» ленивыми, склонными к рабству, «северян» — вынужденными бороться за выживание, а потому не развивающих свои способности, «умеренных» — наиболее позитивными в умственном отношении. Хотя подобная модель и упрощала социальную действительность, но позволила относительно корректно привязать взятое из географии понятие «климат» к изучению общества.

Наконец, третьим географическим фактором, на базе которого осуществлялось моделирование в социальном познании XIX в., стала вода, точнее водные ресурсы Земли. На ее основе Л. И. Мечниковым создана мо-

дель, которую можно назвать аквацентрической [19, с. 123—125]. Она исходила из того, что исторический процесс целесообразно трактовать исходя из близости социальных объектов к водным акваториям. Достижения подобной модели: 1) выделение трех цивилизаций (речной, морской, океанической); 2) выведен закон их смены друг другом; 3) показано, что речные цивилизации были замкнутыми (автаркичными), морские — региональными, океанические — международными (глобальными); 4) «центр цивилизации» перемещался от одного города к другому. Динамика цивилизаций выражала особенности главного географического фактора: «По прошествии ряда веков *поток цивилизации* (курсив авт.) спустился к морю и распространился по его побережью» [14, с. 329]. В итоге аквацентрическая модель (несмотря на отдельные недостатки) продемонстрировала, что социальное познание может строить теоретические конструкции и на базе такого географического фактора, как доминирующие типы акваторий.

Модели, пришедшие в социальное познание из географии, тоже показали свой высокий эвристический потенциал. Это обстоятельство привело к построению новых концепций как в рамках цивилизационного подхода, так и географического детерминизма.

Внешние аналоговые модели в социальном познании, возникшие на базе физики

Физика, особенно в XVIII—XIX вв., выступала важнейшей дисциплиной, из которой общественные науки черпали теоретические конструкции. Прежде всего, стоит отметить основателя позитивизма О. Конта. Взяв за образец классическую механику И. Ньютона, он попытался экстраполировать данную дисциплину на гуманитаристику в целом. В итоге у О. Конта появилась новая наука, которая сначала называлась «социальная физика» (хотя термин сохранил А. Кетле [10]), а потом стала именоваться проще (и в этом виде дошла до наших дней) — социология. Ей ставилась комплексная задача: 1) объединить существующие гуманитарные науки на предметном и методологическом уровне; 2) открыть законы развития общества (подобно тому, как классическая механика выявила аналогичные законы в отношении природного мира); 3) давать точные прогнозы его динамики.

Некоторые последователи О. Конта в лице Л. Гумпловича даже заявили, что

понятая таким образом социология — «фундамент всех наук, занимающихся отдельными частями человеческого общества» [6, с. 125]. Ибо она, «наблюдая исторический процесс, должна вывести из него социальные законы <...> Если эти законы познаны правильно, — они должны *управлять* (курсив авт.) настоящим и будущим так же, как они управляли прошедшим. В таком случае на место шатких ... вероятностей выступает трезвый, покоящийся на позитивном социальном знании ... расчет и *предвидение будущего* (курсив Л. Гумпловича)» [6, с. 123]. В итоге социология объявлялась позитивистами «главной» общественной наукой, а ее познавательная модель мыслилась как аналогичная физике.

Другой моделью, которую социальное познание взяло из классической механики, выступала трактовка общества как особого типа «механизма» (по аналогии с природными), а людей — как специфических «автоматов», реагирующих на внешние воздействия. На ее основе появились модели «социального механизма» (общество) и «телесного механизма» (человек).

Приведем один (из многих) примеров подобной модельной аналогии в духе «человек-машина». Так, в работе с одноименным названием Ж. Ламетри утверждал, что на поведение людей решающим образом влияет, с одной стороны, кровообращение и обстоятельства, которые его «усиливают, приостанавливают, ослабляют или ускоряют» [13, с. 290]. С другой стороны, — употребляемая пища, значение которой еще больше, чем крови. Как писал Ж. Ламетри, «человеческое тело — это заводящая себя машина, живое олицетворение непрерывного движения. <...> Без пищи душа изнемогает, впадает в неистовство, и, наконец, изнуренная умирает. <...> Но если питать тело живительными соками..., то душа становится бодрой... Как велика власть пищи! Она рождает радость в опечаленном сердце...» [13, с. 183]. Получалось, что человек — почти такой же физический объект (механизм), как и остальные, только стимулируемый к деятельности особыми «питательными» веществами.

Однако в той же работе Ж. Ламетри можно встретить описание эмпирической ситуации, опровергающей выявленную закономерность. Казалось бы, прием пищи должен сделать человека добрее, но происходит все с точностью до наоборот. Знакомый философ юрист Штейгер натошак «...был самый справедливый и <...> самый снисходительный судья; но горе несчастному, оказывавшемуся на скамье подсудимых после сытного обеда судьи: последний способен был

тогда повесить самого невинного человека» [13, с. 184]. Отсюда даже для понимания мотивов поведения отдельных лиц (не говоря уже о коллективах) модель «телесного механизма» оказывалась ограниченной в своем эвристическом потенциале. Но фактические опровержения не влияли на сторонников подобной теоретической конструкции, уверенных в ее правильности.

Третья модель, взятая социальным познанием XVIII—XIX вв. из классической механики, — «социального притяжения/отталкивания». Поскольку в физическом мире одни тела притягивались, а иные — отталкивались друг от друга, постольку решено было перенести эту зависимость и на социум. Так, А. Кетле прямо утверждал, что «социальная система, наравне с физическими телами, подчинена двум родам сил: притягательным и отталкивающим» [11, с. 298]. Отсюда, например, чисто социальный объект — нацию — от трактовал как «тело, состоящее из однородных элементов, действующих единодушно и проникнутых одним и тем же жизненным принципом» [11, с. 148], т. е. «притягивающихся» друг к другу. Более того, не только общество, но индивиды, из которых оно состоит, вынуждены на микроуровне выбирать между силами притяжения и отталкивания. Чаще доминируют первые, тогда общество сохраняется, успешно развивается. «В таком состоянии антагонизма, притягательные силы, побуждающие людей соединяться между собою, одерживают обыкновенно верх и отсюда вытекают различные виды комбинаций» [11, с. 147]. Но так бывает не всегда. В случае различных социальных «болезней» (гражданских войн, кризисов и т. д.) преобладают силы отторжения, отталкивания, что ставит социальную систему на грань гибели.

Модель социального притяжения / отталкивания имела положительные и отрицательные последствия. С одной стороны, жестко экстраполировала закономерности, выявленные физикой, на социальный мир, не всегда объясняя иные (более сложные) причины их происхождения. С другой стороны, такая теоретическая конструкция позволила сформировать в рамках социологии категории социальной статики и динамики, «насытить» их уже специфическим социальным содержанием.

Внешние аналоговые модели в социальном познании, построенные на базе биологии

Биология, в отличие от упомянутых выше дисциплин, изучала живую, а не кос-

ную природу, а потому была ближе к социальному познанию. Недаром в конце XX в. даже появляется особая область исследований — социобиология. Поэтому закономерно, что теоретические конструкции отсюда наиболее часто внедрялись в гуманитарные науки.

Прежде всего, стоит отметить модельные аналогии, полученные в социальном познании на базе прямого обращения к биологическим объектам. Так, А. А. Зиновьев по аналогии с муравейником ввел термин «человеиник». Он разделил их на два вида: локальный (отдельное общество) и глобальный (человечество в целом). Однако первоначально аналогия приняла в основном терминологический характер: от понятия «муравейник» произведен его социальный двойник — «человеиник». Далее философ вывел параметры моделируемого объекта. А. А. Зиновьевым выделены и общие функции обеих коллективов, позволяющие построить такую модель: 1) перманентное воспроизводство себе подобных особей; 2) обязательное взаимодействие индивидов как условие поддержания существования системы; 3) выполнение людьми и муравьями действий для самосохранения данной общности; 4) расположение на определенной точке пространства (территории) [8, с. 63—64].

В принципе для такого подхода есть основания: муравьи — социальные насекомые [28], а место их обитания справедливо рассматривается учеными как отдельный специфический организм, где каждая особь строго выполняет свои функции, генетически предрасположена к ним, не стремится попасть в более высокую нишу в поисках привилегий. (Муравей-рабочий не «желает» стать солдатом, а последние не побегут с поля боя из-за страха смерти, точно выполняют поставленный «полководцем» приказ и т. п.). Люди же, обладающие сознанием, не склонны к подобному слепому «подчинению» обществу, коллективу. Их требуется готовить к исполнению подобных ролей: например, длительный период обучать солдатскому мастерству, чтобы он стал хорошим воином, а у муравья эти умения «даны» от рождения. Кроме того, программа поведения человека формируется в процессе социализации обществом, а не дана ему генетически. Так что аналоговая модель «человеиника» не во всем верна при описании социума, где у каждого индивида есть собственное сознание. У муравейника и социума как моделей общественного коллектива больше отличий, чем сходств и

подобную аналогию целесообразно применять крайне осторожно.

Другой вид аналогии на основе прямого обращения к становлению биологического мира — выявление закономерности «рождение — жизнь — гибель». Она подтверждалась эмпирически в отношении любого объекта живой природы, а потому неоднократно использовалась и для моделирования общественной динамики. В XVIII в. И. Г. Гердер утверждал: «жизнь нашу (людей — *авт.*) можно сравнить с жизнью растения: мы прорастаем, растем, цветем, отцветаем, умираем» [4, с. 40]. По аналогии с растительным миром описывал бытие социальных образований (культурно-исторических типов) в XIX в. Н. Я. Данилевский: «Ход развития культурно-исторических типов всего ближе уподобляется тем многолетним одноплодным растениям, у которых период роста бывает неопределенно продолжителен, но период цветения и плодоношения — относительно короток и истощает раз навсегда их жизненную силу» [7, с. 92]. Впрочем, О. Шпенглер обосновывал подобный закон социальной жизни, взяв в качестве аналогии существование уже не растения, а индивида. С личного уровня такое обобщение экстраполировалось на социальный: «каждая культура проходит возрастные ступени отдельного человека. У каждой есть свое детство, возмужалость и старость» [29, с. 265]. Данная аналоговая модель получила наиболее широкое распространение в рамках цивилизационного подхода, позволяя описывать здесь локальные (замкнутые) цивилизации, их динамику. Однако за пределами данного объекта эвристический потенциал подобной теоретической конструкции падал.

Наконец, третья по важности аналогия, пришедшая в социальное познание из биологии и ставшая крайне популярной в XIX в., состоит в уподоблении общества организму, как правило, особому его виду: «социальному». Указанная категория нашла наибольшую разработку у Г. Спенсера, но проявилось и у А. Фулье, А. Шеффле, П. Ф. Лиленфельда, В. М. Хвостова, И. В. Лучицкого, П. Н. Милюкова и др. Г. Спенсер выступал не просто за «уподобление общества живому телу» [23, с. 265]. Он полагал, что «в социальном организме, как и в индивидуальном, является жизнь целого, совершенно отличная от жизней отдельных единиц, хотя и слагающихся из этих последних» [24, с. 284].

Суть позиции, что социальный и биологический «организмы» сходны морфологически и по присущим им законам наиболее четко выразил Р. Вормс: «Анатомия,

физиология и патология обществ воспроизводят — в больших размерах и с важными добавлениями и изменениями, но все же на той же основе — анатомию, физиологию и патологию организмов... Законы, управляющие членами общественного тела, отчасти по крайней мере, сходны с законами, управляющими клетками организма. Следовательно, все в обществе, элементы и законы, *подобно* (курсив авт.), не говорим тождественно — тому, что мы находим в теле отдельного человека» [2, с. 2—3].

В XX в. аналоговая модель «общество — организм» тоже нашла продолжение у ряда специалистов. Ю. И. Семенов использует термин «социально-исторический организм» («социор»), предполагающий под собой «отдельное конкретное общество, которое представляет собой относительно самостоятельную единицу исторического развития» [22, с. 21]. У В. М. Чернышева «общество рассматривается как «живой организм со свойственной всем живым системам логикой самодвижения и саморазвития. Понять эту логику можно, проведя аналогию между природным (биологическим) живым объектом и общественным организмом» [27, с. 391]. По мнению В. М. Чернышева, в общественном организме (который он по аналогии с организмом красноречиво назвал «Органоид») «инфраструктура в правильном сочетании с общественным производством создают нормальную Среду, подобную живой, разумной, целесообразной системе — без болезней и паразитов, вроде «глистов» [27, с. 392].

Последовательно развиваясь, аналогии по линии «социум — организм», «человек — социум» должны были неминуемо пересечься. Это нашло отражение в модели «общество-мозг» Г. Тарда (которая частично относится к психологии, но в большей степени порождена биологией). Логика движения к такой позиции видится следующей. Социум состоит из людей, представляющих собой биологические организмы, но их главным органом, позволяющим отличить человека от животных (вспомним выражение Р. Декарта «я мыслю, следовательно, существую»), выступает мышление, расположенное в соответствующем материальном носителе (мозге). Отсюда вывод Г. Тарда: «общество вообще представляет собой <...> большой собирательный мозг, в котором отдельные маленькие индивидуальные мозги являются клеточками» [25, с. 158]. Тем самым социум моделировался по образу и подобию главного мыслительного органа человека (а сам реальный индивид уподоблялся клеткам мозга — «нейронам»).

В итоге биология — наука, изучавшая человека как представителя животного мира и окружавшие его царства животных, растений, грибов, бактерий, стала дисциплиной, давшей социальному познанию в XIX—XX вв. наиболее интересные аналоговые модели. Их основой могли быть: конкретные биологические сообщества (модель человекика), общие универсальные стадии становления подобных организмов (рождение — жизнь — гибель), уподобление социума биологическому организму в целом, отождествление общества с органом мышления человека (мозгом). Тем самым при изучении общества эволюция внешних аналогий, полученных на базе биологии, шла по направлению от природных образований к социальным и дошла до антропоцентризма.

Заключение

Проведенный анализ позволил прийти к следующим выводам.

1. Необходимо и далее работать над содержанием понятий «внутренние» и «внешние аналоговые модели» в социальном познании. Требуется разработка форм их проявления, способов влияния на науку.

2. В работе рассмотрены лишь несколько естественнонаучных дисциплин, давших внешние аналогии социальному познанию: геология, география, физика, биология. Однако их на самом деле было гораздо больше. Поэтому процесс выявления аналоговых моделей, пришедших из естественных наук в гуманитарные, надо продолжить.

3. В статье выделены только некоторые аналоговые модели, которые естественные науки дали гуманитарным. Отсюда требуется осуществить их выявление и классификацию применительно к каждой дисциплине. Возможно, к естествознанию целесообразно будет добавить и технические науки.

4. Не всегда можно четко провести методологическую границу между внешними и внутренними аналоговыми моделями. К примеру, теоретическая конструкция «общество-мозг», как уже говорилось, возникает на стыке биологии и психологии. Однако делать подобную работу целесообразно.

5. В каждом конкретном социальном исследовании модели, пришедшие из естествознания, трансформируются применительно к предмету и порой источник их «происхождения» со временем трудно идентифицировать. Так, у С. Хантингтона на основе геологического понятия «разлом» возникла ориентированная на изучение цивилизаций категория «конфликты по линии

разлома». Но осуществлять такую работу надо, чтобы видеть причины достижений и неудач моделирования в гуманитарных науках.

6. Внешние аналоговые модели целесообразно обязательно адаптировать, приспособлять к условиям познания и методологии гуманитарных дисциплин. В противном случае, при их прямой экстраполяции из естествознания (как наглядно показал опыт заимствования моделей из физики, особенно позитивистами в лице О. Конта и его последователей, механицистами в лице Ж. Ламетри и др.) социальное познание не избежит множества ошибок, противоречий.

7. Интересная тема — причины (мотивы), по которым ученые-гуманитарии прибегают к внешним аналоговым моделям из естествознания. Они могут быть как ментальными, эстетическими, мировоззренческими, так и чисто познавательными, прагматическими.

8. Целесообразно подробно рассмотреть эвристический потенциал (познавательные возможности) внешних аналоговых моделей в социальном познании как в каждом конкретном случае, так и в целом.

9. Иногда в изучении общества происходит пересечение внешних и внутренних аналоговых моделей. Характерный пример — методология контрфактических исторических исследований [16]. В некоторых случаях (синергетика и системный подход) модели точки бифуркации и системы выступают внешними по отношению и к естествознанию, и к гуманитарным дисциплинам. Таково характерное воплощение важного свойства современного научного познания — междисциплинарности.

1. Вебер М. Избранные произведения. М. : Прогресс, 1990. 808 с.

2. Вормс Р. Общественный организм. СПб. : Изд. Ф. Павленкова, 1897. 246 с.

3. Гегель Г. В. Ф. Лекции по философии истории. СПб. : Наука, 1993. 480 с.

4. Гердер И. Г. Идеи к философии истории человечества. М. : Наука, 1977. 704 с.

5. Гоббс Т. Левиафан. М. : РИПОЛ-классик, 2016. 672 с.

6. Гумплович Л. Основы социологии. М. : ЛЕНАНД, 2017. 366 с.

7. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М. : Книга, 1991. 430 с.

8. Зиновьев А. А. На пути к сверхобществу. М. : Центрполиграф, 2000. 358 с.

9. Ильин В. В. Философия истории. М. : Изд-во МГУ, 2003. 380 с.

10. Кетле А. Социальная физика, или опыт исследования о развитии человеческих способностей. Киев : Тип. И. И. Чоколова, 1911. 333 с.

11. Кетле А. Социальная система и законы, ею управляющие. М. : ЛИБРОКОМ, 2012. 311 с.

12. Комиссаров И. И., Максимов М. А. Эвристическая роль внешних психологических аналогий в построении социальных моделей // Гуманитарный вестник. 2018. Вып. 6. С. 1—14. URL: <http://hmbul.ru/catalog/hum/phil/532.html> (дата обращения: 20.08.2018).

13. Ламетри Ж. О. Сочинения. М. : Мысль, 1976. 509 с.

14. Мечников Л. И. Цивилизация и великие исторические реки. М. : Прогресс : Пангея, 1995. 464 с.

15. Мизес Л. Человеческая деятельность: трактат по экономической теории. М. : Экономика, 2000. 878 с.

16. Нехамкин В. А. Контрфактические исторические исследования // Историческая психология и социология истории. 2011. Т. 4. № 1. С. 102—120.

17. Нехамкин А. Н., Нехамкин В. А. Модели в экономической теории: структура, перспективы развития // European Social Science Journal. 2016. № 5. С. 100—108.

18. Нехамкин В. А., Комиссаров И. И. Модели в гуманитарном познании: сущность, функции, перспективы исследования. Калуга : Калуж. печат. двор, 2018. 236 с.

19. Нехамкин В. А. Географический детерминизм как направление в философии истории XVIII—XIX вв.: возможности и ограничения // Социум и власть. 2018. № 3 (71). С. 119—128.

20. Поморцева А. М. Цивилизационный разлом: проблема концептуализации // Наука. Инновации. Технологии. 2013. № 1. С. 193—198.

21. Савельева И. М. Альтернативный мир: модели и идеалы. М. : Наука, 1990. 208 с.

22. Семенов Ю. И. Философия истории. Общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней. М. : Современ. тетради, 2003. 776 с.

23. Спенсер Г. Опыты научные, политические и философские. Минск : Современ. литератор, 1999. 1408 с.

24. Спенсер Г. Основания социологии. СПб. : Тип. Пороховщикова, 1898. 708 с.

25. Тард Г. Социальная логика. СПб. : Соц.-психол. центр, 1996. 552 с.

26. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М. : АСТ, 2016. 640 с.

27. Чернышев В. М. Среда общественного организма. М. : Мера, 1998. 518 с.

28. Шовен Р. От пчелы до гориллы. М. : Мир, 1965. 297 с.

29. Шпенглер О. Закат Европы : в 2 т. Т. 1. М. : Мысль, 1993. 663 с.

References

1. Veber M. (1990) *Izbrannyye proizvedeniya*. Moscow, Progress, 808 p. [in Rus].

2. Vorms R. (1897) *Obshchestvennyj organizm*. St. Petersburg, Izdanie F. Pavlenkova, 246 p. [in Rus].

3. Gegel' G.V.F. (1993) *Lekcii po filosofii istorii*. St. Petersburg, Nauka, 480 p. [in Rus].

4. Gerder I.G. (1977) *Idei k filosofii istorii chelovechestva*. Moscow, Nauka, 704 s. [in Rus].

5. Gobbs T. (2016) *Leviafan*. Moscow, RIPOL-klassik, 672 p. [in Rus].

6. Gumplovich L. (2017) *Osnovy sociologii*. Moscow, LENAND, 366 p. [in Rus].
7. Danilevskij N.Ya. (1991) *Rossiya i Evropa*. Moscow, Kniga, 430 p. [in Rus].
8. Zinov'ev A.A. (2000) *Na puti k sverhobshchestvu*. Moscow, Centropoligraf, 358 p. [in Rus].
9. Il'in V.V. (2003) *Filosofiya istorii*. Moscow, Izdatelstvo MGU, 380 p. [in Rus].
10. Kettle A. (1911) *Social'naya fizika, ili opyt issledovaniya o razvitii chelovecheskih sposobnostej*. Kiev, Tipografiya I.I. Chokolova, 333 p. [in Rus].
11. Kettle A. (2012) *Social'naya sistema i zakony, eyu upravlyayushchie*. Moscow, LIBROKOM, 311 p. [in Rus].
12. Komissarov I.I., Maksimov M.A. (2018) *Gumanitarnyj vestnik*, no 6 (68), pp. 1—14 [in Rus].
13. Lametri Zh.O. (1976) *Sochineniya*. Moscow, Mysl', 509 p. [in Rus].
14. Mechnikov L.I. (1995) *Civilizaciya i velikie istoricheskie reki*. Moscow, Progress, Pangeya, 464 p. [in Rus].
15. Mizes L. (2000) *Chelovecheskaya deyatel'nost': Traktat po ehkonomicheskoj teorii*. Moscow, Ekonomika, 878 p. [in Rus].
16. Nekhamkin V.A. (2011) *Istoricheskaya psihologiya i sociologiya istorii*, no. 1 (4), pp. 102—120. [in Rus].
17. Nekhamkin A.N., Nekhamkin V.A. (2016) *European Social Science Journal*, no. 5. pp. 100—108. [in Rus].
18. Nekhamkin V.A., Komissarov I.I. (2018) *Modeli v gumanitarnom poznanii: sushchnost', funkcii, perspektivy issledovaniya*. Kaluga, Kaluzhskij pechatnyj dvor, 236 p. [in Rus].
19. Nekhamkin V.A. (2018) *Socium i vlast'*, no. 3 (71), pp. 119—128 [in Rus].
20. Pomorceva A.M. (2013) *Nauka. Innovacii. Tekhnologii*, no 1, pp. 193—198 [in Rus].
21. Savel'eva I.M. (1990) *Al'ternativnyj mir: modeli i idealy*. Moscow, Nauka, 208 p. [in Rus].
22. Semenov Yu. I. (2003) *Filosofiya istorii. Obshchaya teoriya, osnovnye problemy, idei i koncepcii ot drevnosti do nashih dnei*. Moscow, Sovremennye tetrady, 776 p. [in Rus].
23. Spenser G. (1999) *Opyty nauchnye, politicheskie i filosofskie*. Minsk, Sovremennyy literator, 1408 p. [in Rus].
24. Spenser G. (1898) *Osnovaniya sociologii*. St. Petersburg, Tipografiya Porohovshchikova, 708 p. [in Rus].
25. Tard G. (1996) *Social'naya logika*. St. Petersburg, Social'no-psihologicheskij centr, 552 p. [in Rus].
26. Hantington S. (2016) *Stolknovenie civilizacij*. Moscow, AST, 640 p. [in Rus].
27. Chernyshev V.M. (1998) *Sreda obshchestvennogo organizma*. Moscow, Mera, 518 s. [in Rus].
28. Shoven R. (1965) *Ot pchely do gorilly*. Moscow, Mir, 297 p. [in Rus].
29. Shpengler O. (1993) *Zakat Evropy: v 2 t. T.1*. Moscow, Mysl', 663 p. [in Rus].

For citing: Nekhamkin V.A.

External analog models in social cognition: causes, typology, prospects for application // *Socium i vlast'*. 2019. № 1 (75). P. 21—30.

UDC 009; 303.09

EXTERNAL ANALOG MODELS IN SOCIAL COGNITION: CAUSES, TYPOLOGY, PROSPECTS FOR APPLICATION

Valery A. Nekhamkin,

Bauman Moscow State Technical University,
Professor of the Department Chair of Philosophy,
Doctor of Philosophy, Professor.
Russian Federation, 119602, Moscow,
ulitsa Nikulinskaya, d. 15, building 1
E-mail: nechamkin@rambler.ru

Abstract

The paper evaluates the role of external analog models in the humanities, in cognizing the society. The author shows the reasons for the appearance of such structures. The author clarifies the definition of this concept. The demarcation of external and internal analog models generated by social knowledge itself is carried out. The paper reveals natural sciences and theoretical constructs from which geology, geography, physics, and biology are extrapolated to the humanities. The paper demonstrates the strengths and weaknesses of external analog models that have been elicited in the course of their practical application for studying man and society. It is concluded that to be used in social cognition the external analog models should necessarily be categorically and methodologically tested. It is stated that searching for external analog models that have come to social cognition from natural sciences is not limited to those given in the work and should be continued. The article is addressed to philosophers, historians, sociologists, and other specialists interested in the problems of modeling in the humanities.

Key concepts:
social cognition,
model,
internal analog models,
external analog models.

Для цитирования: Кох И. А., Мельник А. В. Социальные сети как средство коммуникации в образовательной среде вуза // Социум и власть. 2019. № 1 (75). С. 31—41.

УДК 316.774

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ КАК СРЕДСТВО КОММУНИКАЦИИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ ВУЗА

Кох Иван Адамович,

Уральский институт управления —
филиал РАНХиГС,
профессор кафедры теории и социологии
управления,
доктор социологических наук, доцент.
Российская Федерация, 620144, г. Екатеринбург,
ул. 8 марта, д. 62.
E-mail: kia4@mail.ru

Мельник Александр Викторович,

Уральский государственный горный
университет,
доцент кафедры философии и культурологии,
кандидат философских наук.
Российская Федерация, 620144, г. Екатеринбург,
ул. Куйбышева, д. 30.
E-mail: melnikalex@list.ru

Аннотация

Введение. Все расширяющееся использование студентами вузов социальных сетей в процессе обучения остро ставит проблему: оказывает это положительное или отрицательное влияние на успешность образования? В современном информационном обществе социальные сети становятся эффективным средством управления образовательным процессом.

Цель. Изучить степень использования социальных сетей в образовательном процессе, показать на примере отношения студентов Уральского государственного горного университета и Уральского института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы (технического и гуманитарного вузов) к социальным сетям и использование их в учебном процессе.

Методы. Методами социологических исследований, на основе анализа результатов массового опроса студентов исследуется степень влияния социальных сетей на образовательный процесс.

Научная новизна исследования. На материалах конкретного социологического исследования раскрывается роль и степень использования социальных сетей в учебном процессе.

Результаты. Социологическое исследование показало, что большая часть студентов широко использует и положительно оценивает влияние социальных сетей на учебу.

Выводы. Использование сетевых технологий в учебном процессе способствует оптимизации управления информационными процессами в вузе. Использование социальных сетей в учебных целях делает сам процесс обучения студентов более привлекательным и эффективным. Использование социальных сетей в образовательных целях в будущем будет только расширяться.

Ключевые понятия:

образование,
электронная педагогика,
социальные сети,
сообщества,
информация.

Введение

Современные информационно-коммуникационные технологии развиваются по пути все большей социализации. Благодаря этому открываются новые возможности для работы и отдыха, что, в частности, находит свое выражение в феномене социальных сетей. Именно они в виртуальном пространстве наиболее полно отражают реальные процессы в обществе, но также и оказывают на них влияние. Социальные сети, созданные на базе глобальной сети Интернет, становятся эффективным средством для решения экономических, политических и социальных задач. Включенность современной молодежи в данные сети предполагает, прежде всего, рассмотрение их в качестве образовательной площадки, способной создавать положительные эффекты от присутствия в глобальной сети.

Социальные сети в образовательном процессе

Понятие «социальная сеть» было введено в научный оборот в 1954 г. социологом из Манчестерской школы Дж. Барнсом [21]. Ученый рассматривал социальную сеть в качестве такой системы, которая состоит из социальных групп и связей, их объединяющих. Однако теоретические основы изучения феномена социальной сети заложены в трудах П. А. Сорокина [15, 16]. Непосредственный анализ социальных сетей проводят Д. Белл [1], П. Бергер [2], П. Бурдьё [4], М. Грановеттер [5], М. Кастельс [7], Т. Лукман [2], М. Маклюэн [9], Э. Тоффлер [17, 18]. Среди отечественных ученых, изучающих социальные сети, можно выделить исследования М. Г. Бреслера [3], Д. В. Иванова [6], А. В. Назарчука [10], С. Б. Переслегина [12] и др. В контексте учебного процесса изучают социальные сети С. С. Крибель [8], С. В. Кузьмина [13], Е. Н. Павличенко [11], М. А. Реснянская [13], О. С. Самсонова [14], А. В. Фещенко [19], Г. Л. Шаматовна [20], В. В. Шобухова [8].

Основное назначение социальных сетей состоит в обеспечении виртуального взаимодействия между пользователями, осуществляемое главным образом в виде коммуникации. Равенство в сети создает предпосылки для открытого и непринужденного общения, что, в частности, может выразиться во взаимодействии учителя и ученика. Сеть в целом обеспечивает формирование социальных связей. Так, например, О. С. Самсонова считает, что социальную

сеть можно определить как онлайн-сервис, позволяющий создавать социальные связи, строить взаимоотношения, распространять разнообразную информацию [14].

Использование социальных сетей в образовательном процессе встраивается в общий современный тренд развития электронной педагогики, соответствующей информационному характеру постиндустриального общества. Социальные сети обеспечивают реализацию принципов новой парадигмы образования, которые состоят в следующем: непрерывность образования/самообразования, диалогичность, субъектность, интегрированность, гуманитаризация образования, вариативность, дифференцированность, интерактивность и информатизация. Данные принципы находят свое значительное воплощение в рамках электронного образования с его дистанционной направленностью. Электронный учебно-методический комплекс, электронная библиотека, электронная доска объявлений, видео- и аудиолекции, электронная почта, форумы, телеконференции, размещенные на определенном образовательном сервисе, образуют образовательную электронную среду, в рамках которой осуществляется обучение. Все указанное многообразие способов подачи учебной информации может быть оптимально организовано посредством социальных сетей.

В контексте усиления информатизации образования социальные сети становятся эффективным средством управления образовательным процессом, который предусматривает выстраивание индивидуальной траектории обучения. Возникающие в сети сообщества (группы) по осваиваемым дисциплинам позволяют не только хранить, обрабатывать, передавать учебную информацию, но и создавать отчетность обучающегося о текущем состоянии учебного задания. Контролирующие мероприятия со стороны преподавателя в сети не носят самодовлеющего характера. Основная задача преподавателя сводится к тому, чтобы разместить в группе в наиболее занимательной форме учебные материалы, например, текстовые источники, презентации, видеоролики, аудиозаписи, игровые приложения. После получения учебных материалов обучающемуся дается время на выполнение заданий в онлайн режиме. После истечения этого времени доступ к выполнению заданий в онлайн режиме закрывается.

Социальная сеть как динамическая структура не имеет жесткой централизации. Сетевые сообщества, формируемые на ос-

нове самоорганизации, открывают значительные перспективы для самообразования. Это согласуется с идеей непрерывного образования, когда сам обучающийся способен выстроить индивидуальную учебную траекторию. Специфика сетевого образования создает условия для повышения степени самостоятельности обучающегося, что, в свою очередь, актуализирует его внутреннюю мотивацию к обучению, творческий потенциал и формирует нестандартность мышления. Подобные эффекты привлекают внимание образовательных учреждений, которые начинают активно использовать сетевые ресурсы в образовательных целях. В соответствии с тенденциями современного российского образования становится актуальным использование университетами в учебном процессе сетевых ресурсов. Определение степени задействования студентами вузов сетевых ресурсов в образовательном процессе предполагает проведение соответствующего мониторингового исследования.

В марте 2017 г. социологическая лаборатория УГГУ провела массовый опрос среди студентов Уральского государственного горного университета и студентов Уральского института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (УИУ РАНХиГС) на предмет выявления их отношения к социальным сетям и определение степени их использования в образовательном процессе. Было опрошено 475 студентов, из них: 176 — юноши, 299 — девушки. В качестве опрашиваемых в анкетном опросе приняли участие студенты 1—5-го курсов, а также студенты магистратуры очной формы обучения. Выборка студентов по факультетам — пропорциональная общей численности обучающихся. Из всего числа опрошенных в Горном университете 66,4 % проходят обучение на бюджетной основе, 33,6 % — на договорной основе. В УИУ РАНХиГС на бюджетной основе обучается 33,0 % студентов, на договорной основе — 67,0 % опрошенных.

Социальные сети как инструмент общения являются неотъемлемой частью современных социальных коммуникаций. В своих коммуникативных практиках студенты с различной степенью интенсивности обращаются к социальным сетям. Какие же формы общения с друзьями и родственниками оказываются наиболее предпочтительными? 47,8 % опрошенных предпочитают «живое общение», 24,3 % чаще используют «телефонный звонок», 19,2 % — общение в соци-

альных сетях, 8,2 % — видеозвонок, Skype. Если рассматривать вузы в отдельности, то практически половина опрошенных студентов УГГУ (49,2 %) и УИУ РАНХиГС (46,0 %) отдает предпочтение прежде всего живому общению, общение же в социальных сетях составляет 17,4 % и 21,4 % соответственно.

Предмет данного исследования предполагает выделение той части опрошенных, которые пользуются социальными сетями. Результаты опроса показали, что 98,1 % студентов пользуется социальными сетями, 1,9 % — не пользуется. Невостребованность социальных сетей у последних связана с такими причинами, как отсутствие желания (41,7 %), опасность социальных сетей (8,3 %), «это способ саморекламы» (8,3 %), нет времени (8,3 %) и другое (33,3 %). Включенных же в социальные сети студентов побудили в них зарегистрироваться мотивы, представленные на рис. 1.

Как видно из рис. 1, наиболее весомым аргументом для студентов в регистрации в социальных сетях послужил доступ к аудио- и видеофайлам (27,2 %), далее следует утверждение, что «все мои друзья зарегистрированы в социальных сетях» (26,0 %) и только для нужд учебы — 18,7 % опрошенных. Подобное распределение студентов, ответивших таким образом, показывает, что для студенческой молодежи образование не является перво-степенным фактором, определяющим их регистрацию в социальных сетях.

Оправдывая свое название, социальные сети удовлетворяют нуждам различных сфер жизни общества, например экономической, политической, технологической. Этот широкий социальный контекст задается функциями, которые имеют социальные сети. Уровень заинтересованности студентов в функциональном оснащении социальных сетей показан в табл. 1.

Согласно табл. 1, по общему значению сравниваемых вузов наибольший интерес у опрошенных вызывает такая функция социальных сетей, как общение с друзьями/родственниками (25,3 %), немногим менее интересной для опрошенных является прослушивание и просмотр аудио- и видеофайлов (24,7 %), еще менее популярным оказывается способ связи, который экономит время и средства (19,2 %). Логика дальнейшего исследования требует определенной детализации в отношении социальных сетей. В виртуальном пространстве глобальной сети Интернет функционирует множество социальных сетей, каждая из которых имеет свои особенности. Несмотря на эти различия, все социальные сети

Рис. 1. Что побудило Вас обратиться к социальным сетям?
(в % к числу опрошенных)

Таблица 1

Какие функции социальных сетей Вам наиболее интересны?
(в % к числу опрошенных)

Значение	Всего	УГУ	УИУ РАНХиГС
1. Общение с друзьями и родственниками	25,3	24,7	26,1
2. Прослушивание и просмотр аудио- и видеофайлов	24,7	25,6	23,6
3. Способ связи, который экономит время и средства	19,2	19,2	19,2
4. Возможность скачивания и обмена аудио- и видеофайлами	12,8	13,4	11,9
5. Размещение фото и видео о себе	6,2	5,0	7,8
6. Новые знакомства	5,0	5,2	4,6
7. Поиск людей	3,9	3,8	4,0
8. Игра в приложениях	2,1	2,0	2,2
9. Другое	0,9	1,1	0,6
Итого	100,0	100,0	100,0

можно разделить на две основные группы: по тематике и форме общения их аудитории. Учитывая это обстоятельство, интересно выяснить предпочтения опрошенных студентов в выборе использования той или иной социальной сети. Распределение ответов по данному вопросу можно увидеть в табл. 2.

Обращаясь к табл. 2, можно заметить, что немногим менее половины опрошенных пользуется социальной сетью ВКонтакте (40,4 %), 29,6 % — Instagram, 10,1 % — Twitter, остальные варианты ответов по отдельности не превышают и 10,0 % от числа опрошенных. Популярность отечественной социальной сети ВКонтакте среди студентов может быть связана с такими ее особенностями,

как удобство интерфейса, широкая функциональность и подлинность имен. С формальной точки зрения значимость социальных сетей для студентов описывается временным показателем. Время пребывания опрошенных в сети характеризует рис. 2.

Рис. 2 показывает, что подавляющее число опрошенных студентов (62,2 %) проводят в совокупности своих посещений социальной сети в день более 2 часов. Обращает на себя внимание относительно высокий процент тех, кто затруднился с ответом (11,0 %). Возможным объяснением тому может служить, например, отсутствие внимания к данному вопросу. С точки зрения частоты посещений сети оказывается,

Таблица 2

Какими социальными сетями Вы пользуетесь?
(в % к числу опрошенных)

Значение	Всего	УГГУ	УИУ РАНХиГС
1. ВКонтакте	40,4	42,8	37,8
2. Instagram.com	29,6	28,0	31,5
3. Twitter.com	10,1	8,4	12,1
4. Мой мир (mail.ru)	7,1	7,2	6,9
5. Одноклассники	5,2	5,6	4,7
6. Facebook.com	4,8	4,6	5,0
7. Живой Журнал (LiveJournal.com)	0,8	1,0	0,6
8. MySpace.ru	0,3	0,2	0,4
9. Другое	1,8	2,3	1,1
Итого	100,0	100,0	100,0

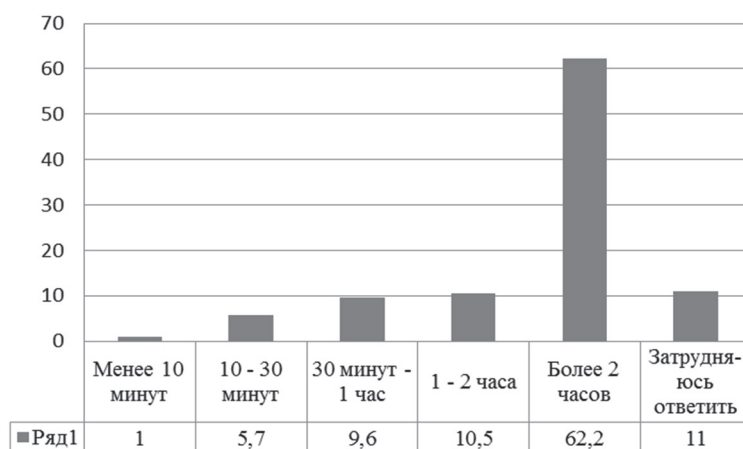

Рис. 2. Сколько обычно Вы проводите времени в социальной сети?
(в % к числу опрошенных)

что 95,2 % опрошенных бывает в ней каждый день, 2,9 % опрошенных посещает сеть несколько раз в неделю, 1,0 % — несколько раз в месяц. В связи с высокой посещаемостью сети возникает закономерный вопрос о содержании такой активности. В табл. 3 представлено данное содержание.

В соответствии с мнением студентов, отраженным в табл. 3, преобладающим содержанием активности в сети является, прежде всего, общение посредством личных сообщений и комментирование фотографий (43,0 %), прослушивание и просмотр аудио— и видеофайлов (36,1 %), захожу в социальные сети исключительно по учебным/деловым вопросам (8,2 %). Результаты опроса в очередной раз подчеркивают значение коммуникационной составляющей сети, которая своей масштабностью перекрывает учебную и деловую активность среди студентов.

Тем не менее, в соответствии с темой востребованности социальных сетей в образовательном процессе, возникает закономерный вопрос о том, используют ли студенты социальные сети в образовательных целях? Оказалось, что 91,0 % опрошенных студентов используют социальные сети в процессе обучения. Лишь незначительное число студентов (9,0 %) не делают этого, а свою позицию объясняют тем, что не рассматривают социальные сети в качестве элемента образовательного процесса (42,9 %). Другие студенты заявили, что «не задумывались об использовании социальных сетей в учебных целях», а некоторые считают, что «социальные сети не удовлетворяют целям учебного процесса», и обоснованно «опасаются получить недостоверную информацию».

Виртуальная сетевая жизнь так или иначе связана с реальной жизнью пользователя, что может найти отражение, например

Какой вид активности Вы предпочитаете в социальных сетях?
(в % к числу опрошенных)

Значение	Всего	УГГУ	УИУ РАНХиГС
1. Общаюсь преимущественно в личных сообщениях, иногда комментирую фотографии	43,0	41,3	45,2
2. Прослушивание и просмотр аудио- и видеофайлов	36,1	40,1	31,1
3. Захожу в социальные сети исключительно по учебным/деловым вопросам	8,2	9,4	6,7
4. Активно общаюсь со всеми, участвую в обсуждениях, комментирую фотографии	6,5	4,2	9,4
5. Игра в приложениях	2,7	2,4	3,2
6. Использую социальные сети для изложения своего мнения	1,8	0,7	3,2
7. Другое	1,6	1,9	1,2
Итого	100,0	100,0	100,0

в его учебе. На рис. 3 представлены оценки влияния сети на учебу студентов.

Значительная часть студентов (32,4 %) считает, что социальные сети никак не влияют на учебу, 30,5 % — скорее положительно, чем отрицательно, 16,7 % — положительно. Примечательно, что меньше всего студентов видят в социальных сетях отрицательное влияние на учебу. В целом доля тех, кто высказался о положительном влиянии сетей на учебу (47, 2 %), почти в 3 раза превышает долю тех студентов, которые считают, что оно отрицательное (16,7 %).

Избегая крайних позиций в оценке угроз, связанных с действием социальных сетей в образовании, следует сказать, что источником таких угроз в целом является недостаточная культура использования современных технологий. Именно отсутствие данной культуры у молодежи в конечном счете, порождает снижение когнитивных возможностей, разного рода зависимости, клиповый характер мышления, рассеянность внимания и прочее. Особенно опасными современные технологии становятся в том случае, когда отсутствие указанной культуры дополняется высокой к ним частотой обращения. В этом контексте интересным выглядит определение частоты обращения студентов к социальным сетям. Результаты опроса показывают, что 60,3 % студентов часто обращается к социальным сетям в учебных целях, иногда — 29,7 %, редко — 9,6 %. Характер такого обращения к сетям отражен в табл. 4.

Из табл. 4 видно, что в рамках учебного процесса студенты используют социальные сети, в первую очередь, для обмена учебной информацией (33,7 %) и общения (31,7 %). Стоит отметить, что общение студентов с преподавателями в сети, согласно результатам опроса, не оказалось распространенным явлением (9,9 %).

Значимость социальных сетей для студентов может быть определена их готовностью продолжать использовать сети даже в том случае, если они станут платными. Результаты опроса по данному вопросу приведены на рис. 4.

Рис. 4 доказывает, что только небольшая часть опрошенных (8,7 %) будет пользоваться социальными сетями невзирая на цену. Остальные студенты с введением оплаты использования социальных сетей, так или иначе, будут считаться. Речь идет о том, что 43,3 % студентов будет пользоваться сетями, если цена будет умеренной, 26,0 % — не будет пользоваться, 22,1 % — затруднились ответить. Такие ответы, вероятно, связаны с тем, что опрошенные имеют достаточно ограниченные финансовые возможности. Готовность оплачивать пользование сетями во многом зависит от того, чем они являются для пользователя. В табл. 5 приведены данные о том, как опрошенные воспринимают социальные сети.

Практически для половины опрошенных (45,4 %) социальные сети являются удобным способом общаться с друзьями и знакомыми, для 20,0 % — инструмент, который помогает в учебе, 13,6 % опрошенных считает, что сети — это способ узнать мнения различных людей по каким-либо вопросам. В отдельности остальные ответы студентов не превышают и 10,0 %. Подобное распределение ответов указывает на коммуникативную природу социальных сетей и их первостепенное назначение. Доминанта общения в сети требует прояснения степени вовлеченности опрошенных в дискуссии в социальных сетях. На вопрос о стремлении студентов к активному сетевому общению были получены такие ответы, а именно: скорее да, чем нет, — 32,1 %, скорее нет, чем да, — 22,0 %, трудно сказать — 21,1 %, да — 12,9 %, — 12,0 %. Несмотря на невысокую

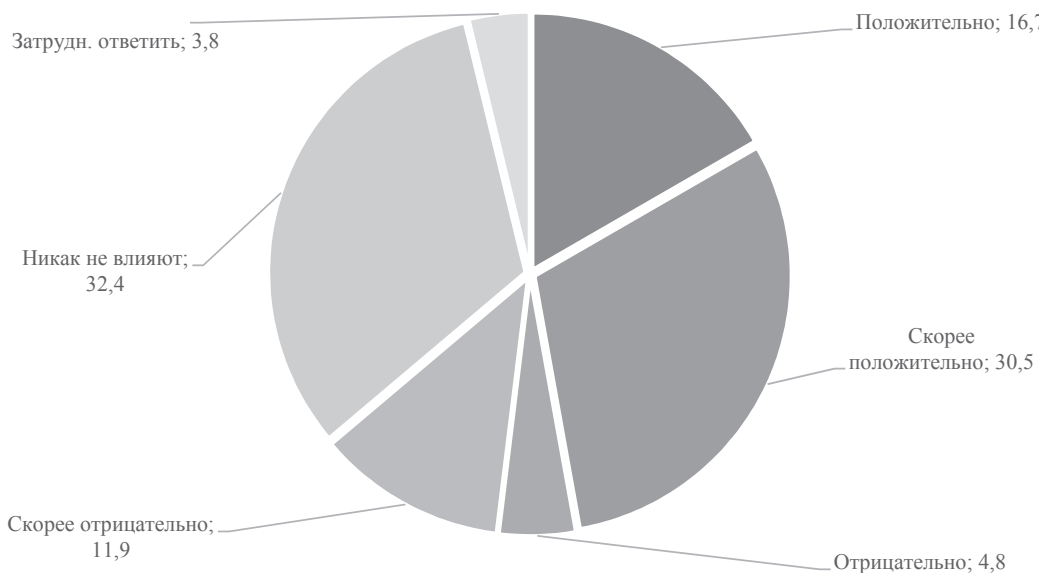

Рис. 3. Как влияют социальные сети на Вашу учебу?
(в % к числу опрошенных)

Таблица 4

Как Вы используете социальные сети в учебе?
(в % к числу опрошенных)

Значение	Всего	УГГУ	УИУ РАНХиГС
1. Обмен учебной информацией	33,7	34,5	32,8
2. Общение со студентами	31,7	31,5	32,0
3. Прослушивание и просмотр учебных аудио- и видеофайлов	12,5	14,7	9,8
4. В качестве доски объявлений	11,7	10,9	12,6
5. Общение с преподавателями	9,9	7,7	12,4
6. Другое	0,6	0,7	0,6
Итого	100,0	100,0	100,0

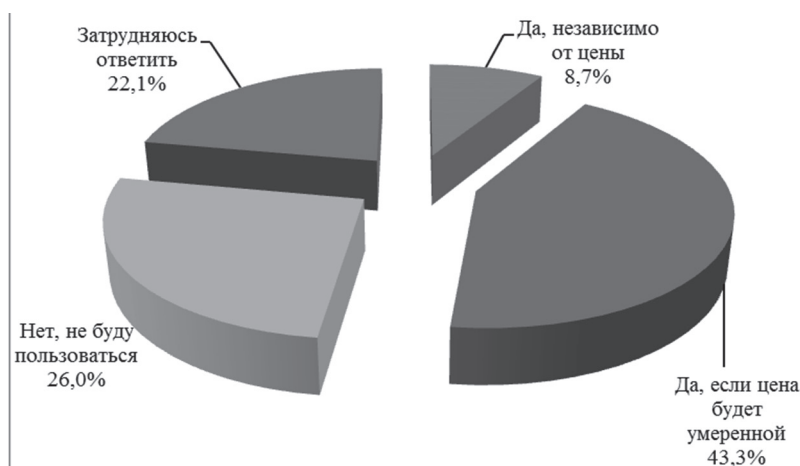

Рис. 4. Будете ли Вы пользоваться социальными сетями, если они станут платными?
(в % к числу опрошенных)

Чем являются социальные сети для Вас?
(в % к числу опрошенных)

Значение	Всего	УГГУ	УИУ РАНХиГС
1. Удобный способ общаться с друзьями и знакомыми	45,4	48,7	41,9
2. Инструмент, который помогает в учебе	20,0	18,7	21,4
3. Способ узнать мнения различных людей по каким-либо вопросам	13,6	13,8	13,3
4. Способ для самовыражения	6,9	5,6	8,4
5. Инструмент для поиска друзей	6,0	5,6	6,4
6. Способ рассказать миру о себе	4,7	3,3	6,2
7. Затрудняюсь ответить	1,8	2,0	1,5
8. Другое	1,8	2,4	1,0
Итого	100,0	100,0	100,0

коммуникационную активность опрошенных в сети, выглядит интересным вопрос о наличии у них зависимости от сетей. Рис. 5 характеризует положение дел по данной теме.

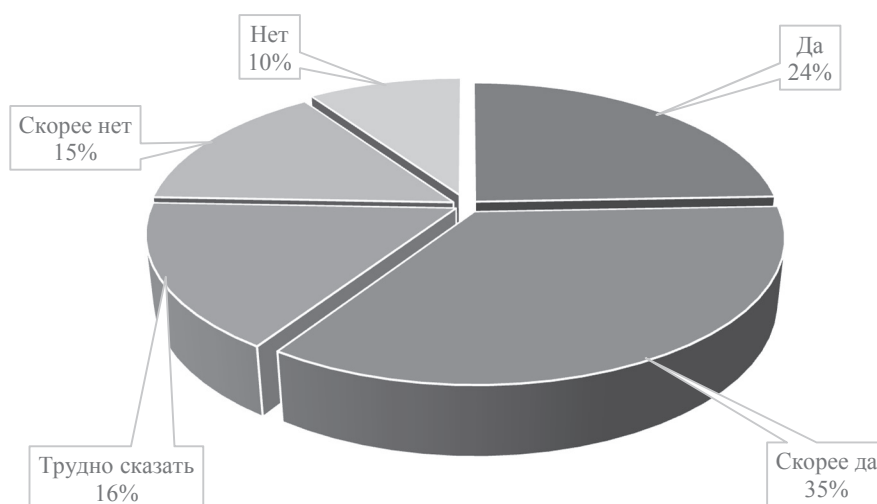
Рис. 5 свидетельствует в целом о преобладании зависимости студентов от сетей. Доля тех, кто считает себя так или иначе зависимым от сетей, практически в два раза превышает долю тех, кто считает себя свободным от этой зависимости. Так, 24,4 % опрошенных студентов однозначно признают свою зависимость от социальных сетей, еще 34,9 % студентов в большей степени склоняется к наличию зависимости от сетей.

Зависимость от социальных сетей в какой-то мере является следствием чрезмерной увлеченностью такими виртуальными сетевыми эффектами, как анонимность, возможность ненормативного поведения, отно-

сительная легкость создания виртуального образа и установления/разрыва контактов. Кроме того, подобную погруженность в виртуальную сеть может усиливать психологическая составляющая — неудовлетворенность собой и оффлайн-реальностью. В этом случае виртуальная сфера выступает в качестве механизма компенсации того, чего не хватает пользователю в обыденной жизни.

Зависимость от социальных сетей — это не единственная угроза, которую несут в себе сети. В табл. 6 представлен список угроз, по каждой из которых студенты выразили свое мнение.

По мнению студентов, наиболее серьезные угрозы для образования, исходящие от социальных сетей, состоят в том, что сети занимают много времени, отвлекают от учебы (24,5 %), способствуют уходу

Рис. 5. Вы считаете себя человеком, который зависим от социальных сетей?
(в % к числу опрошенных)

Таблица 6

Как Вы считаете, какие угрозы несут в себе социальные сети для образования?
(в % к числу опрошенных)

Значение	Всего	УГГУ	УИУ РАНХиГС
1. Занимает много времени, отвлекает от учебы	24,5	24,3	24,7
2. Уход в виртуальный мир, разрыв с реальностью	22,1	22,1	22,2
3. Распространение недостоверной информации	19,5	18,8	20,3
4. Отучает думать	18,3	18,5	18,1
5. Распространение материалов, содержащих незаконные заимствования (плагиат)	9,0	8,6	9,5
6. Никаких угроз не несут	4,0	3,9	4,0
7. Затрудняюсь ответить	2,0	3,1	0,6
8. Другое	0,7	0,7	0,6
Итого	100,0	100,0	100,0

в виртуальный мир, разрывающему связь с реальностью (22,1 %), распространению недостоверной информации (19,5 %), отучают думать (18,3 %). Таким образом, сети, отнимающие учебное время, представляют собой непосредственную угрозу образованию. В контексте наличия угроз образованию, связанных с действием сетей, студентам было предложено ответить на вопрос об их готовности отказа от использования сетей. Результаты опроса указаны в табл. 7.

Из табл. 7 видно, что 36,8 % опрошенных студентов готовы отказаться от использования социальных сетей, если на то есть веские причины, 34,0 % — нет, но при определенных обстоятельствах решение смогли бы изменить, 15,3 % — смогли бы отказаться с легкостью, 11,5 % — нет, ни при каких обстоятельствах, 2,4 % — затруднились ответить. Данные показатели можно интерпретировать в том смысле, что они демонстрируют достаточно умеренное отношение студентов к социальным сетям.

Заключение

Таким образом, массовый опрос студентов показал инструментальное отношение

студентов к социальным сетям: с их помощью можно решать различные задачи, в том числе и образовательные. Использование сетевых технологий в учебном процессе способствует оптимизации управления информационными процессами в вузе. В результате соединения образовательных технологий и информационно-коммуникационных сетей происходит изменение концептуальных основ образования. Возникает информационно-образовательная среда, которая мотивирует студентов на самостоятельное решение образовательных задач. Примечательно, что меньше всего студенты отмечают в социальных сетях отрицательное влияние на учебу. В целом доля тех, кто высказался о положительном влиянии сетей на учебу, превышает долю тех студентов, которые считают, что оно отрицательное. Социальные сети создают предпосылки для интернационализации образования и повышения мобильности как студентов, так и преподавателей. Использование социальных сетей в учебных целях делает сам процесс обучения студентов более привлекательным. Нет сомнений, использование социальных сетей в образовательных целях в будущем будет только расширяться.

Таблица 7

Смогли бы Вы на сегодняшний день отказаться от использования социальных сетей?

Значение	% к числу опрошенных
1. Да, с легкостью смог бы	15,3
2. Да, если на то есть веские причины	36,8
3. Нет, но при определенных обстоятельствах решение могу изменить	34,0
4. Нет, ни при каких обстоятельствах	11,5
5. Затрудняюсь ответить	2,4
Итого	100,0

1. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М. : Академия, 1999. — 956 с.

2. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания. М. : Медиум, 1995. — 323 с.

3. Бреслер М. Г. Генезис сетевых сообществ: социально философский аспект // VI Садыковские чтения : сб. науч. тр. Уфа : РИО БашГУ, 2010. С. 78—81.

4. Бурдые П. Социальное пространство: поля и практики : пер. с фр. / сост., общ. ред. пер. и послеслов. Н. А. Шматко. СПб. : Алетейя ; М. : Ин-т эксперимент. социологии, 2005. 576 с.

5. Грановеттер М. Сила слабых связей // Экономическая социология. 2009. Т. 10. № 4. Сент. С. 31—50.

6. Иванов Д. В. Виртуализация общества. СПб. : Петерб. востоковедение, 2002. — 224 с.

7. Кастельс М. Становление общества сетевых структур // Новая постиндустриальная волна на Западе / под ред. В. Л. Иноземцева. М. : Academia, 1999. С. 492—505.

8. Крибель С. С., Шобухова В. В. Использование социальных сетей в образовании // Информатика и образование. 2012. № 4 (233). С. 66—68.

9. Маклюэн М. Понимание медиа: внешние расширения человека. М. ; Жуковский : КАНОН-пресс-Ц : Кучково поле, 2003. 464 с.

10. Назарчук А. В. Сетевое общество и его философское осмысление // Вопросы философии. 2008. № 7. С. 61—75.

11. Павличенко Е. Н. Социальные сети как инструмент модернизации образования // Народное образование. 2012. № 1. С. 42—47.

12. Переслегин С. Б. Общество и эволюция информационной сети. URL: http://www.igstab.ru/materials/Pereslegin/Per_ScNet.htm (дата обращения: 02.11.18).

13. Реснянская М. А., Кузьмина С. В. Влияние социальных сетей на мировоззрение студентов // Молодой ученый. 2016. № 9.4. С. 61—63.

14. Самсонова О. С. Социальные сети и сетевые сообщества как показатели эффективности в обучении современных школ информатике. URL: <http://pedagogika.snauka.ru/2015/07/4719> (дата обращения: 21.09.18).

15. Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика. М. : Астрель : Харвест Астрель, 2006. 1176 с.

16. Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. М. : Изд-во полит. лит., 1992. 543 с.

17. Тоффлер Э. Третья волна: пер. с англ. М. : АСТ, 2004. — 781 с.

18. Тоффлер Э. Шок будущего: пер. с англ. М. : АСТ, 2003. — 557 с.

19. Фещенко А. В. Социальные сети в образовании: анализ опыта и перспективы развития // Открытое и дистанционное образование. 2011. № 3. С. 44—50.

20. Шаматонова Г. Л., Власова А. А., Зарубина Ю. Н. Интернет-технологии в современном образовательном процессе : учеб.-метод. пособие. Ярославль : ЯрГУ, 2017. 40 с.

21. Barnes J.A. Class and Committees in a Norwegian Island Parish // *Human Relations*. 1954. Vol. 1. 39—58 p.

References

1. Bell D. (1999) *Gryadushchee postindustrial'noe obshchestvo. Opyt sotsial'nogo prognozirovaniya*. Moscow, Akademiya, 956 p. [in Rus].

2. Berger P., Lukman T. (1995). *Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti: traktat po sotsiologii znaniya*. Moscow, Medium, 323 p. [in Rus].

3. Bresler M. G. (2010). *Genезis setevykh soobshchestv: sotsial'no filosofskii aspekt // VI Sadykovskie chteniya*. Ufa, RIO BashGU, pp. 78—81 [in Rus].

4. Burd'e P. (2005). *Sotsial'noe prostranstvo: polya i praktiki*. St. Petersburg, Aleteiya, Moscow, Institut eksperimental'noi sotsiologii, 576 p. [in Rus].

5. Granovetter M. (2009). *Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 10, no. 4, pp. 31—50 [in Rus].

6. Ivanov D. V. (2002). *Virtualizatsiya obshchestva*. St. Petersburg, Peterburgskoe vostokovedenie, 224 p. [in Rus].

7. Kastel's M. (1999). *Stanovlenie obshchestva setevykh struktur // Novaya postindustrial'naya volna na Zapade*. Moscow, Academia, pp. 492—505 [in Rus].

8. Kribel' S. S., Shobukhova V. V. (2012). *Informatika i obrazovanie*, no. 4 (233), pp. 66—68 [in Rus].

9. Maklyuen M. (2003). *Ponimanie media: vneshnie rasshireniya cheloveka*. Moscow, Zhukovskii, KANON-press-Ts, Kuchkovo pole, 464 p. [in Rus].

10. Nazarchuk A. V. (2008). *Voprosy filosofii*, no. 7, pp. 61—75 [in Rus].

11. Pavlichenko E. N. (2012). *Narodnoe obra-zovanie*, no. 1, pp. 42—47 [in Rus].

12. Pereslegin S. B. *Obshchestvo i evolyutsiya informatsionnoi seti*. Available at: http://www.igstab.ru/materials/Pereslegin/Per_ScNet.htm, accessed 02.11.18 [in Rus].

13. Resnyanskaya M. A., Kuz'mina S. V. (2016). *Molodoi uchenyi*, no. 9.4, pp. 61—63 [in Rus].

14. Samsonova O. S. *Sotsial'nye seti i setevye soobshchestva kak pokazateli effektivnosti v obuchenii sovremennykh shkol informatike*. Available at: <http://pedagogika.snauka.ru/2015/07/4719>, accessed 21.09.18 [in Rus].

15. Sorokin P. A. (2006). *Sotsial'naya i kul'turnaya dinamika*. Moscow, Astrel', Kharvest Astrel', 1176 p. [in Rus].

16. Sorokin P. A. (1992). *Chelovek. Tsivilizatsiya. Obshchestvo*. Moscow, Izdatel'stvo politicheskoi literatury, 543 p. [in Rus].

17. Toffler E. (2004). *Tret'ya volna*. Moscow, AST, 781 p. [in Rus].

18. Toffler E. (2003). *Shok budushchego*. Moscow, AST, 557 p. [in Rus].

19. Feshchenko A. V. (2011). *Otkrytoe i distantsionnoe obrazovanie*, no. 3, pp. 44—50 [in Rus].

20. Shamatonova G.L. Vlasova A. A., Zarubina Yu.N. (2017). *Internet-tehnologii v sovremennom obrazovatel'nom protsesse*. Yaroslavl', YarGU, 40 p. [in Rus].

21. Barnes J.A. (1954). *Human Relations*, vol. 1, pp. 39—58 [in Eng].

For citing: Kokh I.A., Melnik A.V.
Social networks as a means
of organizing education
in a higher educational institution //
Socium i vlast'. 2019. № 1 (75). P. 31—41.

UDC 316.774

SOCIAL NETWORKS AS A MEANS OF ORGANIZING EDUCATION IN A HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTION

Ivan A. Kokh,

Ural Institute of Management, Branch of RANEPa,
Professor of the Department Chair of the Theory
and Sociology of Management,
Doctor of Sociology, Associate Professor.
Russian Federation, 620144, Yekaterinburg, ulitsa 8
Marta, 62.
E-mail: kia4@mail.ru

Aleksander V. Melnik,

Ural State Mining University,
Associate Professor of the Department Chair of
Philosophy and Cultural Studies,
Cand.Sc. (Philosophy).
Russian Federation, 620144, Yekaterinburg, ulitsa
Kuibysheva, 30.
E-mail: melnikalex@list.ru

Abstract

Introduction. The increasing use of social networks by university students in the learning process poses a problem: does this have a positive or negative effect on the education? In the modern information society, social networks are becoming an effective means of managing the educational process.

The aim of the paper is to examine the degree of using social networks in the educational process, show the students' attitude to social networks and their use in the educational process as exemplified by the students of the Ural State Mining University and the Ural Institute of Management - a branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration (technical and humanitarian universities).

Methods. Using sociological research methods, based on analyzing the results of a mass survey of the students, the degree of social networks influence on the educational process is investigated. Scientific novelty of the study. The materials and results of the sociological study reveal the role and extent of using social networks in the educational process.

Results. Sociological research has shown that most of the students use social networks extensively and appreciate their influence on their studies.

Conclusions. Using network technologies in the educational process helps to optimize the management of information processes in the university. Using social networks for educational purposes makes the process of teaching students more attractive and effective. Using social networks for educational purposes will only expand in the future.

Key concepts:

education,
e-teaching,
social networks,
communities,
information.

Для цитирования: Банных Г. А.,
Зайцева Е. В., Костина С. Н., Кузьмин А. И.
Образ многодетной матери
в пространстве российского Интернета //
Социум и власть. 2019. № 1 (75). С. 42—52.

УДК 316.728

ОБРАЗ МНОГОДЕТНОЙ МАТЕРИ В ПРОСТРАНСТВЕ РОССИЙСКОГО ИНТЕРНЕТА¹

Банная Галина Алексеевна,

Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б. Н. Ельцина,
доцент кафедры теории, методологии
и правового обеспечения государственного
и муниципального управления,
кандидат социологических наук, доцент.
Российская Федерация, 620002, г. Екатеринбург,
ул. Мира, д. 19
E-mail: g.a.bannykh@urfu.ru

Зайцева Екатерина Васильевна,

Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б. Н. Ельцина,
доцент кафедры теории, методологии
и правового обеспечения государственного
и муниципального управления,
кандидат социологических наук, доцент.
Российская Федерация, 620002, г. Екатеринбург,
ул. Мира, д. 19
E-mail: e.v.zaitceva@urfu.ru

Костина Светлана Николаевна,

Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б. Н. Ельцина,
доцент кафедры теории, методологии
и правового обеспечения государственного
и муниципального управления,
кандидат социологических наук, доцент.
Российская Федерация, 620002, г. Екатеринбург,
ул. Мира, д. 19
E-mail: s.n.kostina@urfu.ru

Кузьмин Александр Иванович,

Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б. Н. Ельцина,
профессор кафедры теории, методологии
и правового обеспечения государственного
и муниципального управления,
доктор социологических наук, профессор.
Российская Федерация, 620002, г. Екатеринбург,
ул. Мира, д. 19
E-mail: a.i.kuzmin@urfu.ru

Аннотация

Введение. Происходящие социокультурные и экономические трансформации современного общества затронули базовые социальные институты, в том числе семью. Переход от многодетной модели семьи к мало-, средне-, или бездетной модели, связанный в том числе с изменением репродуктивных установок населения и ценностных ориентаций, привел к формированию нового образа многодетности в массовом сознании.

Постмодернистское общество, отличающееся многомерностью социальных реальностей, характеризуется появлением социальных групп с несовпадающими, а иногда и противоречащими, ценностями в отношении семьи и детей. «Раскол» ценностей находит свое отражение в социальных сетях и СМИ.

Научная новизна. В статье авторы раскрывают различные варианты образа многодетной матери, которые сложились в российском интернет-пространстве.

Цель статьи — на основе контент-анализа материалов российских социальных сетей и электронных СМИ выявить сложившийся образ многодетной матери с выраженным отношением к многодетности в социуме и разработать модели интернет-образов многодетных матерей.

Методы. Авторами для изучения сформированного образа многодетной матери использовалась методика контент-анализа, применяя выборочное кодирование тематики для поиска материалов на пространстве интернета. Смысловыми единицами выступали такие конструкты как «многодетность», «многодетная семья», «многодетная мать»

Результаты. Авторами предложены модели образов российских многодетных матерей, которые сформированы на пространстве интернета, путем анализа наиболее популярных интернет-ресурсов: электронные СМИ (Gazeta.ru, Известия.ru и Стархит.ru) и социальные сети (YouTube, Instagram, ВКонтакте).

Ключевые понятия:

многодетная семья,
многодетность,
многодетная мать,
контент-анализ,
социальные сети,
электронные СМИ,
интернет-ресурсы.

¹ Исследование выполнено за счет гранта РФФИ (проект №19-011-00566А).

Введение

Многодетность и многодетные семьи выступают в качестве объекта в достаточно широком круге исследований. Однако большинство современных отечественных авторов акцентирует свое внимание на демографических аспектах и социально-экономических аспектах многодетности. Значительно меньшее количество исследований посвящено отношению россиян к многодетности. При этом в большинстве из них анализируются в основном репродуктивные установки — желание и мотивы иметь детей (например, исследования ВЦИОМ и Росстата).

Отношение к многодетности в нашей стране претерпело значительные изменения в последнее столетие. В дореволюционной России многодетность воспринималась как социальная норма, что поддерживалось и государством, и православной церковью. В современный период в России доля многодетных семей остается достаточно незначительной, а сам феномен многодетности претерпевает трансформацию, поэтому многодетные семьи социумом воспринимаются как нетипичные, да и само понятие многодетности претерпело существенные изменения: если ранее в многодетной семье подразумевалось 5—6 и более детей, то сейчас средняя многодетная семья имеет 3,3 ребенка [10, с. 555]. Многие авторы указывают два сценария появления многодетности. Либо это принятие супругами осознанного решения о многодетности, либо это незапланированное, случайное рождение детей, как форма социальной безответственности [5, с. 5—6].

Отношение к многодетности и многодетной семье в современном российском обществе носит неоднозначный характер [19]. Как отмечает Т. Н. Грудина, в современном российском обществе восприятие феномена многодетности носит противоречивый характер. С одной стороны, многодетность ассоциируется с такими позитивными проявлениями как сплоченность, поддержка и взаимовыручка, дружелюбие и соучастие, трудолюбие и уважение труда. С другой стороны, образ многодетной семьи связывается в массовом сознании с такими негативными характеристиками как бедность, девиантное поведение, трудная жизненная ситуация в семье и др. Этот образ является причиной возникновения в обществе неодобрения такого социально-репродуктивного поведения [6; 7]. В российском социуме начинает складываться образ членов мно-

годетной семьи как иждивенцев, лентяев, асоциальных личностей, которые включены в воспроизводство населения только лишь для личного обогащения и получения социальных благ не работая. При этом не учитывается их вклад в развитие страны через формирование человеческого потенциала, он индивидами не воспринимается как общественно значимый труд. Г. Ф. Хуснутдинова указывает, что представители многодетных семей очень часто сталкиваются не только с непониманием их роли в обществе, но и с достаточно агрессивным поведением в отношении их, обвиняя их в распущенности и низкой сексуальной культуре, в неумении подумать о завтрашнем дне [18]. Таким образом в современном обществе происходит поляризация представлений социума о многодетной семье.

Еще одним аспектом затронутой проблемы является образ матери и материнства как такового. Данная проблематика на протяжении десятилетий находила отражение в целом ряде философских, социологических, культурологических и психолого-педагогических исследований.

Методы и материалы

Для анализа образа многодетной матери на пространстве российского интернета нами были отобраны наиболее популярные интернет-ресурсы: во-первых, электронные СМИ (Gazeta.ru, Известия.ru и Стархит.ru) и во-вторых, социальные сети (YouTube, Instagram, ВКонтакте). В качестве смысловых единиц были взяты «многодетность», «многодетная семья», «многодетная мать». Исследование проводилось в июне — августе 2018 г.

Результаты

Рассмотрим, что понимается под образом матери в современных отечественных исследованиях.

Н. Н. Васягина определяет «образ матери» как «репрезентированную в сознании проекцию ценностно-смысловых и качественных характеристик материнского поведения и мировосприятия, представленных на перцептивном, понятийном и амодальном уровнях иерархически заданной системы отражения» [3]. Согласно результатам проведенного Н. Н. Васягиной исследования, на перцептивном уровне в содержание образа матери включаются обобщенные позитивные оценки, на понятийном — особенности проявления матерей во

взаимоотношениях с детьми и характеристики, раскрывающие преимущества и ограничения материнства, на амодальном — данный образ реализуется в одном из главных родительских архетипов («Солнечный диск»), олицетворяющем силу и высокий потенциал для самовыражения [3].

Интерес представляют и результаты исследования Т. Г. Киселевой, которая попыталась выделить качества наиболее присущие образу матери. Среди них, наряду с добротой, стойкостью и состраданием, отмечается жизненный опыт и дар интуитивного предвидения; верность интересам своих детей и принятие во имя их (или вместо них) любые испытания судьбы и т. п. [9].

По мнению Е. В. Пономаревой, процесс формирования образа матери, и в частности материнства, долгий, длящийся не один десяток лет, берущий свое начало до приобретения женщиной статуса матери. Образ материнства по ее мнению представляет собой некоторый социальный конструкт, который включает в себя набор образов продуцируемых собственным сознанием на базе личного социального опыта и знаний, поэтому вбирает в себя представления о родной матери, идеальной родительницы, а так же будущее представление себя как матери. Складываться окончательно данный конструкт под влиянием внутренних убеждений и установок личности состоявшееся женщины, поэтому формируется позднее, по мере взросления личности [13, с. 163].

В ряде современных российских исследований подчеркивается, что образ матери зависит от конкретных социокультурных и исторических условий. Ю. С. Газизова отмечает, содержание образа матери в современном социуме находится под влиянием индивидуальных культурных и духовных ценностей субъектов. В условиях почти полного отсутствия многопоколенных семей, занятости женщин в общественном труде, перекладывании воспитания детей на образовательные социальные институты, произошло утрачивание традиционных форм межпоколенческого взаимодействия и передачи социального опыта от поколения родителей детям. Соответственно, данные процессы привели к разрушению архетипичной модели личности и формированию новой, построенной на установках индивидуализма, обесценивании материнства как социальной роли. Таким образом. целые поколения, усвоившие новую модель личности, демонстрируют смену ценностных ориентаций, установок, норм, правил, что приводит к трансформации образа матери,

возникновении достаточно противоречивых характеристик многодетного материнства [4].

Причины трансформации родительских образов исследователи связывают как с искажением ценности семьи, так и изменением гендерной роли самой женщины. Идеальный женский образ в советскую эпоху представлял собой «передовую женщину-мать», в постсоветскую — «сексуальную красотку как вариант женщины-вамп». Значительно трансформировался образ женщины в современный период. Если еще несколько десятилетий назад казалось, что образ женщины окончательно потеряет характеристики, связанные с домом, семьей, материнским долгом, оставив только трудовые и лидерские качества, однако на современном этапе преобладают образы женщины успешной всегда, везде, во всех сферах ее жизни. Такая женщина не только жена, но и востребована у противоположного пола, иначе ее статус снижается, к тому же она имеет детей, она прекрасная мать и успешно делает карьеру, у нее прекрасные внешние данные, а если они подкачали, то она должна быть серьезно «оттюнингована» и хорошо выглядеть, данный список выглядит практически бесконечным... [16].

По мнению Ю. С. Газизовой, в представлении социума можно выделить две модели образа матери. Данная дихотомичность определена целевыми установками и социокультурными ценностями личности женщины, которые влияют на сценарий реализации ее центральных потребностей. В первом случае на первый план выходят характеристики, отвечающие за самореализацию, во втором, нравственно-духовные, позволяющие реализоваться женщине как матери [4]. По мнению социума женские качества как жены и матери представляются следующим образом: первое место занимает любовь к детям — 61 % ответов респондентов всех возрастов, второе и третье место разделили — такие качества, как сексуальная привлекательность и физическая красота — по 56 % соответственно, а ум и сообразительность — 50 % ответов. Раз женщина ответственна за рождение и воспитание детей, то для этого должна быть привлекательна для партнера и должна любить детей, быть сексуальной и красивой. Соответственно ее деловые или личностные качества, такие как воспитанность, практичность, деловая хватка, трудолюбие, экономность, уходят на уровень качеств личности второго плана [8, с. 120—121].

Последнее десятилетие характеризует последние возросшим государственным патронатом

материнства в связи с реализацией государством пронаталисткой демографической политики, направленной на увеличение рождаемости. Поэтому, на формирование современного образа материнства значительное влияние стала оказывать и политика государства. Е. А. Баллаева, проводя гендерную экспертизу законодательства РФ, отметила, что поскольку для государства репродуктивные установки женщин и их реализация имеют не маловажное значение, то и образ материнства не свободен от влияния на него государственных институтов и выступает средством в социальном обмене [1]. Государство пытается договориться с «матерью» с помощью экономических инструментов, поддерживая беременность, роды и послеродовой период женщины, при этом, не работая с внутренними качествами и свойствами личности, ценностными ориентациями, не пытаясь изменить семейные и репродуктивные установки людей.

В целом образ матери и материнства в представлениях социума предстает в двух аспектах: широком и узком. Материнство в широком смысле — это состояние женщины, для которой быть матерью, это пролонгированная социальная роль, связанная с ее внутренними, духовными потребностями. Здесь женщина-мать выступает как истинная добродетель, она думает исключительно о семье, заботится о своих детях, вне зависимости от их возраста, ей свойственны асексуальность, мораль, ответственность, доброта, любовь к детям. То есть данные характеристики больше говорят об идеале женщины-матери, а не о ее реальных характеристиках. Второе представление о материнстве, не противоположно, его характеристики скорее более реальны, жизненны. В узком смысле материнство представляется как временная социальная роль, в процессе реализации которой, женщина-труженица, женщина, строящая карьеру, наряду с рабочими и другими обязанностями добровольно берет на себя, другой труд, родительский, и он больше связан с обеспечением детей благами, с контролем их поведения, обеспечением их безопасностью.

Одним из наиболее важных каналов формирования образа матери, наряду с искусством, литературой, музыкой, кинематографом, в современных реалиях выступает информационно-коммуникационная сеть Интернет. Интернет в настоящий период представляет собой совокупность различных по своему содержанию, включенности в ценностно-культурный контекст, направленности информационных ресурсов (элек-

тронные СМИ, социальные сети, веб-сайты и др.), во многом зависящих от особенностей конкретных акторов [12]. В современном обществе Интернет становится одним из наиболее важных агентов влияния на общественное мнение.

Обсуждение

Электронное СМИ Gazeta.ru — общественно-политическое интернет-издание, основанное в 1999 году, освещающее российские и мировые новости. Издание входит в пятерку самых популярных новостных Интернет-ресурсов Рунета, но также размещает тематические публикации.

В ходе исследования анализировались материалы, опубликованные с сентября 2002 г. по июнь 2018 г. Смысловая единица «многодетная семья» встречается на ресурсе 782 раз, «многодетная мать» — 194 раза. В разрезе рубрик статистика выглядит следующим образом: в разделе «общество» — 91 упоминание, «культура» — 17, «наука» — 5, «политика» — 9, «бизнес» — 9, «мнения» — 10, «стиль жизни» — 3, «недвижимость» — 4, «спорт» — 7.

Для более подробного анализа нами были взяты публикации 2018 года. За 5 месяцев 2018 смысловая единица «многодетная мать» встречался в 13 статьях. В большинстве случаев упоминания носили нейтральный характер, встречались в новостных статьях. Однако, сами новости носили негативный характер — речь шла о смертях многодетных матерей в результате неправильного диагноза, убийствах многодетных матерей. В ряде публикаций встречались следующие описания образа многодетной матери *«Мама не пьет, не курит, но за детьми особого присмотра не было <...> дети у женщины были от разных браков — при этом с последним своим супругом она вместе не проживает»*. Подчеркивается неблагоприятное положение матерей: *«По причине тяжелого материального положения многодетная мать своевременно не оплатила коммунальные услуги, из-за этого глава <...> отключил квартиру от общей электрической сети, тем самым лишив женщину и ее малолетних детей способа обогрева жилища»*.

В двух публикациях образ многодетной матери представлен резко негативно, речь идет о невыполнении материнских обязанностей. В первом случае это лишение материнских прав с формулировкой *«ее материнство противоречит традициям и менталитету» российского общества»*.

Во втором случае описывается жестокое обращение с детьми в многодетной американской семье.

Лишь в одной публикации создается относительно положительный образ многодетной матери — это интервью с 5 многодетными матерями и 1 многодетным отцом. В данной публикации показаны многодетные матери в возрасте от 25 до 46 лет с достаточным уровнем благосостояния, т. е. не относящиеся к неблагополучным, но вынужденные экономить. Практически все матери имеют профессиональное образование, но в основном являются домохозяйками (находясь в декретном отпуске или не работают). Подчеркивается желание дать детям образование, в т. ч. через дополнительные кружки и секции.

Второй анализируемый нами Интернет-ресурс — это наиболее популярная, согласно рейтингу Медиалогии (автоматической системы мониторинга и анализа СМИ)¹ электронная газета «Известия». В материалах газеты «Известия» смысловая единица «многодетная мать» встречается в 205 публикациях, в 2018 году — в 22.

Большая часть данных публикаций также носит новостной характер, при чем в 4 случаях новости касались нарушения прав многодетных матерей в получении льгот (получения земельного участка, материнского капитала, выделения жилья взамен аварийного): *«Власти Томской области пообещали выделить землю многодетной семье Натальи Журовой, которая обратилась к президенту России в ходе «прямой линии».* По словам главы региона Сергея Жвачкина, получить участок они смогут через 2—3 года», в 5 случаях — убийства многодетной матери, в 1 — смерти ВИЧ-инфицированной многодетной матери из-за отказа от лечения в связи с религиозными убеждениями: *«...скончалась 35-летняя ВИЧ-инфицированная ... из-за отказа от приема противовирусных препаратов ... в связи со своими религиозными убеждениями ... была убеждена, что ее спасут молитвы. Ее муж, также ВИЧ-инфицированный, полностью разделял ее взгляды... У пары есть трое детей».* Среди тем публикаций было участие многодетной матери и ее детей в мошеннической схеме захвата жилплощади, а также поведение многодетных матерей в общественных местах, в том числе публичное кормление грудью, посещение с малолетними детьми кафе и баров, шумное поведение детей в общественных

местах. Лишь в нескольких случаях новости носили положительно окрашенный характер — открытие памятника многодетным матерям, аллеи «Материнская доблесть» и спасение матерью детей при пожаре: *«...Сегодня ... глава региона принял участие в закладке аллеи "Материнская доблесть" совместно с многодетными матерями и главами муниципальных районов...».*

Третий, анализируемый нами Интернет-ресурс, это интернет-издание СтарХит.ru (Star Hit) — проект А. Малахова, который посвящён новостям шоу-бизнеса. На пространстве сайта представлено большое число статей и материалов о звёздах, событиях, культурной жизни бомонда, миссия которого заключается в представлении информации 24 часа / 7 дней в неделю. Данный электронный журнал посещает 7 млн человек в месяц, более 40 млн страниц в месяц, согласно рейтингу Медиалогии на протяжении месяцев входит в ТОП-10 СМИ в серии журналы, опережая такие известные журналы, как Glamur, Maxim и Эксперт².

В журнале «СтарХит.ru» многодетная семья упоминается 418 раз, многодетная мать — 101 раз, из них в разделах: «экслюзив» — 8 результатов, «общество» 10 результатов, «новости» — 71 результат. Раз это издание обычно рассказывает об известных в РФ персонах — актёрах, певцах, спортсменах, светских тусовщиках, то и тематика публикаций с упоминанием многодетных семей и матерей, в основном, затрагивает этих известных личностей: что было в их семье, что происходит с современными многодетными мамами. В основном, обсуждаются образование и разрушение семей с детьми, имидж и действия многодетных матерей и отцов. Большая часть материалов носит нейтральный или положительный характер — рассказывают о том, как многодетные матери совмещают работу и воспитание детей, как они критически воспринимают вопросы самоотдачи матерей в вопросах отношения к детям и т. д. Так например, о многодетной материн, женщине-продюсере, пишется *«...она надеется, что в скором времени у нее сможет родиться еще один ребенок. Продюсер мечтает о появлении на свет дочери».* Негативная информация касается имиджа и слишком откровенного поведения многодетных матерей, а также вопросов воспитания детей в семьях разведенных родителей, так известная об негативном брачном опыте и семейном насилии пишется: *«...решилась развестись с Шульгиным уже после рождения*

¹ Рейтинги газет, журналов, ТВ, радио и интернет-СМИ от Медиалогии. URL: <http://www.mlg.ru/ratings/> (дата обращения: 20.12.2018).

² Там же.

дочери и двух сыновей ... больше не может жить с мужчиной, который издевается над ней и их детьми. Морально и физически...».

В итоге, мы наблюдаем относительно высокий интерес к многодетности на просторах современного Интернета, однако не во всех изданиях тематика носит позитивный характер, мы видим достаточную разбалансированность содержания образа матери. В целом образ многодетной матери зависит от самого интернет-ресурса, его тематики, статуса публикации и той референтной группы, на которую он направлен. Так если электронный журнал рассматривает обычную действительность, то выстраивается образ многодетной матери относительно обычный, возможно с некоторыми элементами негативизма. Однако чем больше интернет-издание ориентируется на высококультурный и высокообразованный контингент, тем серьезнее меняется контент — от негативно-проблемных к более позитивным характеристикам в образе многодетной матери.

Вторая часть исследуемых Интернет-ресурсов — это наиболее популярные социальные сети. Выбор социальных сетей как объекта изучения неслучаен, т. к. «социальная сеть сама по себе уже выступает как пространство конструирования социального образа» [20]. Значимой характеристикой социальных сетей выступает их способность концентрировать информацию для формирования мнений и настроений, и на их основе выявлять и консолидировать различные группы [14]. На данный момент можно говорить об их многообразии и ориентированности на весьма разноплановые аудитории (люди различных возрастных категорий, социального статуса, профессий).

По оценочным данным 2018 г., практически половина россиян имеют аккаунты в соцсетях (47 % или 67,8 млн человек). По данным Statista, активнее всего россияне используют YouTube (63 % опрошенных), второе место занимает социальная сеть ВКонтакте (61 % опрошенных). Глобальный лидер Facebook лишь на четвертой строчке с показателем в 35 %. В разных возрастных группах наблюдается похожая структура использования социальных сетей. Это говорит о том, что соцсети достигли той стадии зрелости, когда с их помощью можно достучаться до всех социально-демографических групп независимо от возраста и пола [15]. Так по данным Media Scor, проекта TNS WEB-Index 56 % населения от 12 до 65 лет составляло интернет аудиторию РФ в июне 2018 года, используя при этом

компьютеры и ноутбуки¹. Эти данные подтверждаются данными ВЦИОМ, так среди лиц, пользующихся интернетом, 36 % не пользуются не одной из социальных сетей, а 45 % россиян старше 18 лет пользуются хотя бы одной социальной сетью почти каждый день².

Контент социальных сетей имеет свою специфику и несколько отличается от интернет-изданий и традиционных СМИ. Специфика выражается в круглосуточном режиме появления информации, свободе выбора информации авторами сообщений и субъективизме интернет-сообщений.

Анализ материалов в социальных сетях показал, что более 1500 блогов, посвященных многодетности, содержится на Ютубе. YouTube — видеохостинговый сайт, высоко популярный, предоставляет услуги по размещению и хранению информации в виде видеоряда, пользователи сайта могут не только просматривать репортажи, но и ставить оценки «залитому» видеофайлу, писать комментарии и др. Анализу подлежали информационные материалы, содержащие ключевое слово: «многодетная мать». За первую половину 2018 года на Ютубе размещено 183 информационных материала, продолжительностью от полутора минут до двух часов. Тематика материалов достаточно широкая, чаще всего она имеет острую социальную окраску, например: *«У Анны и Алексея Чиковых из Астраханской области 12 детей. Многодетная семья всегда считалась образцово-показательной, но недавно все дети оказались в приюте...»*, *«...многодетная мать одиночка. В ее семье девять детей и четыре кошки. Юлия живет одна, второй муж ушел из семьи, оставив, тогда еще, беременную женщину и 8 ребятишек голодать...»*. Также разнится и число просмотров отдельных видеоматериалов данной тематики. Максимальное количество просмотров одного видео-материала (*«Люди падали в обморок от увиденного»: зверское убийство многодетной матери всколыхнуло Кубань»*) достигало на момент исследования более 2 млн и количество просмотров продолжало расти. Корреляции между длиной сообщения и количеством просмотров не обнаружено, роль здесь играет социальная значимость сообщения, общественный

¹ Media Scor : данные исследований аудитории СМИ. URL: http://mediascope.net/services/media/media-audience/dannye_issledovaniy_auditorii_smi/ (дата обращения: 20.12.2018).

² ВЦИОМ. Опрос: каждому возрасту — свои сети. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116691> (дата обращения: 20.12.2018).

резонанс, который она создает. В целом на данном информационном ресурсе чаще всего тональность информации негативная, со склонностью к освещению криминальных историй: убийств многодетных матерей, убийства детей из многодетных семей, плохое содержание и оставление детей в опасности, установление отцовства, пьянство, наркомания родителей, семейное насилие. Активность в комментариях в таких публикациях очень высокая, доходит до нескольких тысяч сообщений или «лайков».

Инстаграм — приложение для обмена информацией в основном в фото- и виде-файлами с элементами социальной сети. По данным опроса, ВЦИОМ (дата проведения — февраль 2018 г.), 14 % российских интернет-пользователей пользуются аккаунтом в Instagram каждый день/почти каждый день.

Публикаций с хэштегом #многодетнаямать насчитывалось 20 462. Наибольший массив — это фото с фотосессий, путешествий, фото детей, присутствует много рекламы про материнский капитал. Имеющиеся фотографии содержат улыбки, позитивные эмоции, стройных, счастливых женщин. В таких постах немного текста, однако если аккаунт принадлежит женщине-блогеру, тогда она старается вывести читателей на диалог, задавая им некоторую насущную тему. Чаще употребляемый термин в контексте с многодетностью — любовь, счастье. Вот пост многодетной матери, ждущей шестого ребенка: *«Лайк животуки. Живу себе... работаю... занимаюсь делами... быто, детьми... и вроде бы все идет, как обычно. Но в какой-то момент понимаю, что как-то мне тесновато стало. И центр тяжести сместился, и джинсы уже не застёгиваются... вспоминаю! Я же беременна, ну конечно!»*.

Только незначительная часть публикаций содержат фотографии с негативом, критикой или какими-то проблемами. Один из постов содержал информацию о матери в центре кухни с большим беспорядком и неприбранными детьми, однако текст к посту был посвящен теме любви и сознательного выбора многодетности.

Имеется в Инстаграме и хэштег #многодетнаямать с количеством публикаций 438. Подразумевается немного юмористический контекст публикаций, однако посты и фотографии с этим хэштегом ничем не отличаются от предыдущих: *«На самом деле у меня не одна дочка, а две и три сына. И это один из них»*.

Наиболее массовый охват в нашей стране принадлежит сети ВКонтакте (о ее ежедневном посещении указывают 28 %

населения¹) — российская социальная сеть, популярная в России и странах СНГ. По данным сети ВКонтакте, сегодня ею ежемесячно пользуются более 97 000 000 человек, из них 77 % — пользователи мобильных платформ. Что касается возрастной структуры авторов ВКонтакте, можно отметить рост числа авторов 25—34 лет, их доля составила 32,1 %, чуть выше доля авторов в возрасте 18—24 лет — 32,3 %, авторов моложе 18 лет — 24 %, старше 35 лет — всего 11,6 % активных авторов.

Социальная сеть ВКонтакте содержит значительно меньше публикаций с хэштегом #многодетнаямать — 1874 новости, 7 страничек, несколько сообществ, 919 видеозаписей. Всего в сети содержится 700 сообществ с темой многодетная семья, около 34 по хэштегу #многодетнаямать.

Большинство сообществ связаны с темой помощи, поддержки, есть сообщества, сориентированные на советы и консультацию семье и матери при выборе количества детей, сообщества региональные, рассказывающие о вариантах и моделях взаимодействия многодетных семей с местными органами власти и т. д.

Активность в сообществах невысокая. Можно сделать вывод о невысокой востребованности информации от многодетных матерей и для многодетных матерей. Чаще всего образ многодетной матери ВКонтакте — это молодая преуспевающая счастливая женщина-девушка, все счастье которой — дети, возможность быть с ними и наблюдать за тем, как они растут, делиться счастьем этого с подписчиками: *«Моё субботнее утро: 10 дел за одну минуту и тысяча мыслей ни о чем не забыть, я привыкла все успевать и делать многое одновременно, иначе время не ждёт, я выработала в себе автоматизм...»*, *«Никогда не думала, что у меня будет такое удостоверение, но безумно рада и счастлива быть матерью 3 погодок, горжусь собой, люблю своих малышек...»*.

На второе место можно поставить семью, и, в частности, мужа — постят сообщения о поддержке, опоре, любви. Вообще, самым часто употребляемым словом в сообществах, на страничках или в публикациях с хэштегом является слово #любовь и его однокоренные формы или хэштегом #многодетныйотец: *«Вот такой у нас классный папа, отпустил <...> на шопинг, а сам на море (с детьми)»*, *«Сегодня Серафим пропу-*

¹ ВЦИОМ. Опрос: Каждому возрасту — свои сети. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116691> (дата обращения: 20.12.2018)

стил школу, но была уважительная причина, садил елочки с папой...», «...тогда мужчина понимает, что ты выбираешь его не потому, что гонишься за его деньгами, а потому что он тебе интересен как личность...».

В разделе «Новости» чаще встречаются новости о многодетных матерях, и здесь публикации делятся на две группы. Позитивные посты, это информация о каких-либо важных событиях многодетных семей или информация о приобретении статуса многодетной семьи, многодетной матери или многодетного отца: «...Глава Удмуртии Александр Бречалов вручил знак отличия «Родительская слава» семнадцати многодетным семьям и двум одиноким отцам. Хочу рассказать, что ему вчера позвонили и сообщили, что сегодня он может забрать удостоверение, всё готово! Ура!..», «...Марина и Сергей решились на третьего ребёнка, и появились Тимофей, Сергей и Матвей. Сегодня они были в загсе на традиционной встрече многодетных семей...».

Негативные посты, о матерях, которые со своими обязанностями не справляются, новости подаются красочным образом в трешевом стиле, формируя стереотип неуспешной зависимой, некрасивой, пьющей, безответственной многодетной матери: «...В Ярославле многодетная мать ради выпивки похоронила сына заживо...», «В Башкирии вынесли приговор многодетной матери, на четыре дня оставившей детей без присмотра...», «...Ревнивая жительница Палласовки зарезала своего возлюбленного. Несмотря на воспитание 4 детей, двое из которых были совместными, алкогольные вечеринки, заканчивающиеся ссорами, не прекращались...».

При этом встречаются посты неприятие многодетности и образа многодетной матери, с нежеланием понимать их трудности и тревоги, например: «Мамочки с детьми, зарубите себе на носу: кроме ваших родственников, подруг и государства — больше никто не толкал вас рожать! Поэтому спекулируйте на своих детях только с вышеназванной аудиторией, а посторонних людей оставьте в покое!..». Либо наоборот, встречаются посты, благодарности за поддержку и понимание от лица многодетной матери или многодетной семьи: «...многодетная семья ощущает одобрение со стороны соседей. Низкий поклон всем, кто нас понимает и поддерживает...».

В целом, образ многодетной матери, создаваемый в социальных сетях, состоит из двух портретов: успешная мать и неуспешная мать. Первый образ наделяется всеми

позитивными характеристиками — такая мать и красива, и деловита, и хозяйственна, и сексуальна, и верна, и заботлива. Чтобы ему соответствовать, многодетная мать должна быть активной в сети, вести влог/блог/дневник/группу/сообщество/страницу, что-то интересное реализовать по жизни, зарабатывать при помощи возможностей интернет. Образ многодетной матери, формируемый в социальных сетях и СМИ, никак не связан с трудностями и повседневными заботами, многодетная мать в сети ухожена, стройна и довольна жизнью. Второй образ рисует нам противоположный портрет — некрасивая, пьющая, неуспевающая, беззаботная женщина. Она способна оставить детей в без присмотра, у такой матери дети всегда болеют или умирают, такой матери важнее секс, любовники, алкоголь чем ее собственные дети.

Заключение

Таким образом, специфика отражения образа многодетной матери в социальных сетях и СМИ заключается в том, что наличествуют существенные различия в образе многодетной матери, формируемые в социальной практике, интернет-сайтах и электронных СМИ. Данный анализ позволяет констатировать, что в представлении социума, образу многодетной матери свойственна бинарность: позитивный и негативный образ. Так, нами были выделены следующие образы многодетных матерей:

Негативный образ многодетной матери — это женщина асоциального поведения. И здесь мы видим поляризацию представлений о ней — от гламурной красотицы, не особо уделяющей внимание детям, используя их только как доказательство своей состоятельности и, до наоборот, женщины, которая находится в тяжелой жизненной ситуации или ведет асоциальный образ жизни. И первые и вторые обстоятельства являются преградой для полноценной реализации женщиной ее социальной роли матери: «...многодетная мать, укравшая пять кур, чтобы накормить детей, получила реальный срок в Томской области».

Позитивный образ многодетной матери. С одной стороны, это идеализированная социальная роль асексуальной женщины-матери, мечты которой заканчиваются на семье, детях, семейно-брачных обязанностях. Либо другое представление — это женщина, с той или иной мерой успешности выполняет не только трудовые обязанности, но и время от времени выключается из этого

процесса на рождение и патронаж детей: «*Это тяжелая работа... но приятная... работа без выходных и отпусков*». Эти образы, несмотря на их различие, принимаются социумом и находят его поддержку. В социальных сетях данная информация распространяется как пример жизни. Эти посты набирают большое количество лайков, симпатий и перепостов, содержат только позитивную информацию и яркие фото, что позволяет «запечатлеть» в сознании и памяти этот позитивный образ, чтобы при случае подражать ему, а сам образ успешной и счастливой матери формируется именно таковым — ярким и позитивным. С третьей стороны, образ многодетной матери со «звездным» статусом. Данный образ дополняется фотографиями счастливых детей и семейными фото, постами с полезной информацией и ссылками для «правильного» воспитания детей, размещение счастливой и красивой себя.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта РФФИ (проект №19-011-00566А).

1. Баллаева Е. А. Гендерная экспертиза законодательства РФ: репродуктивные права женщин в России. М.: МЦГИ, 1998.

2. Барсамов В. А. Контент-анализ газетных материалов (события в Беслане) // Социологические исследования. 2006. № 2. С. 62—64.

3. Васягина Н. Н. Образ матери: особенности репрезентации в сознании россиян // Педагогическое образование в России. 2015. № 6. С. 138—144.

4. Газизова Ю. С. Модели репрезентации образа матери в российской ментальности // Педагогическое образование в России. 2014. № 9. С. 190—197.

5. Госпорьян А., Новикова М. Тенденции развития семьи в России // Социальное обеспечение. 2005. № 24. С. 4—7.

6. Грудина Т. Н. Социологический портрет многодетной семьи в России // Семья и демографические исследования. URL: <https://riss.ru/demography/demography-science-journal/5274/> (дата обращения: 01.11.2018).

7. Грудина Т. Н. Ценность многодетной семьи // Социология. 2012. № 3. С. 102—104.

8. Зайцева Е. В. Сексуальная культура жителей современного мегаполиса: монография. Екатеринбург: УГТУ—УПИ, 2007. 204 с.

9. Киселева Т. Г. Женский образ в социокультурной рефлексии: монография. М.: МГУКИ, 2002.

10. Костина С. Н., Зайцева Е. В., Кузьмин А. И. Состояние системы государственной поддержки многодетности на региональном уровне // Демографическая и семейная политика в контексте целей устойчивого развития: сб. ст. IX Урал.

демограф. форума: в 2 т. / отв. ред. А. И. Кузьмин. Т. 1. Екатеринбург: Ин-т экономики УрО РАН, 2018. С. 553—563.

11. Кубланова Н. М. Современное состояние института семьи: функциональный срез // Отечественный журнал социальной работы. 2003. № 2. С. 34—38.

12. Кутюгин Д. Интернет как новое коммуникативное пространство информационного общества // Закон и право. 2007. № 3. С. 45—46.

13. Пономарева Е. В. Психологические особенности формирования образа материнства в онтогенезе // Историческая и социально-образовательная мысль. 2013. № 2. С. 161—164.

14. Литвинов Д., Крикунов А. Формирование общественного мнения через социальные сети, как способ влияния на политические решения // Центр анализа террористических угроз. URL: <http://catu.su/analytics/358-formirovanie-obwestvennogo-mnenija-cherezsocialnye-seti-kak-sposob-vlijaniya-na-politicheskie-reshenija> (дата обращения: 05.10.2018).

15. Сергеева Ю. Социальные сети в 2018 году: глобальное исследование. URL: <https://www.web-snapare.ru/business/socialnyeseti> (дата обращения: 01.12.2018).

16. Соколова Е. А. Специфика гендерных стереотипов в региональной прессе // Современные исследования социальных проблем. 2011. Т. 6, № 2. С. 220—224.

17. Суменко Л. В., Саенко Л. А., Бобрышов С. В. Особенности распределения семейных обязанностей и семейных ролей в современных многодетных семьях // Kant. 2016. № 2 (19). С. 29—34.

18. Хуснутдинова Г. Ф. Отношение социума к феномену многодетности (региональный аспект) // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1-1. С. 1448—1456.

19. Шахматова Н. В. Образ жизни многодетной семьи: социологический ракурс изучения // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология. 2013. Т. 13. № 3. С. 6—8.

20. Щелина Т. Т., Чудакова А. О. Использование возможностей социальных сетей в формировании установки на ведение здорового образа жизни // Молодой ученый. 2015. № 23.2. С. 41—43.

References

1. Ballaeva E.A. (1998) *Gendernaya ehkspertiza zakonodatel'stva RF: reproduktivnye prava zhenshchin v Rossii*. Moscow, MCGI [in Rus].

2. Barsamov V.A. (2006) *Sociologicheskie issledovaniya*, no. 2, pp. 62—64 [in Rus].

3. Vasyagina N.N. (2015) *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii*, no. 6, pp.138—144 [in Rus].

4. Gazizova Yu.S. (2014) *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii*, no. 9, pp. 190—197 [in Rus].

5. Gospor'yan A., Novikova M. (2005) *Social'noe obespechenie*, no. 24, pp. 4—7 [in Rus].

6. Grudina T.N. *Sem'ya i demograficheskie issledovaniya*. Available at: <https://riss.ru/demography/demography-science-journal/5274/>, accessed 24.11.2018 [in Rus].

7. Grudina T. N. (2012) *Sociologiya*, no. 3, pp. 102—104 [in Rus].

8. Zajceva E.V. (2007) Seksual'naya kul'tura zhitelej sovremennogo megapolisa. Ekaterinburg, UGTU-UPI, 204 p [in Rus].
9. Kiseleva T.G. (2002) Zhenskij obraz v sociokul'turnoj refleksii. Moscow, MGUKI [in Rus].
10. Kostina S.N., Zajceva E.V., Kuz'min A.I. (2018) Sostoyanie sistemy gosudarstvennoj podderzhki mnogodetnosti na regional'nom urovne // Demograficheskaya i semejnaya politika v kontekste celej ustojchivogo razvitiya: v 2 t. T. I. Ekaterinburg, Institut ehkonomiki UrO RAN, pp. 553—563 [in Rus].
11. Kublanova N.M. (2003) *Otechestvennyj zhurnal social'noj raboty*, no. 2, pp. 34—38 [in Rus].
12. Kutyugin D. (2007) . *Zakon i pravo*, no. 3, pp. 45—46 [in Rus].
13. Ponomareva E. V. (2013) *Istoricheskaya i social'no-obrazovatel'naya mysl'*, no. 2, pp. 161—164 [in Rus].
14. Litvinov D., Krikunov A. Formirovanie obshchestvennogo mneniya cherez social'nye seti, kak sposob vliyaniya na politicheskie resheniya // Centr analiza terroristicheskikh ugroz. Available at: <http://catu. su/analytics/358-formirovanie-obwestvennogo-mnenija-cherezsocialnye-seti-kak-sposob-vlijaniya-na-politicheskie-resheniya>, accessed 24.11.2018 [in Rus].
15. Sergeeva Yu. (2018) Social'nye seti v 2018 godu: global'noe issledovanie. Available at: [https:// www. web-canape. ru/business/socialnyeseti](https://www. web-canape. ru/business/socialnyeseti), accessed 24.11.2018 [in Rus].
16. Sokolova E.A. (2011) *Sovremennye issledovaniya social'nyh problem*, vol. 6, no. 2, pp. 220—224 [in Rus].
17. Sumenko L.V., Saenko L.A., Bobryshov S.V. (2016) *Kant*, no. 2 (19), pp. 29—34 [in Rus].
18. Husnutdinova G.F. (2015) *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*, no. 1-1, pp. 1448—1456 [in Rus].
19. Shahmatova N.V. (2013) *Oizvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Sociologiya. Politologiya*, vol. 13, no. 3, pp.6—8 [in Rus].
20. Schelina T. T., Chudakova A. O. (2015) *Molodoj uchenyj*, no. 23.2, pp. 41—43 [in Rus].

For citing: Bannykh G.A., Zaitseva E.V.,
Kostina S.N., Kuzmin A.I.
The image of a mother with many children
in the Russian Internet space //
Socium i vlast'. 2019. № 1 (75). P. 42—52.

UDC 316.728

THE IMAGE OF A MOTHER WITH MANY CHILDREN IN THE RUSSIAN INTERNET SPACE

Galina A. Bannykh,

Ural Federal University named after
the first President of Russia B.N. Eltsin,
Associate Professor of the Department Chair
of Theory, Methodology and Legal Groundwork
for Public Administration,
Cand.Sc. (Sociology), Associate Professor.
Russian Federation, 620002, Yekaterinburg,
ulitsa Mira,19.
E-mail: g.a.bannykh@urfu.ru

Ekaterina V. Zaitseva,

Ural Federal University named after
the first President of Russia B.N. Eltsin,
Associate Professor of the Department Chair
of Theory, Methodology and Legal Groundwork
for Public Administration,
Cand. Sc. (Sociology), Associate Professor.
Russian Federation, 620002, Yekaterinburg,
ulitsa Mira,19.
E-mail: e.v.zaitseva@urfu.ru

Svetlana N. Kostina,

Ural Federal University named after
the first President of Russia B.N. Eltsin,
Associate Professor of the Department Chair
of Theory, Methodology and Legal Groundwork
for Public Administration,
Cand. Sc. (Sociology), Associate Professor.
Russian Federation, 620002, Yekaterinburg,
ulitsa Mira,19.
E-mail: s.n.kostina@urfu.ru

Aleksander I. Kuzmin,

Ural Federal University named after
the first President of Russia B.N. Eltsin,
Associate Professor of the Department Chair
of Theory, Methodology and Legal Groundwork
for Public Administration,
Cand. Sc. (Sociology), Professor.
Russian Federation, 620002, Yekaterinburg,
ulitsa Mira,19.
E-mail: a.i.kuzmin@urfu.ru

Abstract

Introduction. The ongoing sociocultural and economic transformations of modern society have affected basic social institutions, including the family. The transition from a large family model to a small, medium or childless model, including the change in population's reproductive attitudes and value orientations, led to the formation of a new image of large families in the mass consciousness. Postmodern society, notable for multidimensional social realities, is characterized by the emergence of social groups with different and sometimes contradictory values in relation to the family and children. The "split" of values is reflected in social networks and media. Scientific novelty. In the article, the authors reveal various versions of the image of a mother with many children which have been developed in the Russian Internet space.

The aim of the paper is to identify the prevailing image of a mother of a large family with a pronounced attitude to large families in society and develop models of Internet images of mothers of many children on the basis of content analysis of materials from Russian social networks and e-media.

Methods. The authors use the method of content analysis to study the formed image of a mother with many children, also making use of selective coding of the subject to search for materials on the Internet. Such constructs as "having many children", "multi-member family", "and mother with many children" act as semantic units.

Results. The authors proposed models of images of Russian mothers with many children which are formed on the Internet by analyzing the most popular Internet resources: e-media (Gazeta.ru, Izvestia.ru and Starkhit.ru) and social networks (YouTube, Instagram, VKontakte).

Key concepts:

multi-member family,
having many children,
mother with many children,
content analysis,
social network,
e-media,
Internet resources.

Для цитирования: Липская Л. А. Факторы распространения деструктивного поведения в подростковой среде // Социум и власть. 2018. № 6 (74). С. 53—59.

УДК 316.3

ФАКТОРЫ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ДЕСТРУКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ В ПОДРОСТКОВОЙ СРЕДЕ

Липская Лариса Алексеевна,
Уральский государственный университет
физической культуры,
заведующий кафедрой
социально-гуманитарных наук,
доктор педагогических наук, профессор.
Российская Федерация,
454091, г. Челябинск, ул. Пушкина, д. 73а.
E-mail: lipskayala@mail.ru

Аннотация

В статье рассматривается актуальная для современного российского общества проблема роста агрессии, насилия, преступности и других противоправных (делинквентных) действий, в том числе экстремистского характера, совершаемых подростками. Новизна данного исследования заключается в том, что в нем предпринята попытка системного раскрытия деструктивного поведения как социального феномена, различных форм его проявления, а также основных факторов риска, способствующих его распространению в подростковой среде. В отличие от других исследований, в данной статье дается комплексный социально-психологический и социологический анализ объективных (социальных) и субъективных (внутренних) факторов, влияющих на различные формы деструктивного поведения подростков. Особое внимание уделено выявлению и раскрытию основных экономических, социокультурных, информационно-пропагандистских, воспитательных, социально-психологических и морально-этических причин, что также определяет новизну данного исследования и стимулирует развитие теорий социологии деструктивного поведения. Представлен перечень наиболее эффективных мер и способов, которые могут противодействовать возникновению и распространению негативной девиантной подростковой субкультуры, а также различных форм делинквентных действий. Делается вывод о необходимости усиления работы по гражданско-патриотическому и духовно-нравственному воспитанию, а также координации усилий различных социальных институтов, направленных на профилактику преступной и экстремистской деятельности среди подростков.

Ключевые понятия:
агрессия,
насилие,
девиация,
экстремизм,
профилактика.

Среди проблем, волнующих современное российское общество, особое место занимает проблема деструктивного поведения подростков, которая проявляется в усилении ненависти и агрессии, в жестоком и враждебном отношении к окружающим, в преступности, актах экстремизма и сетевого терроризма, а также других формах девиантных, нарушающих социокультурные нормы, и делинквентных (противозаконных) действий. Теоретический анализ данной проблематики не дает однозначного ответа на вопрос о том, какие факторы в большей степени влияют на деструктивно-агрессивное поведение подростков. Нераскрытыми остаются причины их вовлечения в экстремистские организации, представляющие опасность для общества. В научной литературе не уделяется должного внимания определению эффективных способов профилактической деятельности.

Исследованием проблемы деструктивного поведения занимаются и психологи, и социологи, и политологи, но каждый из них рассматривает ее через призму своей науки, сосредотачивая внимание на изучении какой-то одной из ее сторон, вследствие чего они не достигают необходимой полноты проникновения в причины возникновения и механизм воспроизводства данного социального феномена. Среди ученых нет однозначного мнения по поводу причин проявления актов агрессии и насилия среди подростков. Практика показывает, что без комплексного междисциплинарного подхода невозможна выработка целостного представления об этом явлении и, следовательно, реализация на этой основе необходимых мероприятий по профилактике подростковой преступности. Новизна данного исследования заключается в том, что в нем предпринята попытка комплексного социально-психологического и социологического анализа деструктивного поведения как социального феномена, различных форм его проявления, а также основных негативных факторов (экономических, социокультурных, информационно-пропагандистских, воспитательных, социально-психологических, морально-этических) его распространения в подростковой среде.

Несмотря на то что государство в последнее время уделяет особое внимание профилактике правонарушений несовершеннолетних, в ряде регионов наблюдается рост подростковой преступности, ухудшаются ее качественные характеристики. Анализ показывает, что это, как правило, регионы, в которых еще с советских времен складывались традиции криминальной субкультуры при наличии большой концентрации колоний и тюрем либо наблюдается повышенный уровень социаль-

ной напряженности, который становится благодатной почвой для современной экстремистской идеологии и преступной деятельности. Статистические данные свидетельствуют о том, что в Иркутской, Мурманской, Сахалинской, Кемеровской, Камчатской областях доля преступлений, совершенных несовершеннолетними, остается весьма значительной, наблюдается рост объединений подростков с криминогенными наклонностями. И хотя доля тяжких насильственных преступлений совершаемых несовершеннолетними в целом невелика (не более 3 %), они отличаются исключительной жестокостью, издевательством над потерпевшими и цинизмом. Так, социологи И. Л. Сизова, Н. Ю. Егорова и другие отмечают, что порядка 10 % дерущихся школьников с особым ожесточением избивают одноклассников, причиняя вред их здоровью [9, с. 129]. Социологи обращают внимание на такое проявление противоправного разрешения социальных, в том числе школьных конфликтов, как самосудные расправы, представляющие собой неконтролируемую социальную агрессию со стороны определенной части подростков, неспособных адекватно взаимодействовать «в силу дефектов своего развития», а также повышенной импульсивности и эмоциональности. По данным исследований, в большей степени в них участвуют лица мужского пола, находящиеся на начальных этапах своего взросления, имеющие незаконченное среднее или средне-специальное образование, с недостаточным уровнем социализации и интеллектуального развития [10].

Предметом острой общественной дискуссии и особой озабоченности власти стала серия резонансных тяжких преступлений школьников Перми, Улан-Удэ, Челябинской и Московской областей, пытавшихся убить своих одноклассников, а также зверский и хладнокровный расстрел конкурсов и преподавателей колледжа г. Керчи. В этих трагических событиях можно проследить общую печальную тенденцию, обусловленную стремлением «униженных» и «оскорбленных» молодых людей, нередко испытывающих чувство «одиночества» среди сверстников и ощущающих себя изгоями или аутсайдерами, жестоко отомстить тем, кого они выбрали в качестве мишени своей кровавой расправы. Подростки-правонарушители, действующие, как правило, по американскому колумбайн-сценарию, были увлечены агрессивным интернет-контентом и заражены вирусом насилия в социальных сетях. Типичными чертами таких деструктивных личностей являются замкнутость и изолированность, нежелание устанавливать контакты с окружающими. Для психологиче-

ского портрета считающего себя выше других антигероя-одиночки, жестоко расправившегося со сверстниками, характерна деформация нравственно-правовых ориентаций, нередко отягощенная нервно-психологическими аномалиями, жажда реванша и безразличие к страданиям окружающих.

В подростковой среде можно выделить неконформистов, стремящихся не только отстаивать установки и мнения, противоречащие тем, которые господствуют в российском обществе, но и отрицающих общепринятые правила и устои, доминирующие ценности и нормы поведения. Социологи и психологи фиксируют повышенное внимание таких молодых людей к разным формам насилия и рискованного поведения, стремление подражать экранному или реальному представителям криминальных структур. Определенная часть подростков попадает под влияние не только криминальных, но и экстремистских организаций, вовлекающих их в противоправную деятельность. В социальных сетях группы девинантных подростков побуждают к насилию и самоубийству, а также размещают в Интернете перепосты материалов экстремистской направленности. Других недовольных чем-либо несовершеннолетних привлекает к участию в массовых беспорядках во время несанкционированных митингов и акций протеста несистемная оппозиция.

В последнее время в школах отмечается также создание ситуативных девинантных группировок, участвующих в преступлениях против личности и других правонарушениях, унижающих и оскорбляющих одноклассников, выделяющихся из общей массы школьного коллектива или имеющих какие-либо особенности («ботаники», полные и т. д.), которые не могут постоять за себя и нередко становятся изгоями. Представителей этих объединений, напоминающих школьников из советского фильма «Чучело», отличает потеря индивидуальности, желание почувствовать себя частью какой-то общности, самоутверждение через групповое насилие, послушное и бездумное выполнение чьих-то жестоких приказов. Участниками таких спонтанных группировок зачастую становятся озлобленные дети из неблагополучных семей либо агрессивные скужающие богатые старшеклассники, готовые участвовать в хулиганских действиях, травле одноклассников, творить произвол и насилие в отношении тех, кто слабее.

Представители ученого сообщества выделяют различные причины деструктивного, отклоняющегося поведения. Психологи связывают его со склонностью к агрессии или агрессивности, которую определяют: как присущий

человеку инстинкт (Фрейд); как стремление к господству (Моррисон); как реакцию личности на враждебную окружающую действительность (Хорни, Фромм). Широкое распространение получили теории, связывающие агрессию и фрустрацию (Мадлер, Дуб, Доллард). По данным исследований, неадекватное агрессивное поведение становится, как правило, реакцией на внешние обстоятельства (обида, конфликт, ссора), либо, как считает А. Басс, защитой от группового давления и принуждения. Другой представитель бихевиоризма А. Бандура выводит проблему агрессивности из модели (агрессивного или неагрессивного) поведения взрослых, которым подражают дети, отводя центральное место научению путем наблюдения за образцом. Подтверждением этому являются криминальные хроники, свидетельствующие о том, что нередко несовершеннолетних вовлекают в преступную деятельность представители старшего поколения, среди которых могут быть и родители, в том числе рецидивисты, совершающие руками подростков тяжкие преступления. Деструктивное поведение, при котором человек может причинить физический вред или создать психологический дискомфорт другим людям, характеризуется не только наличием агрессии, но и проявлением насилия на разных уровнях: межличностном, коллективном, социальном. Применение насилия предполагает нарушение принятых социальных норм, защищающих права и свободы людей, либо унижение достоинства, ущемление прав и свобод граждан, сопровождающееся причинением вреда (материального, физического, психологического и т. д.) [13, с. 123]. Психологи считают, что деструктивно-агрессивное поведение детей формируется под влиянием неблагополучных семей, в которых родители имеют вредные привычки (алкоголизм, наркомания, криминальное прошлое), или неблагоприятных семейных взаимоотношений (пренебрежительных, конфликтных, девиантных). Как правило, дети из таких семей подражают агрессивному поведению родителей и также имеют вредные привычки. Среди девиантных подростков, по данным уральских социологов, весьма значительно число тех, кто употребляет алкоголь и наркотики, на это указал каждый десятый опрошенный [8, с. 69]. Не занимаясь ничем полезным, не утруждая себя общественно полезной деятельностью, ведя праздный образ жизни, не посещая кружки и секции, не находя достойного выхода неуемной энергии, такие дети оказываются по большей части предоставлены самим себе, заполняя свой досуг вредными привычками и асоциальными поступками. К сожалению, благополучные семьи, окружающие детей безмерной любовью, потаканием любым прихотям и

желаниям, граничащим с вседозволенностью и безнаказанностью, также могут стать источником деструктивного поведения подростков, которые могут перейти в категорию «трудных». Современная российская семья в силу большой занятости родителей, вынужденных, в первую очередь, думать о добывании средств существования, оказывается неготовой или неспособной к выполнению воспитательной функции. Сталкиваясь с лицемерием и обманом, назидательностью и нравоучением, авторитарностью и насилием в семье либо пристрастием родителей к пьянству и наркомании, а нередко с безразличием и эгоизмом старших, «одиноким» дети, которых не понимают и игнорируют, находятся в состоянии острого противоречия с окружающей действительностью. На это указывал известный ученый Э. Фромм, который видел проявление деструктивной «злокачественной» агрессии в специфических условиях человеческого существования, связывая усиление ненависти со снижением устойчивости «равновесия между различными группами, а также между группой и ее окружающей средой» [12]. «Заброшенность» и «отчужденность» детей от мира взрослых становится одним из факторов приобщения подростков к различным негативным девиациям.

Среди причин деструктивно-агрессивного, антиобщественного поведения можно выделить недостаточно эффективное выполнение социализирующих функций школой как основным социальным институтом, который оказывается в стороне от духовно-нравственного воспитания подростков. Классные руководители зачастую не знают или предпочитают не замечать возникающие межличностные конфликты, игнорируя факты жестокого обращения либо издевательства одноклассников. Достоянием общественности сегодня становятся случаи нападок как со стороны одноклассников, так и части учителей, оскорбляющих и унижающих подростков. Нанесенная им обида запускает в них механизм ответных крайних, насильственных аффективных действий, проявляющихся в нетерпимости и агрессивности, в том числе в отношении учителей. Анализ данных свидетельствует о разнообразных формах насилия в школе: от вербального оскорбления, психологического давления и вандализма до ожесточенного физического избиения [9, с. 131]. Определенная доля вины лежит и на школьных психологах (к сожалению, они есть далеко не во всех школах), которые недостаточно успешно используют свой инструментарий, в частности анкетирование и беседы, для выявления детей с неуравновешенной психикой. Устранившись от воспитательной работы, руководство школы упускает из виду потен-

циальных правонарушителей, которые ни в каких драках до совершенного преступления замечены не были, агрессивно себя никак не проявляли. Скрытые девиантные подростки, оказавшиеся в одиночестве со своими проблемами, не имея возможности разделить с кем-то свои мысли и чувства, из-за отсутствия необходимой психологической помощи и социального контроля могут стать палачами тех, кто их унижает или отвергает. Такие подростки нередко пытаются навязывать свой негативизм другим группам, оказывая на них давление, в том числе через социальные сети, принуждая неокрепших духовно и морально детей совершать или суицидальные действия в отношении себя, или акты насилия в отношении других.

Одна из причин деструктивного поведения видится в возвеличении образа сильного эгоцентричного человека, антигероя-убийцы, внедряемого в сознание с помощью западных боевиков и триллеров, жестокости и насилия компьютерных «стрелялок», усилившейся пропаганде уголовной субкультуры (АУЕ) и экстремизма в Интернете. Фактический демонтаж духовно-нравственного общественного фундамента, пропаганда насилия в виртуальном пространстве способствуют формированию «девиантной субкультуры» подростков, появлению так называемых «групп риска», например, «гопников», специализирующихся на грабежах, кражах, вымогательствах, хулиганстве. В условиях девальвации воспитательной роли основных социальных институтов социализирующую функцию зачастую берут на себя «авторитетные» друзья с криминальными наклонностями, ориентированные на асоциальные, противоправные действия, или девиантные группы «ВКонтакте». Подогреваемые призывами к насилию и расправе, отдельные представители молодого «поколения Z» с несформировавшимся мировоззрением легко поддаются внушению и пропаганде агрессивных видеоблогеров, следуя за деструктивными лидерами интернет-сообщества. Широкое освещение и обсуждение в социальных сетях громких бесчеловечных преступлений школьников вызывают цепную реакцию, так называемый «синдром Вертера», порождающий повторяющиеся случаи подражающих убийств. Недостаточно эффективная блокировка негативного контента в сети Интернет приводит к тому, что отечественные подростки копируют массовые убийства жестоких американских «колумбайн»-школьников, воспринимающих мир как «грязный заводной апельсин» (Э. Берджесс). «Извне-ориентированные» (Д. Рисмен), агрессивно настроенные молодые «западоиды» (А. А. Зиновьев) оказываются жертвами зомбирующей системы западной кино-, теле—

и интернет-индустрии, в которой аномальное поведение и патология становятся фетишем. При явном дефиците современных отечественных жизнеутверждающих фильмов и героических образов, позитивных, спланированных подростков общественных организаций, идей, символов и ценностей, объединение происходит на негативной почве поиска врага, так называемого «козла отпущения», который становится объектом вымещения злости, вражды, ненависти и даже убийства. Этим объектом могут стать как строгие учителя, сверстники, так и представители другой национальности, вероисповедания, а также субкультуры. Героизация насилия и обесценивание человеческой жизни создают не только социальную напряженность и нестабильность, но и угрожают безопасности общества, порождая распространение различных форм экстремистской деятельности, в том числе и среди подростков.

Современные исследователи детерминируют растущий «фон экстремизма» среди подростков и молодежи такими социокультурными факторами, как резкое снижение уровня и качества образования; падение уровня культуры [4]. Так, В. П. Козырьков и Г. А. Фомченкова объясняют молодежный экстремизм окружающей социокультурной средой, носящей деструктивный характер [5, с. 38]. Они отмечают влияние негативных духовных факторов на формирование экстремистских установок подрастающего поколения. При этом деструктивные тенденции, связанные с кризисом духовно-нравственной сферы, характерны не только для нашей страны, но и других западных государств. Они возникают «на фоне мирового обнищания духа», проявляющегося в тиражировании «я-центристской,» или эгоцентристской, модели поведения, которая напрямую ведет, как считают некоторые культурологи, к «укоренению в сознании молодежи представлений об относительности правовых норм и моральному релятивизму» [7, с. 17]. Нельзя не согласиться с тем, что ситуация, сложившаяся в последнее время в духовной сфере, характеризуется девальвацией традиционной культуры и отчуждением от базовых духовных ценностей, утратой этических ориентиров. По мнению автора, произошедшая деформация ценностных ориентаций, ослабление духовных и абсолютизация материальных ценностей накладывает на неблагоприятные социально-экономические факторы. Наблюдающаяся примитивизация потребностей и деформация нравственных принципов, ориентация исключительно на материальный успех и гедонистические идеалы сопровождаются вызывающе пренебрежительным и презрительным отношением к нормам общественной морали, продуцируют

«паразитарные модели поведения». Социологи фиксируют в последнее время сдвиг настроений в сторону личного материального благополучия, которое становится важнее «величия страны». Сущность формируемой у подростков потребительской идеологии, погружающей человека «в предметный, вещный мир, идолизирующий деньги и удовольствия» [6, с. 134], заключается в превращении материальных благ в основной смысл существования личности, главный показатель ее «престижа» [2, с. 95]. Причем эти блага некоторые молодые люди стремятся «получить здесь и сейчас» любой ценой, не исключая и криминальные средства. Способствует этому современное кино и информационно-развлекательное пространство, окружающее современного молодого человека, насыщенное пропагандой потребительских ценностей, «законным» средством достижения которых становятся агрессия и насилие.

Сформировавшийся в «лихие» постперестроечные годы духовный и правовой вакуум, своеобразный «паралич правового пространства» и криминализация экономики также являются питательной средой для крайних взглядов и деструктивного поведения несовершеннолетних молодых людей с атрофическим рациональным мышлением и самоконтролем, ориентированных, главным образом, на негативное «социальное подражание». Несмотря на проводимую в последнее время политику декриминализации и борьбы с коррупцией, имеющие место факты несоблюдения закона формируют у них скептическое отношение к возможности решения проблем законными способами. Незрелость и неустойчивость правосознания подростков, неумение либо нежелание соизмерять свои поступки с требованиями закона становятся причиной проявления правового нигилизма, нравственной распущенности и преступных действий.

Западные социологи (Э. Дюркгейм, А. Коэн, Р. Мертон), акцентируют внимание на изучении как социокультурных, так социально-экономических причин различного рода негативных девиаций, таких, например, как аномия, возникающих во время кризисов и радикальных социальных перемен. Анализ выводов современных отечественных социологов и экспертов по данной проблематике (В. О. Рукавишников, А. К. Зайцев, А. Н. Сухов и др.) свидетельствует о том, что на первое место среди причин распространения радикальных настроений в подростковой среде выдвигаются, как правило, социально-экономические предпосылки (низкая заработная плата родителей, безработица и т. п.). Среди факторов, влияющих на ухудшение криминогенной обстановки и распростране-

ние преступности среди подростков, можно отметить: невысокое качество жизни и ухудшение материального благосостояния семей с низкими доходами, обусловленное экономическим кризисом. Предельно некомфортная, кризисно-экстремальная ситуация нестабильности и неопределённости отрицательно сказывается на самочувствии молодых людей, особенно из социально неблагополучных семей, для которых «настоящее безобразно, а будущее бесперспективно» (Э. Паин), порождая среди них различные стрессы и фобии, апатию, пессимизм и уныние. Как показывают исследования, несовершеннолетние молодые люди, не нашедшие необходимой поддержки со стороны родителей, общества и государства, нередко впадают в панику и депрессию от тяжелого материального положения. Обладая зачастую негативной коллективной идентификацией, они характеризуются высоким уровнем агрессии, которая становится источником недовольства, протестных настроений и деструктивного поведения. Снижение уровня жизни в условиях экономического кризиса вызывает у обездоленных подростков желание бороться за социальную справедливость, в том числе криминальными способами. К сожалению, перспективы быстрого выхода из затянувшегося кризиса весьма туманны в силу «коррозии» базисных социально-экономических отношений, а также отсутствия эффективной работающей системы социальных институтов [3], которые, как уже отмечалось, не справляются с социализирующими функциями, что также препятствует успешной декриминализации подростковой среды.

По мнению ученых (А. В. Алейников, А. И. Стребков, А. Н. Сунами), в условиях ухудшения экономической обстановки и накопившихся до предела социальных противоречий экстремальность молодежи находит выход не только в криминальных, насильственных формах, но и в экстремизме [11]. О. А. Алексеев и А. М. Полозова, анализируя причины подросткового и молодежного экстремизма, делают акцент на росте фрагментации мирового пространства в целом и российского общества в частности (неустойчивых формах социальных отношений, противоречиях между интересами индивида и социальных групп), которые, по мнению авторов, способствуют возникновению экстремистских организаций деструктивного характера [1]. К числу социальных факторов, влияющих на вовлеченность несовершеннолетних молодых людей в экстремистские действия, можно отнести не только рудимент социальной напряженности в обществе, но и распространение радикальных настроений и идей, которым в большей степени подвержены несовершеннолетние

молодые люди в силу своих социально-психологических особенностей. Неудовлетворенные жизнью и материальными условиями социально дезадаптированные подростки под влиянием интернет-пропаганды могут рекрутироваться в ряды экстремистских организаций либо участвовать в различных противоправных действиях, совершаемых по мотивам политической, идеологической, национальной, религиозной ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы.

Таким образом, проведенный анализ свидетельствует о влиянии на распространение в подростковой среде деструктивного поведения сочетания ряда неблагоприятных психолого-педагогических, семейных, морально-этических, информационно-пропагандистских, социально-экономических, социокультурных и других внутренних или внешних факторов, формирующих асоциальные жизненные ценности и образ жизни несовершеннолетних молодых людей. В основе мотивации насильственных действий и преступлений подростков лежит враждебная окружающая среда и психологическое отчуждение личности в детстве, отсутствие эмоционально-значимых позитивных контактов и ценностей в семье, педагогические ошибки родителей и учителей, которые замещаются негативными представлениями криминальных личностей и групп, действующих как в реальном, так и виртуальном пространстве. К числу объективных факторов, негативно влияющих на криминогенную обстановку, можно отнести ухудшение уровня жизни и невозможность удовлетворения материальных потребностей детей из малообеспеченных и неблагополучных семей в условиях ухудшения социально-экономической обстановки в стране. Деструктивное поведение подростков детерминируют также и социокультурные факторы: духовно-нравственный вакуум, героизация насилия и пропаганда экстремизма в Интернете, снижение социализирующей роли основных социальных институтов.

В связи с этим возникает необходимость в проведении комплексной профилактической работы со стороны всех заинтересованных социальных институтов, координации усилий семьи, образовательных учреждений и правоохранительных органов по предотвращению асоциальных явлений среди несовершеннолетних. Здесь важно тесное взаимодействие и совершенствование воспитательной работы школы и профилактической деятельности комиссии по делам несовершеннолетних, роль и полномочия которой предлагается усилить. Необходимо своевременное и эффективное реагирование на появление новых форм и видов правонарушений, в том числе в Интернете, что требует совершенствования как

правовых норм, так и правоприменительной практики. Обеспечение национальной безопасности и устойчивое развитие государства вынуждают правоохранительные органы усиливать борьбу не только с внешней, но и внутренней угрозой экстремизма, в том числе подросткового. Определенную положительную роль могла бы сыграть ювенальная юстиция, предназначение которой состоит в профилактике подростковой преступности, реабилитации несовершеннолетних преступников, оказании им необходимой социально-правовой помощи, а также изоляции детей из маргинальных семей: пьющих, наркоманов, с криминальным прошлым, родители которых могут стать для них образцом для подражания. Предотвращению подростковой преступности может способствовать повышение уровня жизни многодетных и малообеспеченных семей, намеченный правительством комплекс мероприятий по борьбе с бедностью.

Большое значение имеет также работа по гражданско-патриотическому воспитанию в школе, вовлечение обучающихся в организацию и проведение социально-значимых мероприятий, таких, например, как «Бессмертный полк», «Россия в моем сердце!» и других, формирующих у подростков такие ценности, как честь, достоинство, совесть, стремление к исполнению гражданского долга и своих обязанностей. Немаловажно воспитывающее воздействие организации повседневной жизни подростков, создание в школах и по месту жительства необходимой культурно-досуговой и спортивно-массовой среды, а также размещение положительного детского контента и информационно-разъяснительных материалов в Интернете. Необходимо более действенные меры по реализации нормативных документов в сфере гражданского образования, духовно-нравственного развития и воспитания молодежи.

1. Алексеенко О. А., Полозова А. М. Экстремизм: риски безопасности личности // *Alma mater* (Вестник высшей школы). 2016. № 5. С. 17—19.

2. Гусейнов О. М., Гусейнова Ж. О. К вопросу об отношении материальных и духовных потребностей в нравственном развитии личности // *Социально-гуманитарные знания*. 2017. № 4. С. 89—100.

3. Зырянов С. Г. В стране острая институциональная недостаточность // *Челябинский обзор*. 2018. № 2 (155). С. 6—7.

4. Козлов А. А. На каких «полях» произрастает экстремизм? // *Молодежная Галактика*. 2011. № 7. С. 110—112.

5. Козырьков В. П., Фомченкова Г. А. Экстремальность молодежи и молодежный экстремизм: социокультурный подход к анализу факторов угрозы национальной безопасности // *Alma mater* (Вестник высшей школы). 2018. № 1. С. 36—40.

6. Липская Л. А. Духовно-нравственная эволюция российского общества // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 19 (374). Философия. Социология. Культурология. Вып. 37. С. 132—138.

7. Лукаш А. В. Культурные трансформации и динамика трудовых мотиваций современной российской молодежи // Вопросы культурологии. 2016. № 5. С. 16—21.

8. Павлов Б. С. Над опасным «социальным придоньем» (о девиантной субкультуре подростков) // Социологические исследования. 2013. № 2. С. 69—80.

9. Сизова И. Л., Егорова Н. Ю. Насилие в школе и проблемы семьи // Социологические исследования. 2016. № 3. С. 128—131.

10. Смирнов А. М. Самосудные расправы в подростковой и молодежной среде // Социологические исследования. 2017. № 6. С. 108—113.

11. Стребков А. И., Алейников А. В., Сунами А. Н. Российский молодежный экстремизм: проблемы понимания и противодействия // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2015. Т. 9, № 4. С. 796—806.

12. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности : пер. с нем. М. : АСТ, 2006. 640 с.

13. Шипунова Т. В. Гражданская безопасность и насилие: российские практики // Социологические исследования. 2016. № 6. С. 122—128.

References

1. Alekseenko O.A., Polozova A.M. (2016) *Alma mater (Vestnik vysshej shkoly)*, no. 5, pp. 1—19 [in Rus].
2. Gusejnov O.M., Gusejnova Zh.O. (2017) *Social'nogumanitarnye znaniya*, no. 4, pp. 89—100 [in Rus].
3. Zyrjanov S.G. (2018) *Cheljabinskij obzor*, no. 2 (155), pp. 6—7, [in Rus].
4. Kozlov A.A. (2011) *Molodezhnaja Galaktika*, no. 7, pp. 110—112 [in Rus].
5. Kozyr'kov V.P., Fomchenkova G.A. (2018) *Alma mater (Vestnik vysshej shkoly)*, no. 1, pp. 36—40 [in Rus].
6. Lipskaja L.A. (2015) *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija Filosofija. Sociologija. Kul'turologija*, vyp. 37, no. 19 (374), pp. 132—138 [in Rus].
6. Lukash A.V. (2016) *Voprosy kul'turologii*, no. 5, pp. 16—21 [in Rus].
8. Pavlov B.S. (2013) *Sociologicheskie issledovanija*, no. 2, pp. 69—80 [in Rus].
9. Sizova I.L., Yegorova N.Yu. (2016) *Sociologicheskie issledovanija*, no. 3, pp. 128—131 [in Rus].
10. Smirnov A.M. (2017) *Sociologicheskie issledovanija*, no. 6, pp. 108—113 [in Rus].
11. Strebkov A.I., Alejnikov A.V., Sunami A.N. (2015) *Kriminologicheskij zhurnal Bajkalskogo gosudarstvennogo universiteta jekonomiki i prava*, t. 9, no. 4, pp. 796—806 [in Rus].
12. Fromm E. (2006) *Anatomija chelovecheskoj destruktivnosti*. Moscow, AST, 640 p. [in Rus].
13. Shipunova T.V. (2016) *Sociologicheskie issledovanija*, no. 6, pp. 122—128 [in Rus].

For citing: Lipskaya L.A.

Factors of spreading destructive behavior among adolescents and young people // *Socium i vlast'* 2019. № 1 (75). P. 53—59.

UDC 316.3

FACTORS OF SPREADING DESTRUCTIVE BEHAVIOR AMONG ADOLESCENTS AND YOUNG PEOPLE

Larisa A. Lipskaya,

Ural Institute of Physical Culture, Head of the Department Chair of Social and Humanitarian Disciplines, Doctor of Education, Professor. Russian Federation, 454091, Chelyabinsk, ulitsa Pushkina, 73a.
E-mail: lipskayala@mail.ru

Abstract

The article considers the problem of growing aggression, violence, crime and other illegal actions, including those of an extremist nature, committed by adolescents and young people, which is relevant for modern Russian society. The novelty of this study consists in the attempt to systematically disclose destructive behavior as a social phenomenon, various forms of its manifestation, as well as to identify the main risk factors that contribute to its spread in the adolescent-youth environment. On the basis of the comprehensive analysis, the role of objective (social) and internal (subjective) factors influencing various forms of adolescents and youth destructive behavior (aggression, violence, protest actions, extremist activity) is presented. Particular attention is paid to disclosing economic, socio-cultural, ideological, advocacy, educational, socio-psychological and moral-ethical reasons. A list of possible measures and methods that can counteract the emergence and spread of deviant adolescent and youth subcultures, as well as various forms of delinquent behavior, is presented. The conclusion is made about the need to strengthen civil-patriotic and spiritual and moral education, as well as coordination of actions of various social institutions aimed at preventing criminal and extremist activities among adolescents and young people.

Key concepts:

aggression, violence, deviation, extremism, preventing measures.

Для цитирования: Радина Н. К. Сравнительный анализ электронных петиций в защиту животных на цифровых платформах РОИ и Change.org // Социум и власть. 2019. № 1 (75). С. 60—71.

УДК 32.019.5 (659.4)

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЭЛЕКТРОННЫХ ПЕТИЦИЙ В ЗАЩИТУ ЖИВОТНЫХ НА ЦИФРОВЫХ ПЛАТФОРМАХ РОИ И CHANGE.ORG¹

Радина Надежда Константиновна,
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
профессор департамента социальных наук,
доктор политических наук, профессор.
Российская Федерация, 603155,
г. Нижний Новгород,
ул. Большая Печерская, 25/12.
E-mail: rasv@yandex.ru

Аннотация

Введение. В статье представлены итоги исследования, посвященного изучению электронных петиций в защиту прав животных. Основания для защиты животных россияне, создающие и подписывающие петиции, находят в религиозных, фольклорных, литературных источниках, в практике повседневности. Эта имплицитная основа отношения общества к животным обуславливает дальнейшую политическую активность в их защиту.

Цель статьи — охарактеризовать специфику петиций цифровых платформ Change.org и РОИ (Российская общественная инициатива), направленных на защиту прав животных.

Методы. Материалы исследования собирались на цифровых платформах Change.org (2012—2017) и РОИ (2013—2017). Тематизация

петиций происходила на основе открытого кодирования при помощи программного обеспечения AntConc. Статистическая обработка проводилась при помощи инструментов описательной статистики SPSS Statistics 22.

Научная новизна исследования. В данной статье отстаивается точка зрения, согласно которой действия общества в защиту животных могут быть особыми маркерами латентной политизированности социума. В статье также впервые обсуждаются электронные петиции в защиту прав животных, опубликованные на цифровых платформах.

Результаты. Среди всего массива петиций на РОИ петиции в поддержку прав животных занимают менее 5%, на Change.org достигают 10%. Этот факт связывается с различиями в аудиториях данных цифровых ресурсов и особенностями функционирования данных платформ. Исполненные /результативные петиции в защиту прав животных отмечены только на Change.org. Среди всех результативных петиций этой платформы, 15 % посвящены отстаиванию прав животных. Эти показатели превышают успех электронных петиций о политических и экологических проблемах, проблемах культуры и образования. В статье также дается классификация петиций в защиту прав животных.

Выводы. Автор статьи предполагает, что для более определенного понимания мотивации россиян, выступающих в поддержку прав животных, необходимо кросс-культурное сравнение данной активности в России и в других странах.

Ключевые понятия:

электронные петиции,
Change.org,
Российская общественная инициатива,
защита прав животных,
цифровое политическое участие,
слактивизм.

¹ Данная статья подготовлена в рамках научного проекта РФФИ № 18-011-00140-А «Электронная петиция как фрейм социальной и политической мобилизации (российская и кросскультурная перспективы)».

Введение

В феврале 2018 г., в разгар баталий, связанных с Brexit, Комитетом по петициям Великобритании для обсуждения в Вестминстерском зале была выбрана электронная петиция 200205, касающаяся экспорта на убой сельскохозяйственных животных после того, как Великобритания покинет Европейский Союз [22]. Данная инициатива стала ответом на продолжающиеся кампании граждан Великобритании, призывающих к запрету экспорта живых животных, прибывающих «на мясо». Среди множества проблем, связанных с Brexit, защита прав животных, испытывающих страдания при отправке с материка (чтобы быть забитыми и съеденными на острове), оказалась среди приоритетных и дискутируемых.

Насколько актуальна в России проблема защиты прав животных и могут ли петиции о животных выйти на первый план при обсуждении общественных проблем, как, например, в Великобритании, сказать сложно. Защита прав животных существует как самостоятельное направление в экологическом движении но, представляется, что символически она выполняет иную миссию, нежели обычный экологический активизм.

Отношения человека и животных на всех этапах развития человеческой цивилизации имели религиозную и/или светскую этическую регуляцию. Так, ключевые религиозные трактаты (например, в буддизме, христианстве или исламе) содержат описание, определенно регламентирующие поведение человека с животными в контексте нравственного долга и идеи ценности любой жизни [4].

Религиозные традиции всегда поддерживал и фольклор, отвечающий за воспроизводство культуры, в том числе и культуры отношений с животными, особенно с теми, кто непосредственно оказывался включенным в хозяйственный уклад человека [2; 17 и др.]. Культурно-историческая база проблемы отношения человека к животным, таким образом, конституировалась при помощи двух ключевых конструктов: хозяйственной полезности животных для человека и одновременно «божественной атрибуции» животных, их самостоятельного существования вне человеческой воли согласно «божьему замыслу». Патриархальное отношение человека к животным, соответствующее канонам религии и традиционной культуры, фактически свидетельствовало о «нормальности», поскольку демонстрировало принятие общественных норм и одобряемую поддержку традиций.

Однако с развитием общества, возвышением науки и усложнением уклада социальной жизни, отношения человека к животным также усложняются. В этой логике (рациональных) отношений животные становятся не только «полезными» (или вредными), не только «независимыми и самоценными» (в контексте божьего замысла), но также и теми Другими, кто используется человеком как точка отсчета для самопонимания, для рефлексии природных, социальных и культурных человеческих особенностей. С точки зрения научной рефлексии, сопоставление себя с животными осуществляется человеком на основании двух основных подходов: антропоморфизма и логоцентризма [11]. Антропоморфный подход базируется на утверждении сходства человека и животных, логоцентристский — на различиях. Например, размышления создателя идеологии анархокоммунизма Петра Алексеевича Кропоткина о взаимопомощи человека и животных строятся согласно антропоморфному принципу [12]. Обосновывая необходимость сохранения вида, П. А. Кропоткин доказывает, что «необщительные виды» животных осуждены на вырождение, а в практике взаимной помощи людей и животных находит истоки нравственных и этических представлений. «Единые законы» для человека и животных позволяют, таким образом, в конструировании политических идеологий претендовать на утверждение не божественных, но природных основ (легитимация идеологии через естественно-научные основания).

В то же время научная рациональность работает, как правило, только с конструктом «полезности»: не столько важно, похожи или отличны животные в сравнении с человеком, главное, что они — полезны, при чем буквально — полезны для науки. Использование животных в научных целях (вивисекция, опыты над животными и т. д.) становится проблемой общественных дискуссий и, начиная с XIX века, одной из причин борьбы за права животных [3; 5 и др.].

Литературная рефлексия использует образы животных несколько иначе. Животные как Другие при конструировании художественных миров и для анализа самопонимания литературных героев используются в дискурсах [13]: сентиментально-поучительном (в русской литературе: «Холстомер» Л. Н. Толстого, «Хорошее отношение к лошадям» В. В. Маяковского, «Сорокоуст» С. А. Есенина и др.); дискурсе чужого (аудсайдерский) (в русской литературе: «Записки сумасшедшего» Н. В. Гоголя и др.), морального превосходства над людьми (в русской

литературе: «Прощай, Гульсары Ч. Т. Айтматова и др.), абсурдном (в русской литературе: «Верный Руслан» Г. Н. Владимова и др.), угрожающем (в русской литературе: «Хранитель древностей» Ю. О. Домбровского и др.).

Животные в «литературной классификации» Р. Портера раскрывают свою функцию «внешней инстанции» в оценке «человечности», участвуют как внешние акторы (или условия) в построении человеческой репрезентации (подают пример, пугают, высмеивают, учат), благодаря чему построение «Я» оказывается возможным. Через проникновение в мир животных и оценку себя через призму Другого («животной жизни») происходит более глубокое постижение человеком собственной сущности.

Взгляд на животных в политической философии во многом укладывается в классические биополитические идеи и метафоры, а именно идеи и метафоры о различении человеческого и нечеловеческого [1; 7; 8 и др.]. В работе «Тварь и суверен» [7; 8] Жак Деррида описывает две опции, которые возникают при концептуализации человека как политического животного. Это, во-первых, сдвоенная и противоречивая фигурация человека политического как «превосходящего тварь, которую он подчиняет, порабощает, под себя подминает, одомашнивает или убивает» (человек политический — суверен — превыше животности), и, во-вторых, фигурация человека политического и особенно суверенного государства как животности и даже зверства, будь то зверство нормальное или чудовищное, мифологическое или сказочное (человек политический как животность) [8, с. 16].

С точки зрения самоопределения человека, в философской рефлексии животные оказываются вовлеченными и инкорпорированными в ткань человеческого самопонимания, а в работах З. Фрейда, Ж. Лакана, Ж. Делеза и Ф. Гваттари находят указания на идентичность животного (анонимного животного множества) и человеческого бессознательного [18]. Животные в данной оптике оказываются не внешней, а внутренней институцией человеческого «Я», воплощением бессловесной и нерелексивной стороны человеческой психики, что позволяет в философских дискуссиях утверждать этику постгуманизма как направленную не только на людей, но и на окружающий мир в целом. В этом контексте отношение человека к животным раскрывают содержание человеческого бессознательного.

Сложные и драматичные переживания человека и человечества, связанные с жи-

вотными и отраженные в текстах культуры, на уровне общественного активизма и политического поля выражаются в движении по защите прав животных. Обзорная статья М. А. Боровика и Д. В. Михель [5], посвященная сравнительному анализу истории движения по защите прав животных в России и за рубежом фокусируется не только на истории, но и на теоретизировании в изучении данного движения, подробно останавливаясь на идеях А. Турена, полагавшего, что рабочие движения как главные социальные движения прошлого возникали, будучи вовлеченными в классовый конфликт (конфликт по поводу материальных ресурсов). Тем самым, по Турену, осуществлялась «материалистическая политика», отличная от современных «постматериалистических» (антивоенных, экологических, феминистских и т. д.) движений, вовлеченных в политические и социальные (нематериалистические) конфликты. Авторы также позитивно характеризуют подход Ч. Тилли, согласно которому общественные движения — способ предъявления коллективных требований другим, отличительная черта которого в публичности, проявляющейся в поведении, внешнем виде, атрибутах и т. п.

М. А. Боровик и Д. В. Михель дают подробное описание развития движения защиты прав животных в Великобритании, где зародилось данное движение как реакция консервативного общества на индустриальную урбанизацию и связанный с ней рост радикализма и научного материализма, а также в общих чертах охватывают защиту прав животных в других странах Европы и Америки.

Анализируя развитие движения в защиту прав животных в России, авторы исследования подчеркивают, что данная проблема многим растворена в рамках природоохранных движений, а защитой животных, как правило, занимаются энтузиасты и активисты, для которых защита животных — моральный долг. Среди «подвижнических» природоохранных организаций М. А. Боровик и Д. В. Михель выделяют и те, которые ориентированы на участие в публичной политике и на завоевание общественного внимания.

В правовом дискурсе обсуждение проблем защиты прав животных локализовано в области сравнения законодательной базы в международном [9 и др.] и национальном российском праве [16 и др.], в различного рода теоретических дискуссиях о роли осознания прав животных в формировании экологического сознания [20 и др.], а также

в области предотвращения жестокого обращения с животными [15 и др.].

Исследования в области права отчасти объясняют, почему необходимо регулировать в режиме законодательных актов отношения человека и животных, указывая на то, что преступные намерения и действия в отношении животных часто оказываются предиктами будущих преступлений против человека [15]. Этот аргумент оказывается ключевым в правовом дискурсе, объясняющем интерес права к мотивации поведения человека в отношении животных, включая и мотивацию правозащитной деятельности в области защиты прав животных.

Проблемы защиты животных в научном дискурсе наиболее подробно и детально рассматриваются именно в правовом поле, в то время как исследований, ориентированных на политический анализ движений в защиту животных, единицы. Примером политологического анализа экологического активизма в контексте политического участия, включая создание электронных петиций, является исследование В. Б. Гольбрайха [6].

В данном исследовании в фокусе изучения находятся современные цифровые формы политического участия, практикуемые экологическими активистами, изучая тексты петиций на Change.org, активность экологических активистов в социальных сетях, а также традиционные формы политического участия (митинги, пикеты и т. д.). В исследовании утверждается, что защитники прав животных среди других групп экологических активистов более склонны к слактивизму (ориентация на пассивные формы цифрового политического участия) [23], и, отстаивая свои убеждения, недостаточно работают с прессой и общественным мнением. В то же время автор исследования не ставит вопросы о причинах и особенностях выступлений общественности в защиту прав животных на фоне нерешенных проблем в области защиты прав людей.

Методы и материалы

Представляемое исследование в качестве ключевой теории использует идеи цифрового политического участия (онлайн петиции — одна из форм цифрового политического участия) [19; 24; 25], включая проблемное поле слактивизма [23], поскольку материалом для анализа являются результаты активности пользователей цифровых ресурсов (цифровых платформ для подачи электронных петиций). Петиции в политологических исследованиях рассматривают

как универсальную форму политического участия, релевантную как для офлайн-реальности (обычные петиции), так и для онлайн-реальности (электронные петиции). Кроме того, интерпретация результатов исследования осуществляется с использованием идей о связи между отношением к животным в обществе и содержанием общественного бессознательного (Ж. Лакана, Ж. Делеза и Ф. Гваттари).

Материалы исследования собирались на цифровых платформах Change.org (<http://www.change.org/ru>; русско-язычный сегмент) и РОИ (Российская общественная инициатива; <http://www.roi.ru>) за период с 2012 по 2017 г. для Change.org, для РОИ с 2013 по 2017. Тематизация петиций происходила на основе открытого кодирования при помощи программного обеспечения AntConc, статистическая обработка проводилась при помощи инструментов описательной статистики SPSS Statistics 22.

Международная цифровая платформа Change.org — одна из наиболее популярных площадок цифровых петиций среди россиян, действующая также в 196 странах на 14 языках. Результаты голосования за электронные петиции на платформе Change.org не имеют юридической силы: адресаты петиций вправе их проигнорировать, так как данная платформа собирает недостаточную информацию о голосующих. Регистрация на сайте происходит через электронную почту, полученный при этом id-номер (UNIX-утилита, показывающая информацию о пользователе, который написал петицию, но не указывающую на имя пользователя) или аккаунт в Facebook не раскрывают личности голосовавших. Тем не менее, благодаря реакции общественности, сопровождающей голосование, петиции Change.org не только рассматриваются их адресатами, но также поставленные проблемы достаточно часто имеют положительный исход. По словам руководителя платформы Change.org в России Дмитрия Савелова: «В среднем в час побеждает одна петиция. В России как минимум одна петиция в день добивается поставленного результата»¹.

Проект «Российская общественная инициатива» (РОИ) — также один из наиболее известных в России цифровых ресурсов для работы с электронными петициями (ресурс

¹ Мартынова Е. Директор Change.org Дмитрий Савелов: «Каждый день выигрывает одна петиция» // Новые Известия. 2016. 14 окт. URL: <https://newizv.ru/news/society/14-10-2016/247944-direktor-shangeorg-dmitrij-savelov-kazhdyj-den-vyigryvaet-odna-peticija> (дата обращения: 28.10.2018).

для размещения петиций и голосования «за» или «против»). Более строгий алгоритм регистрации пользователей на данной платформе позволяет идентифицировать как тех пользователей, кто создает петиции, так и тех, кто за них голосует.

Из архивов РОИ и Change.org при помощи компьютерного обеспечения Python, используя библиотеки Lxml, Requests и Re были извлечены 22 452 петиции (русскоязычный сегмент Change.org), а также 9829 петиции с электронного ресурса roi.ru. Далее тексты петиций были тематизированы при помощи программного обеспечения AntConc, а классификация тематик на обеих платформах была унифицирована для возможного сравнения. Также учитывался статус извлеченных петиций: «поданные» или «исполненные»/победившие. Предполагалось выяснить, насколько значимое место среди поданных и «победивших» петиций занимают петиции о правах животных, а также особенности данных петиций.

Результаты

В год на Change.org размещается в 2 раза больше петиций, чем на roi.ru (22 452 петиции русскоязычного сегмента Change.org и 9829 петиции электронного ресурса roi.ru за изучаемые периоды). Однако различия между данными цифровыми платформами

не только в количественных показателях, у них качественно разные аудитории. Если на Change.org петицию может подписать любой пользователь сети, оказавшийся в кругу агитации поддерживающих петицию и прошедший несложную регистрацию на платформе, то петиции, подписанные на РОИ, имеют определенных, точных «подписантов». «Российская общественная инициатива» — один из проектов в русле российской электронной открытой демократии, гипотетически может быть использован россиянами для законодательных инициатив. Именно благодаря законотворческому потенциалу РОИ заинтересовала общественных активистов, включая оппозиционные группы, которые стремятся посредством инструментов цифровой демократии (электронных петиций на РОИ) повлиять на определенные законы и действия правительства [10; 21 и др.]. Следовательно, возможно предположить, что аудитория РОИ более сплоченная, целеориентированная и политизированная (сознательно использующая ресурс для политических изменений), а аудитория Change.org неформальная (вне политических групп), «броуновская» и, возможно, более иррациональная. Различия между платформами, отраженные в темах поданных петиций на Change.org и РОИ, представлены на рис. 1.

Согласно рис. 1, ряд тем равнозначно представлены в петициях как на Change.org,

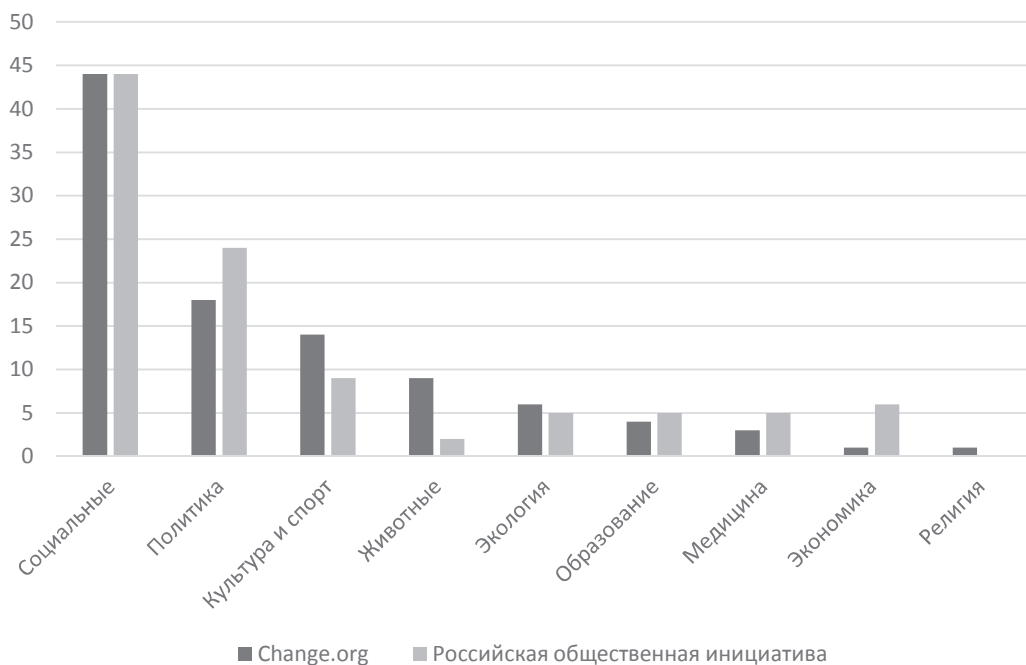

Рис. 1. Тематика поданных петиций: РОИ и Change.org (%)

так и на РОИ, прежде всего это темы, связанные с общими проблемами города (социальные проблемы), с экологией и образованием.

Например, на Change.org: петиция Дмитрия Мещерякова (id5880250), Приволжский ФО, 07.02.2016 (213 участников кампании), «Отмена видеонаблюдения на ЕГЭ/ГИА».

Например, на Change.org: петиция Екатерины Залесской (id6062766), Центральный ФО, 16.02.2016 (664 участника кампании), «Запретите вырубку сквера и строительства очередного Торгового центра на Художников 26/2».

Например, на РОИ: «Развитие раздельного сбора мусора в РФ»; дата окончания голосования 04.07.2015 (10 029 голосов «за»).

Представляется, что данные тематики помечают зоны консенсуса голосующих, как правило, жителей больших городов и городов-миллионников. В то же время на ro1.ru выше активность в области тематик, связанных с политикой, экономикой и медициной.

Например, на РОИ: «Защитить производителей дешевых лекарственных препаратов, и стимулировать разработку действенно новых лекарств, обязав производителей лекарственных препаратов указывать в рекламе и на упаковке вместе с названием препарата основное действующее вещество»; дата окончания голосования 28.09.2016 (1159 голосов «за»).

Например, на РОИ: «Увольнять судей, вынесших несколько незаконных решений в течение года»; дата окончания голосования 29.11.2016 (7976 голосов «за»).

Высокая заинтересованность на РОИ в петициях, посвященных политическим и экономическим вопросам, представляет данный ресурс как действительный инструмент прямой демократии. В то же время петиции, претендующие на изменение законодательства и влияние на политические решения, как правило, оказываются не поддержанными (даже в тех редких случаях, когда одобряются экспертной группой). Так, петиция «Ужесточить в Кодексе РФ об административных правонарушениях наказание для водителей транспортных средств за нарушение Правил дорожного движения в зоне железнодорожных переездов» (11.02.2016; за инициативу подано: 100 154 голоса, против инициативы подано: 1040 голосов) была одобрена экспертной группой, а в апреле 2017 года этот законопроект был отклонен Государственной думой.

Включение медицинской проблематики в рейтинговую «политическую тройку» на

РОИ свидетельствует в пользу осознания со стороны общества высокой роли «практической биополитики», сопряженной с проблемами постиндустриального общества (новые формы контроля за жизнью и «телами» граждан). В то же время на Change.org чаще подаются петиции, направленные на решение проблем культуры и спорта, касающиеся религиозных вопросов, а также петиции в защиту животных.

Например, на РОИ: «Обязать хозяев собак убирать экскременты за питомцами при выгуле»; дата окончания голосования 18.04.2017 (8195 участников кампании).

Например, на Change.org: петиция Андрея Петрова (id 6001102), Центральный ФО, 13.02.2016 (155 участников кампании), «Закон о защите чувств неверующих, о запрете пропаганды религии. Притеснение неверующих».

Например, на Change.org: петиция Бориса Будаева (id1079223), Дальневосточный ФО, 05.04.2013 (5027 участников кампании), «Сохраните борьбу в программе Олимпийских игр!»

Например, на Change.org: петиция Андрея Попова (id5248778), Центральный ФО, 23.12.2015 (577 участников кампании), «Ужесточить наказание за жестокое обращение с животными!!!».

Таким образом, действительно, принципиальным отличием петиций цифрового ресурса РОИ является их относительная политизированность и более рациональная, прагматичная активность создателей петиций, а также тех, кто за них голосует.

В то же время податели петиций и голосующие за них на Change.org, демонстрируют широкий мотивационный спектр вовлеченности, поддерживая как рациональные, так и иррациональные предложения, активно голосуя за (нестандартные для РОИ) петиции в защиту животных, в поддержку культуры, за петиции, регламентирующие решение религиозных (духовных) вопросов.

Сравнивая петиции Change.org и РОИ об экологии и защите прав животных, обнаруживаем, что экологические проблемы в петициях на обеих платформах представлены примерно равнозначно (около 5 % от числа всех петиций). В то же время петиции в защиту животных на Change.org занимают почти 10 % от всего числа петиций, а на РОИ практически не представлены. Этот факт также работает в пользу «нерациональности» Change.org и «рациональности» (политизированности) РОИ, поскольку экологические проблемы (в отличие от прав животных) традиционно являются частью интересов общественных движений. В то же

время петиции на Change.org в защиту прав животных могут содержать как продуманные, выстроенные тексты (профессионально подготовленные), так и эмоциональные, написанные по наитию.

Например, на Change.org: петиция Виктории Рыжих (id9827354), Сибирский ФО. «Наказать по всей строгости закона извергов, переехавших медведя на “Уралах” в Якутии» (1469 участников кампании; 2016).

Например, на Change.org: петиция Натальи Макаровой (id5161766), Северо-Западный ФО, «Законодательно запретите массовую травлю собак в Сортавальском районе» (550 участников кампании; 2015).

Например, на Change.org: петиция Юлии Прониной (id2289136), Северо-Западный, «Запретить замуровывать кошек в подвалах домов. Узаконить открытый подвальный проход, в котором живет кошка» (47 670 участников кампании; 2014).

Например, на Change.org: петиция Глеба Бурцева (id11164202), Уральский ФО, «Ввести запрет на использование животных в качестве пищи!» (2214 участников кампании; 2017).

Очевидно, что петиции на Change.org, посвященные защите прав животных, как бы стирают границу между публичным и частным (наиболее яркие примеры — петиции о защите домашних и брошенных кошек, находящихся в подвалах жилых домов), и мотивационно находят поддержку не в рациональном, а иррациональном обосновании. Защита прав кошки, которая оказа-

лась в подвале и «нуждается в проходе», или защита прав медведя, травмированного автомобилем, или призыв об отказе от использования мяса животных в пищу, — призывы, которые эмоционально вовлекают голосующих, согласуются с архетипическими (мифологическими) установками о необходимости «бороться за добро», работают с наиболее уязвленной частью идентичности горожанина, чувствующего животную беспомощность перед вызовами современного общества и современного города.

Однако насколько часто подобные петиции получают значительную поддержку со стороны голосующих и оказываются «исполненными», возможна ли значительная поддержка «иррациональных петиций»?

Поскольку поданные петиции о правах животных занимали около 10 % от числа всех петиций на Change.org, а на РОИ практически отсутствовали, исполненные или победившие петиции о животных оказались только на Change.org-платформе. Тематически все исполненные петиции Change.org распределились следующим образом (рис. 2).

Специфика исполненных петиций на Change.org такова, что сам податель петиции, за которую голосуют на платформе, решает поставить отметку и тем самым даёт знать, что петиция выполнила свои цели и задачи (исполнена). Поскольку петиции на Change.org не обязательны для рассмотрения органами государственной власти, продуктивность данного ресурса связана с общественным резонансом.

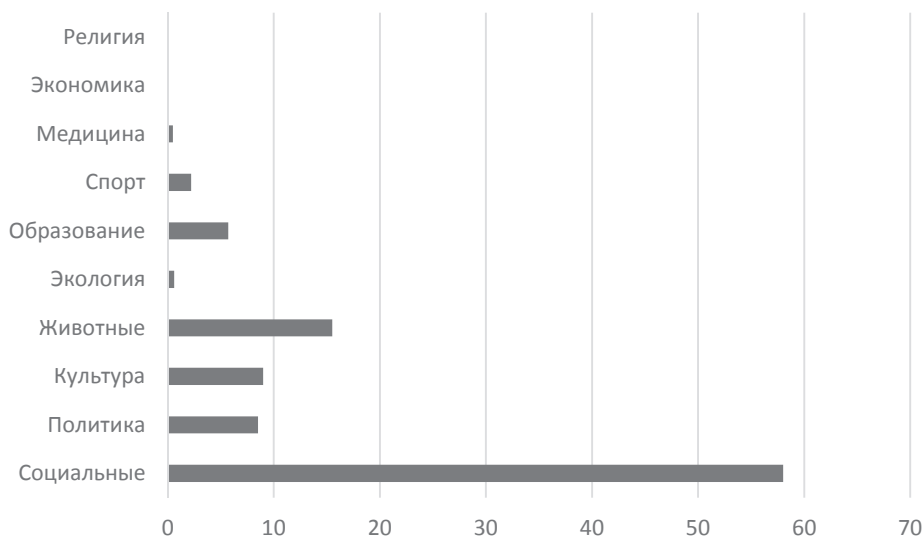

Рис. 2. Тематика исполненных 918 петиций (Change.org; %)

Так, благодаря верификации адресатов петиций Минздрав и «Сбербанк», прошедшие верификацию, приняли ответственность и инициативно решают проблемы, сформулированные в обращениях к ним петициях на Change.org¹.

Среди всех тематик исполненных петиций, электронные петиции, посвященные защите прав животных, получают высокую поддержку и выходят по популярности на второе место (142 исполненные петиции из 2021 поданных о правах животных), превышая поддержку петиций за решение вопросов в области культуры и политики и затмевая небольшое число исполненных петиций по экологическим проблемам.

Какие именно петиции о животных получают поддержку на Change.org?

Например, петиция Ольги Кнор (id2088659), Приволжский ФО, «Просим вмешаться в ситуацию с травлей и мучениями медведя в Самаре!» (16 860 участников кампании; 2014).

Например, петиция Коваленко Натальи (id1267774), Дальневосточный ФО, «Просим оказать помощь в эвакуации домашних животных из затопленных районов» (21 408 участников кампании; 2013)

Например, петиция Ольги Увакиной (id8224979), Сибирский ФО, «Просим оказать помощь сгоревшему приюту для бездомных животных!» (4928 участников кампании; 2016).

Например, петиция Надежды Кузьминой (id4457312), Южный ФО, «Обеспечить достойные условия цирковым медведям Егору и Рае в городе-герое Волгограде» (1848 участников кампании; 2015).

Все исполненные петиции возможно разделить на 4 основные группы:

- петиции с требованиями о наказании кого-либо за нарушение прав животных (убийства, издевательства и т. п.) или о прекращении негативных действий;

Например, петиция Elizaveta Rets (id1380148), Дальневосточный ФО, «Наказать виновных в расстреле гималайских медведей, проходивших реабилитацию в ФГУ ГООХ «Орлиное» (Приморский край)», (2342 участников кампании; 2014).

Например, петиция Ольги Макманаман (id2221739), Уральский ФО, «Запретите использование грызунов в качестве расходного материала, реквизита для выступлений гастролирующей труппы цирка "Парад-Алле"»

¹ Садкова Е. Change.org объяснил, почему он лучше РОИ // Общественный контроль. 26.04.2017. URL: <https://ok-inform.ru/obshchestvo/90924-change-org-ob-yasnil-pochemu-on-luchshe-roi.html> (дата обращения 28.10.2018).

(ООО ЦТО "Манеж и сцена") и раздачу "живых подарков" зрителям» (38 129 участников кампании; 2014).

- петиции с просьбами о помощи или спасении,

Например, петиция Юлии Уткиной (id3060236), Центральный ФО, «СОС! В Люберецком парке ПОГИБАЕТ медведица МАША! Постройте Маше новый вольер!» (3380 участников кампании; 2015).

Например, петиция Антонины Зенковой (id3706731), Сибирский ФО, «Защитите медведя» (158 536 участников кампании; 2015).

- петиции об изменении законов, актов, регламентов и т. п. в области защиты прав животных,

Например, петиция Ольги Александровны (id2332956), Центральный ФО, «МЫ ПРОТИВ ЭВТАНАЗИИ!!! МЫ ПРОТИВ УСЫПЛЕНИЯ СОБАК В ПРИЮТАХ МОСКВЫ! ПРОТИВ принятия Регламента № 05-14-308/4 от 23.09.2014 г. как антигуманного к животным и предвзятого к волонтерам» (3556 участников кампании; 2014).

Например, петиция Ильи Харламова (id10879298), регион не указан, «Отмена закона о налоге на домашних животных» (1007 участников кампании; 2016).

- просьбы о защите людей от животных.

Например, петиция жителей города Анжеро-Судженска (id6155842), Сибирский ФО, «ПОМОГИТЕ... Избавьте нас от бродячих собак!!!!» (206 участников кампании; 2015).

Животные, нуждающиеся в защите, преимущественно домашние, но также встречаются петиции, посвященные диким животным и животным из цирков или зоопарков.

Например, петиция Анны Адамии (id1374842), Центральный ФО, «Спасите 3000 живых собачьих и 200 кошачьих душ!» (о домашних животных) (1116 участников кампании; 2013).

Например, петиция Ирины Лебедевой (id1358089), Центральный ФО, «Прекратить промышленный лов рыбы сетями в черте города Рыбинск» (о диких животных в привычной зоне обитания) (569 участников кампании; 2013).

Например, петиция Алены Ереметовой (id6914627), Сибирский ФО, «Прекратите издевательство над животными в зоопарке в ТК "На Садовой"» (о диких животных в условиях зоопарка или цирка) (5877 участников кампании; 2016).

Значительная поддержка данных петиций, эмоциональный отклик голосующих и готовность «ответственных лиц» (как правило, представителей местной власти) решать проблемы, обсуждаемые в петици-

ях, свидетельствует о том, что защита прав животных имеет в общественном сознании особый статус, который недостаточно от-refлексирован в рамках научного дискурса и должным образом не использован в русле общественного активизма.

Обсуждение

Защита животных в Великобритании изначально, в XIX веке, строилась на религиозной детерминации и фактически какое-то время выступала как пространство противостояния науки и религии. Детерминанты защиты прав животных в настоящее время в Великобритании и ЕС онтологически скорее всего следуют из предположений Ж. Лакана, Ж. Делеза и Ф. Гваттари о связи отношения общества к животным и содержанием бес-сознательного, что, разумеется, требует проверки и эмпирических данных для научного обоснования.

Более сдержанное отношение к экологическому дискурсу (судя по количеству поданных и исполненных петиций) в сравнении с предпочитаемым дискурсом защиты прав животных в России на «народной платформе» Change.org нуждается в поиске ответа на вопрос о детерминантах данного феномена и о мотивации поддерживающих подобные петиции. Религиозная составляющая убеждений российских стихийных правозащитников животных вызывает сомнения, поскольку христианский дискурс о животных в настоящее время воспроизводится, как и прежде, исключительно в формате классических христианских текстов, что практически не востребовано современниками-россиянами (не-читателями классических христианских текстов).

Возможно, определенный вклад в заинтересованное отношение к животным вносит художественная литература, поскольку значительное количество обязательных для чтения текстов в системе образования (особенно в дошкольных учреждениях и начальной школе) посвящено жизни животных. Художественное эмпатийное описание животных писателями, связанное с пониманием животных как Других, способно включаться в интерпретативные матрицы формирующегося читательского сознания, а далее в более сложной конфигурации становиться строительным материалом идентичности взрослого человека. Тогда, по А. Турену, активность с петициями о правах животных уместно анализировать в контексте социальных конфликтов, связанных с идентичностью.

Также возможна интерпретация, согласно которой подобное заинтересованное отношение к животным у россиян обусловлено «бытовой культурой», которая ранее имела религиозные регуляторы, а в настоящее время детерминирована исключительно бытовой этикой. Отчасти «бытовая этика» оказывается видимой в контексте исследований российской повседневности, однако вне разъяснений специфики российской привязанности к животным. Бытовая этика россиян, возможно, строит отношение к животным по координатам-рудиментам крестьянского (деревенского) хозяйственного уклада, подогнанным под новую реальность городской жизни [14]. Тем не менее, и литературное, и этическое объяснения заинтересованного отношения к животным у современных россиян, согласуются с постмодернистскими идеями о содержании общественного бессознательного. Стремление защитить домашних и диких животных от агрессии человеческого сообщества в этом контексте может быть прочитано как имплицитное и, как правило, неотрефлексированное стремление защитить «маленького», в гоголевском смысле, человека от острых социальных конфликтов, как ощущение собственной небезопасности. Внешнее смирение в сочетании с ощущением невозможности что-либо изменить в собственной жизни сопровождается попытками изменить к лучшему жизнь еще более уязвимого и зависимого от человеческой цивилизации существа.

Заключение

Главный вывод, который напрашивается по итогам анализа электронных петиций о защите прав животных на РОИ и Change.org, заключается в констатации недостаточного использования энергии защитников животных в активистских целях, например, в русле экологического движения. Представляется, что тот, кто сможет канализировать эту энергию, — получит значительную поддержку во время проведения общественных кампаний со стороны «правозащитников животных». Является ли изучаемая активность тех, кто создает и поддерживает электронные петиции, slackтивизмом — не суть важно. Действительно, активность тех, кто ставит подписи в электронной петиции, можно рассматривать как slackтивизм («диванный активизм»), однако создатели петиций используют результаты голосования для изменений в офлайн-реальности (реальной реальности), поэтому, по крайней

мере в отношении успешных электронных петиций, включение slackтивистских практик на каком-либо этапе не бывает преградой в достижении «реального результата».

С точки зрения изучения цифрового политического участия, наиболее значимо определение мотивационных аспектов поддержки электронных петиций в защиту животных у тех, кто за них голосует на цифровых платформах. Проведенное исследование показывает, что за стихийной защитой прав животных стоит весомая политическая сила — не оформленная и пока не осознающая себя как политическую силу. Для более определенного понимания, что же движет россиянами, выступающими в поддержку петиций, защищающих права животных, необходимо кросс-культурное сравнение, сопоставляющее активность и содержательные аспекты петиций, создаваемых в России, с опытом создания петиций в защиту прав животных в других странах.

1. Агамбен А. Открытое / пер. с итал. и нем. Б. М. Скуратова. М.: РГГУ, 2012. 112 с.

2. Балистрери К. Об анималистической литературе // Детские чтения. 2013. Т. 3, № 1. С. 278—285.

3. Берегой Н. Е. Чарльз Дарвин, вивисекция и история викторианской науки // Историко-биологические исследования. 2009. №1 (1). С. 49—65.

4. Бибалаева Л. Н. К вопросу об отношении человека к животным в мировых религиях: буддизме, христианстве, исламе // Ученые записки Казанской государственной академии ветеринарной медицины им. Н. Э. Баумана. 2010. № 202. С. 258—262.

5. Боровик М. А., Михель М. А. Движения по защите животных: история, политика, практика // Журнал исследований социальной политики. 2010. Т. 8, № 2. С. 227—252.

6. Гольбрайх В. Б. Экологический активизм: новые формы политического участия // Глобальные социальные трансформации XX — начала XXI вв. (к 100-летию Русской революции) : материалы науч. конф. «IX Ковалевские чтения» 9—11 ноября. 2017 г. СПб. : Скифия-принт, 2017. С. 315—316.

7. Деррида Ж. Тварь и суверен / пер. с фр. А. Гараджи // Синий диван. 2008. № 12. С. 7—33.

8. Деррида Ж. Тварь и суверен / пер. с фр. А. Гараджи (окончание) // Синий диван. 2010. № 15. С. 9—30.

9. Короткий Т. Р., Зубченко Н. И. Обеспечение благополучия животных и их защита от жестокого обращения: от этических норм к международно-правовому регулированию // Международное право и международные организации. 2014. № 3. С. 355—377.

10. Косых Е. В. Интернет-петиция как метод гражданского сопротивления в современной России // Российская наука и образование сегодня: проблемы и перспективы. 2017. № 2 (15). С. 28—29.

11. Кременцов Н. Л. Человек и животное: к истории поведенческих сопоставлений // Этология и зоопсихология. 2010. № 2. URL: <http://www.rbcu.ru/information/269/17389/> (дата обращения: 28.10.2018).

12. Кропоткин П. Взаимная помощь среди животных и людей как двигатель прогресса. М.: Либроком, 2013. 278 с.

13. Портер Р. Роль животных в русской и других литературах // Slavica Litteraria. 2012. Vol. 1. №15. С. 9—16.

14. Радина Н. К. Город в пространстве и времени. Н. Новгород : Деком, 2015. 344 с.

15. Саратова О. В. Жестокое обращение с животными: постановка проблемы // Вестник Воронежского института МВД России. 2007. № 4. С. 51—54.

16. Семенов К. П. Животные как предмет и средство преступления : дис. ... канд. юрид.наук. СПб. : Санкт-Петербургский ун-т М-ва внутр. дел Рос. Федерации, 2016. 227 с.

17. Текеева Л. К. Домашние Животные в традиционном мировоззрении тюркоязычных народов Северного Кавказа (XIX — начало XX в.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 11. Ч. 1. С. 167—170.

18. Тимофеева О. В. «Мы» и «они»: сообщество после гуманизма // Вопросы философии. 2016. № 6. С. 57—65.

19. Холмская М. Р. Политическое участие как объект исследования // Полис. Политические исследования. 1999. № 5. С. 170—176.

20. Черняк А. З. Экологическое сознание, права животных и справедливость // Гуманитарный вестник МГТУ им. Н. Э. Баумана. 2018. № 4 (66). URL: <http://hmbul.ru/catalog/hum/phil/519.html> (дата обращения: 28.10.2018).

21. Чугунов А. В. Электронные петиции как механизм обратной связи с гражданами: российский контекст 2013—2014 // Стратегические коммуникации в бизнесе и политике. 2015. Т. 1. № 1. С. 99—102.

22. Ares E., Webb D., Ward M., Sutherland N. Debate on an e-petition relating to ending the export of live farm animals after the UK leaves the EU // Number CDP 2018/0042. 20 February. URL: <https://researchbriefings.parliament.uk/ResearchBriefing/Summary/CDP-2018-0042> (дата обращения: 28.10.2018).

23. Morozov E. The NET DELUSION: The Dark Side of Internet Freedom. New York : New York Public Affairs, 2011. 394 pp.

24. Theocharis Y. The Conceptualization of Digitally Networked Participation // Social Media + Society. 2015. July — December. P. 1—14.

25. Van Deth, J. W. A conceptual map of political participation // Acta Politica. 2014. Vol. 49. P. 349—367.

References

1. Agamben A. (2012) *Otkrytoe*. Moscow, Rossijskij gosudarstvennyj gumanitarnyj universitet, 112 p. [in Rus].

2. Balistreri K. (2013) *Detskie chteniya* [Childrens reading], vol. 3, no. 1, pp. 278—285 [in Rus].

3. Beregoj N.E. (2009) *Istoriko-biologicheskie issledovaniya*, no. 1 (1), pp. 49—65 [in Rus].
4. Bibalaeva L.N. (2010) *Uchenye zapiski kazanskoj gosudarstvennoj akademii veterinarnoj mediciny imeni Baumana*, no. 202, pp. 258—262 [in Rus].
5. Borovik M.A., Mihel M.A. (2010) *Zhurnal issledovaniy socialnoj politiki*, vol. 8, no. 2, pp. 227—252 [in Rus].
6. Golbrajkh V.B. (2017) *Ekologicheskij aktivizm novye formy politicheskogo uchastiya // Globalnye socialnye transformacii XX nachala XXI vv. K 100-letiyu russoj revolyucii*. Sankt-Peterburg, Skifiya-print, pp. 315—316 [in Rus].
7. Derrida J. (2008) *Sinij divan*, no. 12, pp. 7—33 [in Rus].
8. Derrida J. (2010) *Sinij divan*, no. 15, pp. 9—30 [in Rus].
9. Korotkij T.R., Zubchenko N.I. (2014) *Mezhdunarodnoe pravo i mezhdunarodnye organizacii*, no. 3, pp. 355—377 [in Rus].
10. Kosyh E.V. (2017) *Rossijskaya nauka i obrazovanie segodnya problemy i perspektivy*, no. 2 (15), pp. 28—29 [in Rus].
11. Kremencov N.L. (2010) *Ehtologiya i zoopsihologiya*, no. 2. Available at: <http://www.rbcu.ru/information/269/17389>, accessed 28.10.2018 [in Rus].
12. Kropotkin P. (2013) *Vzaimnaya pomoshch sredi zhivotnyh i lyudej kak dvigatel progressa*. Moscow, Librokom, 278 p. [in Rus].
13. Porter R. (2012) *Iavica Litteraria*, vol. 1, no. 15, pp. 9—16 [in Rus].
14. Radina N.K. (2015) *Gorod v prostranstve I vremeni*. Nizhnij Nnovgorod, Dekom, 344 p. [in Rus].
15. Saratova O.V. (2007) *Vestnik Voronezhskogo Instituta MVD Rossii*, no. 4, pp. 51—54 [in Rus].
16. Semenov K.P. (2016) *Zhivotnye kak predmet i sredstvo prestupleniya*. Sankt-Peterburg [in Rus].
17. Tekeeva L.K. (2013) *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kulturologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, no. 11, part 1, pp. 167—170 [in Rus].
18. Timofeeva O.V. (2016) *Voprosy filosofii [Questions of philosophy]*, no. 6, pp. 57—65 [in Rus].
19. Holmskaya M.R. (1999) *Polis. Politicheskie issledovaniya*, no. 5, pp. 170—176 [in Rus].
20. Chernyak A.Z. (2018) *Gumanitarnyj vestnik MGTU im Baumana*, no. 4 (66). Available at: <http://hmbul.ru/catalog/hum/phil/519.html>, accessed 28.10.2018 [in Rus].
21. Chugunov A.V. (2015) *Strategicheskie kommunikacii v biznese i politike*, vol. 1, no. 1, pp. 99—102 [in Rus].
22. Ares E., Webb D., Ward M., Sutherland N. (2018) Debate on an e-petition relating to ending the export of live farm animals after the UK leaves the EU. Number CDP 2018/0042, 20 February. Available at: <https://researchbriefings.parliament.uk/ResearchBriefing/Summary/CDP-2018-0042>, accessed 28.10.2018 [in Eng].
23. Morozov E. (2011) *The NET DELUSION: The Dark Side of Internet Freedom*. New York, Public-Affairs [in Eng].
24. Theocharis Y. (2015) *Social Media + Society*, July — December, pp. 1—14 [in Eng].
25. Van Deth, J.W. (2014) *Acta Politica*, vol. 49, pp. 349—367 [in Eng].

For citing: Radina N.K.

Electronic petitions for protecting animals on digital platforms RPI and Change.org // *Socium i vlast'*. 2019. № 1 (75). P. 60—71.

UDC 32.019.5 (659.4)

ELECTRONIC PETITIONS FOR PROTECTING ANIMALS ON DIGITAL PLATFORMS RPI AND CHANGE.ORG

Nadezhda K. Radina,

National Research University
Higher School of Economics",
Professor of the Department of Social Sciences,
Doctor of Political Sciences, Professor.
Russian Federation, 603155, Nizhny Novgorod,
ulitsa Bolshaya Pecherskaya, 25/12.
E-mail: rasv@yandex.ru

Abstract

Introduction. The article presents the results of studying electronic petitions in defense of animal rights. The Russians, who create and sign petitions, find grounds for protecting animals in religious, folklore, literary sources, and in everyday life. This implicit basis of society's attitude towards animals leads to further political activity in their defense. The aim of the paper is to characterize the specifics of petitions of the digital platforms Change.org and RPI (Russian Public Initiative), aimed at protecting the rights of animals.

Methods. The research materials were collected on the digital platforms Change.org (2012—2017) and RPI (2013—2017). Theming of petitions took place on the basis of open coding using the AntConc software. Statistical processing was carried out by means of SPSS Statistics 22 descriptive statistics tools.

Scientific novelty of the study. This article defends the point of view according to which the actions of society in defense of animals can be special markers of the latent politicization of society. The article also discusses for the first time electronic petitions for protecting animal rights, published on digital platforms.

Results. Among the entire array of petitions on RPI, the petitions in support of animal rights account for less than 5 %, on Change.org they reach 10 %. This fact is associated with differences in the audiences of digital resources data and the peculiarities of these platforms functioning. Executed / effective petitions for protecting animal rights are marked only on Change.org. Among all the successful petitions of this platform, 15 % are devoted to defending animal rights. These figures exceed the success of electronic petitions on political and environmental problems, problems of culture and education. The article also provides a classification of petitions for protecting animal rights.

Conclusions. The author of the article supposes that for a more definite understanding of the motivation of Russians who advocate animal rights, a cross-cultural comparison of this activity in Russia and in other countries is necessary.

Key concepts:

electronic petitions,
Change.org,
Russian Public Initiative,
defending animals rights,
digital political participation,
slacktivism.

Для цитирования: Мошкин С. В.
Коррупция в России:
институциональные основания //
Социум и власть. 2019. № 1 (75). С. 72—78.

УДК 321

КОРРУПЦИЯ В РОССИИ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ

Мошкин Сергей Вячеславович,
Институт философии и права УрО РАН,
главный научный сотрудник отдела философии,
доктор политических наук, доцент,
Российская Федерация, 620990, г. Екатеринбург,
ул. Софьи Ковалевской, 16.
E-mail: osa-sv@yandex.ru

Аннотация

В статье показывается, что коррупция является имманентным свойством и атрибутивным признаком политического режима, сложившегося в современной России. Это режим имитационной демократии, в котором декларативные демократические институты, процедуры и практики несут имитационный характер и используются не более, чем камуфляж. Изначально заявленный как демократический, режим сегодня предъявляет претензии на несменяемость верховной власти, огосударствление экономики, подавление политической оппозиции и независимых СМИ, свертывание гражданских прав и свобод, скатываясь в авторитаризм. «Приводным ремнем» авторитарной трансформации в России стала всепроникающая коррупция в сфере публичной власти и связанных с нею контрагентах. Показываются генезис и институциональные основания коррупции в современной России. В собственно политической сфере коррупционные механизмы и практики наиболее наглядно проявились в электоральных процессах, что полностью деформировало избирательный процесс, превращая политические

выборы в их имитацию. В экономике это было связано с приватизацией государственной собственности и созданием подконтрольных властям избранных олигархических групп, которые, в свою очередь, не просто пользовались поддержкой государства, но рассматривали государство как источник дохода. Это усилило и без того существовавший у экономических игроков спрос на «плохие» институты, наличие «серых зон» в государственной экономической политике, непрозрачность распределения бюджетных средств и коррупционные практики. Решающая роль бюрократии при распределении государственных ресурсов привела к формированию рынка теневых административных услуг и к тому, что вся система административного управления оказалась охваченной практикой административного предпринимательства. Неэффективный симбиоз российского крупного бизнеса и верховной власти превратился таким образом в институциональную ловушку: государство не в меньшей степени, чем крупный бизнес, стало заинтересовано в существовании «плохих» институтов и в непрозрачности распределения ресурсов, позволяющих эффективно противостоять появлению любых неподконтрольных властям экономических и политических центров влияния. Делается вывод, что коррупция в современной России приобрела системный характер, она поддерживается и воспроизводится самой правящей элитой, обеспечивая ее несменяемость, а сложившийся политический режим все больше приобретает авторитарные черты.

Ключевые понятия:

публичная власть,
имитационная демократия,
коррупция,
административное предпринимательство,
политические выборы.

При всем многообразии политических режимов современных государств подавляющее большинство из них причисляет себя к режимам демократическим. При отсутствии сколь-нибудь значимых идеологий, выдвигающих модели общественного устройства, альтернативных демократии, демократическая легитимация в современном мире становится единственно возможной легитимацией власти. Вместе с тем было бы наивным упрощением воспринимать демократическими все существующие режимы лишь только потому, что они считают или хотят чтобы их считали таковыми. Ведь даже Сапармурат Ниязов, превративший за пару лет советскую Туркмению в восточную деспотию, строил, как ему казалось демократию. «В основу дальнейшего политического развития гражданского общества в Туркменистане, — говорил он, — закладываются фундаментальные общечеловеческие, демократические ценности современной цивилизации» [7].

Политолог Дмитрий Фурман предложил разделить все страны, так или иначе причисляющие себя к демократии, на две неравновеликие группы. Первая — это «системы реальной демократии, прочно устоявшиеся в наиболее развитых странах», вторая — «системы “управляемой” или “имитационной” демократии, то есть основанные на режимах личной власти президентов, камуфлируемых в правовые и демократические формы» [11, с. 235]. Признаки собственно демократических систем хорошо известны: это регулярная сменяемость властных элит на основе свободных выборов; реализованный принцип разделения властей как по вертикали, так и по горизонтали; самостоятельность и независимость каждой из ветвей власти, включая судебную; наличие политической конкуренции и свободной деятельности политических партий; идеологический и политический плюрализм, обеспечивающий свободу слова и независимость СМИ; неотъемлемые гражданские права и свободы, развитая инфраструктура гражданского общества и гражданский контроль за деятельностью государством, включая силовые структуры, и многое другое. Наличие этих признаков, либо большинства из них, в той или иной стране говорит о существовании в ней режима реальной демократии или о стремлении к таковому. В этом смысле суть режимов имитационных демократий в том, что все вышеперечисленные признаки в них выхолащены, превращены в пустую формальность и, несмотря на то что закреплены законодательно, в повседневных по-

литических практиках играют роль камуфляжа. Демократический декор в них — не более чем выгодный способ легитимации недемократической в своей основе власти.

Несмотря на все разговоры об общем упадке демократии в мире, в цивилизационном измерении демократическому проекту альтернативы пока нет, и если исключить реликтовые абсолютистские монархии, неустойчивые военные диктатуры и режимы «военного коммунизма», аналогичные северокорейскому, можно говорить, что все современные политические режимы стремятся иметь репутацию демократических, даже если таковыми не являются, и Россия здесь не исключение. У нас демократическая по форме конституция, принятая в момент тяжелейшего общенационального политического кризиса, так и осталась сводом благих пожеланий, конституцией «на вырост» и достаточно быстро, в течение одного президентского электорального цикла, проявила свой декоративный характер.

Оговоримся сразу, определений политического режима, сложившегося в России, достаточно много. Такая система у различных авторов может обозначаться, как «управляемая демократия» [2, с. 25], «имитационная демократия» [10, с. 168], «гибридный режим» [12], «неоавторитаризм» [6, с. 172] или просто, как «постсоветский авторитаризм» [5, с. 92], однако большинство наблюдателей выделяют несколько общих особенностей ее существования. Это — претензия на незыблемость верховной власти, подавление экономической конкуренции и огосударствление крупного бизнеса, замораживание партийной системы и вытеснение с политической арены независимых игроков, подавление гражданской активности, свертывание парламентаризма, информационного плюрализма, ограничение деятельности неправительственных организаций и минимизация общественного контроля за деятельностью властей. Здесь высшая власть пытается конструировать общество таким образом, чтобы параметры его организации были выгодны самой власти, ее самосохранению и воспроизводству. Несменяемость и безальтернативность правящей группы возводятся в принцип государственного строительства и ведут к административному произволу. Верховная власть сама решает, что выгодно и невыгодно, что законно и незаконно для ее самосохранения и поступает в соответствии со своим главным интересом — остаться у власти любой ценой, сохраняя при этом демократические нормы приличия.

Имманентным свойством такой системы становится коррупция. По сути, любой режим имитационной демократии является воплощением коррупции, поскольку основывается на неправовом характере удержания власти, манипулировании общественным сознанием и фальсификации народного волеизъявления. Российский вариант не исключение, однако имеет свои особенности, связанные с генезисом системы.

Дело в том, что политическая группа во главе с Борисом Ельциным, пришедшая к власти на волне антикоммунизма и провозгласившая проведение в стране демократических реформ, с первых же дней своего правления была вынуждена поставить в неравноправные условия всех политических и экономических субъектов, способных оказать влияние на положение в стране, руководствуясь критерием их лояльности правящей группе. Что было вполне объяснимым в той «революционной ситуации». Новая власть просто не могла допустить, чтобы в руках ее политических соперников, так называемой партийно-коммунистической номенклатуры и «красных директоров», оставались солидные хозяйственные активы, способные стать экономической базой оппозиции и возможного появления альтернативного властям массового политического движения. А потому достаточно быстро начала формировать в экономике опору своего режима, в буквальном смысле создавая с нуля свою собственную олигархию в процессе приватизации. Олигархи не просто пользовались поддержкой власти, они получили из ее рук огромные состояния, став естественными союзниками и опорой младо-демократического режима.

Однако права собственности новоявленных нуворишей были «дважды нелегитимными»: во-первых, с точки зрения большинства населения, оценившего приватизацию как несправедливую, а то и просто жульническую, во-вторых, весьма сомнительными с точки зрения действующего законодательства из-за многочисленных нарушений в процессе приватизации. Заведомо лукавый характер приобретения прав собственности стал мощным инструментом в руках власти, и мог быть использован ею в качестве «отложенного штрафа» для наказания любого бизнесмена, преуспевшего в ходе приватизации. Наказывали, как правило, нелояльных, лояльных же поощряли дополнительно. Сложился своеобразный клановый капитализм, позволявший власти эффективно противостоять появлению любых неподконтрольных экономических центров

влияния и их непредсказуемых политических действий.

Государственная поддержка стала самой основой существования молодого российского бизнеса, бизнес же, в свою очередь, при принятии тех или иных экономических решений был заинтересован прежде получить одобрение со стороны государства, а чтобы минимизировать свои финансовые риски из-за возможных просчетов в политической сфере, предпочел просто беспрекословно следовать воле правящей группы. Дополнительным обстоятельством стало то, что взаимодействие власти и бизнеса строилось на неинституционализированной основе — поддержки государства добивались лишь отдельные корпорации, соответственно и привилегиями пользовался весьма ограниченный круг игроков, заинтересованный в сохранении своего привилегированного положения, консервации сложившихся непрозрачных взаимоотношений с властью и в отказе от дальнейшей демократизации правящего режима. Ведь демократизация предполагает прозрачность, обнародования особых отношений государства с привилегированным кругом экономических игроков, а это бы создавала угрозу для избранных бизнес-групп.

Встав перед мысленной альтернативой: ориентироваться на рыночное преумножение своих доходов или использовать связи с государством как источник преимуществ, российские бизнес-структуры выбрали последнее. Это было продиктовано исключительно рациональным выбором просто потому, что обращение за поддержкой к государству было более выгодным. И такая бизнес-стратегия вскоре восторжествовала не только на общенациональном уровне, но и на уровне местных администраций. В результате в российской экономике сложилась квазирыночная система, характерной чертой которой стало преобладание бизнес-структур, ориентированных на особые привилегированные отношения с госаппаратом и рассматривающих государство как источник дохода. Это усилило и без того существовавший у экономических игроков спрос на «плохие» институты, наличие «серых зон» в государственной экономической политике, непрозрачность распределения бюджетных средств и коррупционные практики. Клановый капитализм нуждается в «теневой политике», которая, в свою очередь, порождает «теневую экономику».

Конечно, годы спустя после начала рыночных реформ российский крупный бизнес мог бы предъявить государству спрос

на «хорошие» институты. Ведь он, казалось бы, более других заинтересован в подлинной неприкосновенности частной собственности, в реальной защите от неправовых судебных решений в случае хозяйственных споров, от вымогательства чиновников и рейдерских захватов конкурентов. Однако расчетливый выбор преумножать доходы за счет паразитирования и эксплуатации ресурсов, подконтрольных государству, заставляет его все больше смыкаться с государством и с осторожностью относиться ко всякого рода изменениям, способным нарушить пуск и неэффективное с рыночной точки зрения, но весьма доходное с позиции клановой экономики сотрудничество.

Неэффективный симбиоз российско-го крупного бизнеса и верховной власти превратился таким образом в институциональную ловушку, построенную на встречаемых осознанных интересах бизнес— и политических игроков. Ведь государство не в меньшей степени, чем крупный бизнес, заинтересовано в существовании «плохих» институтов и в непрозрачности распределения ресурсов. По меткому замечанию Вадима Радаева, «непреодолимые для бизнеса административные барьеры часто являются не случайностью, а осознанным стремлением бюрократии обеспечить зависимость от нее бизнес-структур» [9, с. 139]. Здесь политика правящей группы на удержание власти и подавление альтернативных центров влияния соседствует с политикой извлечения, в буквальном смысле, доходов из своего правящего положения. Речь идет о коррупции, для которой клановая экономика, естественно, подходит в большей степени, нежели правовая рыночная экономика. Клановый капитализм открывает для бюрократии практически неограниченные возможности для принятия решений в пользу нужных экономических субъектов, игнорируя остальных. Это, конечно, не означает, что страны с демократическими режимами полностью свободны от коррупции. Без должного общественного контроля и внимания со стороны независимых СМИ она там может чувствовать себя вполне уютно. Скажем так: при демократии коррупция может быть, но при имитационной демократии она будет обязательно, поскольку имманентно присуща ей.

Если в начале 1990-х отдельные чиновники удовлетворялись по преимуществу примитивным «крышеванием» бизнес-структур, то сегодня, используя административные рычаги в распределении ресурсов, они стали стремиться к тому, чтобы через различные подставные лица самим стать

хозяевами бизнеса. Более того, многие чиновники на вполне законных основаниях заняли руководящие посты в огосударствленных бизнес-структурах или получили крупные пакеты акций. Назначение на ответственные посты в госаппарате на возмездной основе стало банальностью. Вся система государственного управления сверху донизу оказалось разъединенной «повсеместной практикой административного предпринимательства, то есть коммерческого использования государственной собственности с частным присвоением получаемой прибыли» [1, с. 82]. Изменилось и само качество коррупции: незатейливое мздоимство тех или иных чиновников уступило место хорошо организованной системе полуправового участия чиновничества в предпринимательской деятельности. Бюрократия достаточно быстро научилась извлекать прибыль из своего статуса, сформировала нелегальную инфраструктуру административного предпринимательства и сам рынок административных услуг, адаптируя рыночные отношения к своим интересам извлечения административной ренты и, как следствие, сама стала активным участником коммерческих отношений. Государство в целом начинает благожелательно относиться к коррупции, время от времени избирательно применяя правосудие к нелюбимым режиму бизнес-структурам.

Коррупция неизбежно проникла и в политическую сферу, ведь современная власть в России, опасаясь коммунистического реванша, с самого первого дня своего конституирования стремилась закрепить собственную безальтернативность, чтобы население на обещанных свободных выборах всегда избирало бы господствующую группу. Как этого добиться в условиях провозглашенных демократических норм и процедур? — для этого надо установить полный контроль над политическими выборами, не оставляя оппонентам никаких шансов. Имитационная демократия не может существовать на основании писаного закона и в соответствии с формальными нормами права. Добиться неменяемости власти можно, лишь превратно толкуя эти нормы, придумывая новые, непреодолимые для соперников, действовать на грани или вообще за пределами закона. Александр Коржаков, бывший руководитель службы безопасности Президента РФ, в своих воспоминаниях приводит предвыборный кремлевский документ «Общие принципы работы с оппонентами», утвержденный Б. Н. Ельциным и не предназначенный, естественно, для широкой огласки. В нем

читаем по пунктам: «4.2. «Отсечение» оппонентов от источников финансирования и информационных каналов... 4.4. Реализация специальных мероприятий по противопоставлению претендента его союзникам...» и т. п. [3, с. 435]. Административное давление и шантаж политических конкурентов, сбор компромата на них, создание условий для неравной конкуренции в ходе политической агитации — традиционный набор квазидемократических выборов. «Электоральная коррупция, — отмечает Юлий Нисневич, — нарастает от одного избирательного цикла к другому, что в итоге полностью деформирует избирательный процесс, превращая его в имитацию выборов» [4, с. 66]. Постоянное нарушение закона ради удержания власти здесь выявляет саму суть системы имитационной демократии, поскольку в условиях существования заявленных демократических институтов обеспечить несменяемость власти можно лишь только незаконным путем, раз от раза все более выхолащивая из политических выборов их демократический дух при сохранении формальных декоративно-демократических процедур.

Но такая ситуация вскрывает весьма любопытную уязвимость верховной власти от всей системы государственного управления. При всем, казалось бы, внешнем могуществе президент, претендуя на несменяемость, оказывается в ситуации многофакторных зависимостей от инстанций и служб, сохраняющих его безальтернативность: он попадает в зависимость от руководителей регионов, которые обеспечивают ему победу в день выборов в своих территориях; в зависимость от избирательных комиссий, которые в случае чего должны все «правильно» посчитать; от правоохранительных органов и судей, которые должны пресекать активности политических конкурентов и выносить «правильные» приговоры; от СМИ, которые могут «не правильно» освещать события; от олигархов, которые, не дай бог, начнут финансировать оппозицию; от национальной гвардии и армии, которые в критический момент могут отказаться выполнять приказ. Чтобы избежать подобных неприятностей, он вынужден подкупать сторонников своей власти, не препятствовать коррупции, а заинтересовывать их материально.

И если в самом начале демократический режим в России боролся с реальными опасностями и угрозами, могущими стать для него летальными, то в последующий, путинский период, когда режим существенно окреп, обеспечение безальтернативности верховной власти предполагает

последовательное устранение не столько реальных, сколько потенциальных угроз, которые еще только могут превратиться в непосредственные. Развитие системы идет по пути тотальной безальтернативности: от «безальтернативного» президента к «безальтернативному» (то есть определяемому самой президентской властью) парламенту, «безальтернативным» губернаторам и даже — к «безальтернативным» участникам политических ток-шоу на государственных телеканалах. Параллельно раскручивается маховик коррупции, поскольку усиление контроля над обществом требует все большего «прикорма» для госаппарата. Во всей системе властной вертикали начинает действовать негласное правило «каждый нижестоящий начальник имеет право воровать взамен на лояльность вышестоящему начальнику». Коррупция становится системной и всепроникающей. Даже президент растерянно посетовал, что коррупция приобрела неуправляемый характер. «Мы в отношении одной структуры, — сказал Владимир Путин на пресс-конференции в ноябре 2017 года, — провели оперативно-следственные действия, возбудили уголовные дела, передали в суд. Все находится в местах лишения свободы, все из всего подразделения. Полгода назад набрали новых сотрудников, и все началось сначала» [8]. В ситуации, когда верховная власть сталкивается с серьезными скрытыми ограничителями своей политики, связанные с дефицитом легитимности и стремлением к несменяемости собственной власти, предоставление «индульгенции на коррупцию» всему государственному аппарату и дружественным бизнес-структурам является едва ли не единственной рациональной стратегией выживания режима.

Таким образом, режим имитационной демократии всегда будет имманентно коррупционным и потенциально авторитарным. В нем даже борьба с коррупцией превращается в имитацию борьбы. Это происходит по той причине, что объективно такой режим нацелен прежде всего на самосохранение, а правящая группа, пришедшая к власти под флагом демократии, использует свои государственно-политические полномочия для укрепления своих позиций в обществе и ориентирована на несменяемость. Это резко сокращает возможности любых общественных изменений, ведет к их консервации и замораживанию, даже тогда, когда необходимость изменений отчасти осознается самой правящей группой. При этом сохранение муляжа

демократических институтов и процедур, выставяемых правящим режимом в качестве демократического декора внешнему миру может продолжаться достаточно долго.

М. Липман и А. Рябова. М. : Изд-во Р. Элинина, 2007. С. 234—272.

12. Шевцова Л. Россия — год 2006: логика политического страха // Независимая газета. 2005. 13 дек.

References

1. Афанасьев М. Н. Невыносимая слабость государства. М. : РОССПЭН, 2006. 272 с.

2. Гудков Л., Дубин Б. Посттоталитарный синдром: «управляемая демократия» и апатия масс // Пути российского посткоммунизма : очерки / под ред. М. Липман и А. Рябова. М. : Изд-во Р. Элинина, 2007. С. 8—63.

3. Коржаков А. В. Борис Ельцин: от рассвета до заката. М. : Интербук, 1997. 480 с.

4. Нисневич Ю. А. Коррупция: инструментальная концептуализация // Социологические исследования. 2016. № 5. С. 61—68.

5. Нисневич Ю. А., Рябов А. В. Постсоветский авторитаризм // Общественные науки и современность. 2017. № 4. С. 84—97.

6. Нисневич Ю. А., Рябов А. В. Современный авторитаризм и политическая идеология // Полис. Политические исследования. 2016. № 4. С. 162—181.

7. Ниязов С. Каждый вправе выбирать свой путь // Независимая газета. 2001. 15 февр.

8. Путин передал Бортникову документы о коррупции в правоохранительных органах // Сайт «РИА Новости». URL: <https://ria.ru/politics/20171214/1510909901.html> (дата обращения: 13.10.2018).

9. Радаев В. В. Социология рынков: к формированию нового направления. М. : ГУ ВШЭ, 2003. 328 с.

10. Фурман Д. Е. Движение по спирали. Политическая система России в ряду других систем. М. : Весь мир, 2010. 168 с.

11. Фурман Д. Е. Общее и особенное в политическом развитии постсоветских государств // Пути российского посткоммунизма : очерки / под ред.

1. Afanasyev M.N. (2006) *The Unbearable Weakness of the State*. Moscow, ROSSPEN, 272 p. [in Rus].

2. Gudkov L., Dubin B. (2007) *The Post-totalitarian Syndrome: 'Controlled Democracy' and Apathy of the Masses // Ways of the Post-Communist Russia: Essays*. Moscow, R. Elinin Publishers, pp. 8—63 [in Rus].

3. Korzhakov A.V. (1997) *Boris Yeltsin: From Dawn till Dusk*. Moscow, Interbook, 480 p. [in Rus].

4. Nisnevich Yu.A. (2016) *Sociological Studies*, no. 5, pp. 61—68 [in Rus].

5. Nisnevich Yu.A., Ryabov A.V. (2017) *Social Sciences and Modern Times*, no. 4, pp. 84—97 [in Rus].

6. Nisnevich Yu.A., Ryabov A.V. (2016) *Polis. Political Studies*, no. 4, pp. 162—181 [in Rus].

7. Niyazov S. (2001) *Nezavisimaya Gazeta*, February 15 [in Rus].

8. Putin Has Passed to Bortnikov Some Documents Related to Corruption in the Law Enforcement Authorities // The web-site of RIA Novosti News Agency. Available at: <https://ria.ru/politics/20171214/1510909901.html>, accessed 13.10.2018 [in Rus].

9. Radayev V.V. (2003) *Market Sociology: on Formation of a New Direction*. Moscow, GU VSHE, 328 p. [in Rus].

10. Furman D.E. (2010) *Helical Motion. Political System of Russia among Other Systems*. Moscow, Ves Mir Publishers, 168 p. [in Rus].

11. Furman D.E. (2007) *General and Special Aspects of Political Development in the Post-Soviet States // Ways of the Post-Communist Russia: Essays*. Moscow, R. Elinin Publishers, pp. 234—272 [in Rus].

12. Shevtsova L. (2005) *Nezavisimaya Gazeta*, December 13 [in Rus].

For citing: Moshkin S.V.
Corruption in Russia: institutional foundations // *Socium i vlast'*. 2019. № 1 (75). P. 72—78.

UDC 321

CORRUPTION IN RUSSIA: INSTITUTIONAL FOUNDATIONS

Sergey V. Moshkin,

Docor of Political Sciences, Associate Professor,
Chief Research Fellow of the Department
of Philosophy, Institute of Philosophy and Law,
Ural branch of the Russian Academy of Sciences,
Russian Federation, 620990, Yekaterinburg,
ulitsa Sofji Kovakevskoj, 16.
E-mail: osa-sv@yandex.ru

Abstract

The article shows that corruption is an immanent property and an attribute characteristic of the political regime prevailing in modern Russia. This is the regime of simulated democracy, in which declarative democratic institutions, procedures and practices are imitative in nature and are used no more than camouflage. Initially declared as democratic, the regime today lays claims to the irremovability of the supreme power, the nationalization of the economy, the suppression of political opposition and independent media, the deescalation of civil rights and freedoms, slipping into authoritarianism. The “driving belt” of authoritarian transformation in Russia has become the all-pervasive corruption in the sphere of public authority and its counterparties. The work shows the genesis and institutional bases of corruption in modern Russia. In the political sphere proper, corruption mechanisms and practices were most clearly manifested in electoral processes, which completely deformed

the electoral process, turning political elections into their imitation. In the economy, this was due to the privatization of state property and the creation of state-controlled selected oligarchic groups, which, in their turn, did not simply enjoy the support of the state, but viewed the state as a source of income. This strengthened the already existing economic players' demand for “bad” institutions, the presence of “gray zones” in state economic policy, the lack of transparency in the allocation of budget funds and corrupt practices. The decisive role of the bureaucracy in the allocation of public resources has led to the formation of a market of shadow administrative services and to the fact that the entire system of administrative management has become covered by the practice of administrative business. The ineffective symbiosis of Russian big business and the sovereign power thus has turned into an institutional trap: the state, no less than big business, has become interested in the existence of “bad” institutions and in the non-transparency of distributing resources that make it possible to effectively stand against any economic and political centers that are beyond the control of the authorities. It is concluded that corruption in modern Russia has acquired a systemic character, it is supported and reproduced by the ruling elite itself, ensuring its irremovability, and the current political regime is increasingly acquiring authoritarian features.

Key concepts:
public authority,
simulated democracy,
corruption,
administrative business,
political elections.

Для цитирования: Беляев А. В. Причины, способы, средства использования социально-административного моббинга // Социум и власть. 2019. № 1 (75). С. 79—90.

УДК 304.9

ПРИЧИНЫ, СПОСОБЫ, СРЕДСТВА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО- АДМИНИСТРАТИВНОГО МОББИНГА

Беляев Александр Васильевич,

Северо-Кавказский федеральный университет,
профессор кафедры педагогики и психологии
профессионального образования,
доктор педагогических наук, профессор,
Российская Федерация, 355009, г. Ставрополь,
ул. Пушкина, д.1.
E-mail: andis-1@yandex.ru

Аннотация

Введение. В социальной психологии моббинг как средство насилия, травли, преследования с целью подавления человека рассматривается преимущественно в малых группах — в трудовых коллективах, в образовательных организациях, в семье. Однако в последние годы явление это приобретает распространение в иных социальных объединениях — мезогруппах и больших группах, когда моббинг используют региональная и муниципальная власти для организации мести своим оппонентам.

Цель. Определить сущность, объяснить признаки, мотивы, способы и средства социально-административного преследования, ограничения конституционных прав граждан.

Методы. Феноменологический анализ, сущностный и системный анализ, контент-анализ

публикаций, обобщение независимых характеристик, наблюдение, нестандартизированное интервью, беседа.

Научная новизна. Предложен новый аспект исследования проблемы моббинга. Охарактеризованы мотивы, способы и средства преследования региональной и муниципальной властью граждан, ограничения их конституционных прав. Рассмотрены факторы, способствующие росту агрессии, административного террора в условиях социальных трансформаций, отсутствия диктатуры закона, слабости гражданского контроля.

Результаты. На основе феноменологического подхода описана технология социально-административного моббинга, выявлены его негативные последствия, подрывающие стабильность общества, наносящие вред здоровью граждан, выработаны рекомендации для сопротивления морально-психологическому насилию.

Выводы. Социально-административный моббинг необходимо юридически квалифицировать как форму терроризма, обладающего высокой степенью общественной опасности. Одним из способов борьбы с моббингом является сопротивление граждан, использование средств массовой коммуникации для разоблачения инициаторов и исполнителей противоправных действий. Необходима разработка специальных законодательных мер, направленных на воспрепятствование административного преследования граждан, ограничения их конституционных прав и свобод.

Ключевые понятия:

гражданские права и свободы,
месть,
насилие,
стресс,
психическое здоровье.

Введение

Важнейшими задачами региональной власти являются обеспечение экономического развития региона, повышение уровня жизни населения, обеспечение социальной стабильности. Руководитель любого ранга может стать успешным лишь в том случае, когда он способен создавать условия для максимально полной реализации человеческого потенциала своих подчинённых, обладает компетенциями для объединения коллектива, направления его усилий на достижение поставленных целей, умеет находить и применять действенные способы, средства для преодоления барьеров, разрешения противоречий.

Особенно это становится актуальным во время обострения конкуренции, борьбы за власть, ресурсы — в условиях тех обстоятельств, которые называются современными вызовами. Одной из трудностей, возникающих в работе государственного служащего, политика, является недостаточное владение способами конструктивного разрешения конфликтов, обеспечения баланса интересов различных социальных групп. По этой причине в случаях обострения противоречий у должностного лица возникает желание, используя административный ресурс, силой подавить своих оппонентов, избавиться от неугодных. Неугодными для государственного служащего, руководителя отдельного гражданина становятся потому, что он считает (*с точки зрения его личных интересов*) их поведение отклоняющимся от неформальных норм и правил, принятых в организации. Поэтому он готов силой подавить тех, кто, по его мнению, ведёт себя «неправильно». Причём для травли используются средства, формально не противоречащие закону. Применение чиновником (чаще организованной группой лиц), иницирующим прессинг, *внешне вполне «легальных» методов (внеплановые проверки, «жесткая критика», «выступления трудящихся», социальная изоляция и т. п.) приводит к тому, что «диагностировать» это явление крайне трудно.* Такой способ разрешения конфликта в социальной психологии называется моббингом.

Термин «моббинг» (англ. mob — толпа, травить толпой) обозначает наиболее разрушительную форму проявления социальных противоречий. Чем ниже у руководителя уровень общей и профессиональной культуры, тем более он подвержен стремлению к использованию административных мер в преодолении конфликта, к использо-

ванию моббинга. Необходимость в организации травли (изгнания врага или соперника с территории) возникает, как правило, тех случаях, когда не удаётся найти веские основания для официального увольнения неугодного сотрудника.

Проблема моббинга является частью теории конфликта (К. Томас, 1976). Значительный вклад в разработку теоретических оснований исследования моббинга как формы организационного конфликта внесли зарубежные учёные: К. Лоренц, Х. Лейман, Н. Дэвэнпорт, А. Ваниорек, Л. Ваниорек, К. Криста., Р. Шварц, Г. Эллиотт. Установлено, что в ходе совместной деятельности (в трудовых коллективах, в семье) неизбежно возникновение организационных, межличностных конфликтов (К. Боулдинг, Ю. Галтунг, Р. Дарендорф, Л. Козер, Р. Коллинз, К. Бейкер). Для характеристики моббинг-действий используется эмоционально окрашенная лексика: «злорадная враждебность», «гнусная атака» (Винн, 1972). К «злорадной враждебности» относятся нанесение вреда здоровью, бытовое вредительство, клевета, доносы.

В исследованиях моббинг-процессов российскими учёными возможно выделение ряда направлений, аспектов.

Проблема моббинга как часть теории конфликта отражена в работах А. В. Скавитина, А. К. Зайцева, Т. Ю. Базарова, И. В. Гулиса, О. В. Поликановой, М. Н. Вражновой. Моббинг как вид морально-психологического терроризма рассматривают Я. И. Гилинский, А. В. Соловьёв, С. Н. Ениколопов. Акцент на технологии организации травли в профессиональной сфере сделан в исследованиях С. А. Дружилова, Ф. А. Игебаевой, Г. Ф. Терещенко.

В большинстве случаев, констатируют авторы вышеназванных работ, инициаторами моббинга становятся должностные лица: представители власти, руководители организации. Руководство либо активно участвует в процессе травли, являясь его организатором, либо сознательно не препятствует травле сотрудника со стороны других членов коллектива. При этом обращается внимание, что наиболее часто моббинг встречается в образовательных организациях [8].

Особенности моббинг-процессов как социального явления стали предметом изучения Н. Л. Ивановой, А. К. Зайцева, В. А. Чикер, Л. Г. Почебут. Рассматривая проблему в социальном аспекте, авторы приходят к выводу, что целью моббинга является социальная дискриминация объекта травли:

ослабление её социального статуса, социальная изоляция, подрыв репутации, личного достоинства.

Ряд статей посвящён нравственным аспектам, гендерным различиям в моббинг-поведении, направленном на принесение объекту травли морально-психологического вреда (Г. А. Алтухова, И. С. Клёцина, А. В. Скавитин).

«Гнусная атака» агрессоров, отмечают авторы, далеко не всегда может иметь явный противоправный характер, однако моббинг-действия, применяемые в течение длительного времени, наносят значительный вред здоровью, морально-психологическому самочувствию жертвы, ведут к истощению человеческого ресурса личности, к её профессиональному выгоранию в неравном противоборстве. Исследования позволили выявить зависимость характера проявления агрессии от гендерных различий: женщины чаще, в отличие от мужчин, прибегают к моббинг-действиям; предпочитают использовать приёмы и средства не прямой, а скрытой агрессии [17].

В завершении обзора направлений изучения проблемы отметим, что в настоящее время в российской действительности сформировался новый вид моббинга: травля представителями региональной и местной власти граждан, занимающих активную гражданскую позицию и выражающих несогласие с проводимой региональной политикой. Несмотря на то, что властный моббинг в российских регионах применяется весьма широко и в течение долгого времени, этот аспект проблемы по существу оказался за пределами внимания исследователей.

Причины игнорирования данного феномена можно объяснить, во-первых, сложностью доступа к сбору и накоплению тщательно скрываемых представителями власти фактов, что значительно затрудняет создание эмпирической базы для проведения исследований, во-вторых, опасением исследователей за возможные негативные последствия за вторжение в эту сложную область и нежелательную для власти огласку противоправных действий. Как говорится, умудрённый опытом человек никогда не станет смеяться над властью, зная, что у власти юмора больше. Однако в настоящее время негативных фактов властного терроризма накопилось настолько много, что не замечать данный аспект проблемы становится уже невозможно. Для названия этого явления мы считаем целесообразным введение нового термина: «социально-административный моббинг», или «властный моббинг».

Цель статьи — *на основе феноменологического подхода рассмотреть сущность, мотивы, способы и средства проявления социально-административного преследования граждан, ограничения их конституционных прав*. Социально-административный моббинг как предмет исследования — явление относительно новое в психологии, общественных науках. Поэтому одной из первоочередных задач является задача подробного и непредвзятого описания этого феномена, выявления сущностных признаков, объяснения причинно-следственных связей, приведения к ясности скрытых инструментов достижения «гнусных» результатов. Также важна задача поиска мер противодействия морально-психологическому террору, ослабления его негативных последствий. *Например, принятие правовых мер в качестве заслона против нарушения органами власти прав и свобод граждан, нанесения им морально-психологического и физического вреда.*

Методы и материалы

Достижение поставленных целей может быть обеспечено, по нашему мнению, средствами феноменологического метода (подхода). Феноменологический подход предполагает допущение ряда условий, применение определённых действий, приёмов: феноменологической редукции (допущение вероятности: «в это трудно поверить, но это, к сожалению, правда»), феноменологического интуирования («раскрой свои глаза», «смотри и слушай», «зри в корень», «будь открыт новому опыту»), феноменологическое описание, феноменологический анализ (соотнесение различных признаков для установления инвариантной смысловой структуры феномена). Феноменологический подход ориентирует исследование властного моббинга как социального явления. Методы сущностного и системного анализа направлены на объяснение сущностных признаков моббинг-процессов, на выявление их порождающих причин, характеристику установок, мотивов моббинг-действий, их зависимость от ценностных ориентаций, на поиск оснований, определяющих социальные конфликты [20].

Для получения новых знаний о моббинг-процессах применялся ряд эмпирических методов (анализ документов, контент-анализ публикаций, наблюдение, обобщение независимых характеристик, интервью, беседа). Эмпирической базой исследования послужили публикации в средствах массовой информации, результаты, полученные

в ходе бесед, интервью, личный опыт общения с участниками моббинг-процессов.

Таким образом, в данной работе использовались традиционные методы и процедуры сбора и осмысления фактов.

Результаты

Первоначально моббинг — это специально организованные действия по ограничению прав работника, его изоляция в коллективе, причинение ему морально-психологического вреда [19]. Моббинг — это технология организации травли, нанесения морально-психологического вреда, целенаправленного вынуждения работника к увольнению [6; 18]. Объект травли подвергается постоянному давлению со стороны руководства и коллег: мелочным придиркам, выражению сомнений в профессиональной компетентности, демонстрации неприязни, изоляции в коллективе, созданию препятствий в выполнении профессиональных обязанностей [15; 21].

Мотивы травли, инициированной должностными лицами, главным образом связаны с профессиональной деструкцией руководителя, что неизбежно приводит к снижению эффективности региональной политики, работы организации [13].

Одна из целей ответственных за организацию моббинга должностных лиц — сохранение авторитета, стремление к доминированию, к тотальному контролю не только профессиональной деятельности, но и внеслужебной жизни сотрудников [17].

Есть и социальные предпосылки возникновения травли. Среди основных факторов исследователи выделяют реакцию на несправедливость, неудовлетворительный психологический климат, низкий уровень коммуникативной культуры [6].

В новых условиях российской жизни можно говорить о феномене социально-административного моббинга (англ. «mobbing» — притеснять и преследовать кого-либо), когда административные и правоохранительные органы, используя властные полномочия, осуществляют морально-психологическое насилие над гражданами.

По этим причинам необходимо, с нашей точки зрения, введение нового понятия «социально-административный моббинг». Социально-административный моббинг — это использование должностными лицами административного ресурса для организации травли (психологического насилия), преследования граждан с целью ограничения их конституционных прав, нанесения им

морального и физического вреда. В науке такие действия определяются как морально-психологический террор, сущность которого заключается в «злонамеренной враждебности», в провокационных действиях против личности [7].

Психологическое насилие, или психологическая агрессия, отмечают специалисты, — это создание ситуаций, вызывающих состояние стресса (запугивание, угрозы), с целью подавления воли, способности к сопротивлению, к защите прав, интересов [12].

Социально-административный моббинг, таким образом, по существу является морально-психологическим видом терроризма — насилия представителей властных органов, направленного против населения. В отличие от других стран, для России характерен вертикальный (административный) моббинг [16].

Основные отличия социально-административного моббинга от моббинга, осуществляемого, например, в трудовых коллективах, заключаются в целях, в масштабах территории, в привлечении в качестве агрессоров представителей самых широких социальных слоёв (от представителей власти до соседей по месту проживания). Если в трудовых коллективах цель моббинга — вывести объект травли из равновесия, склонить к добровольному увольнению [19], то цель социально-административного моббинга заключается в социальной дискредитации жертвы — уничтожении её репутации, в исключении из социальных связей и лишении социального статуса, *лишении доступа к властным ресурсам* или её изгнании (склонению к переезду в другой регион).

В последнем случае враждебной для жертвы становится среда в масштабах всего региона, а в некоторых случаях — и за его пределами. Региональная и муниципальная власть для организации мести своим оппонентам привлекает все имеющиеся в её распоряжении административные ресурсы, правоохранительные, следственные и надзорные органы, формирования МЧС, самые разные группы населения, в том числе работников здравоохранения, образовательных организаций, детей, учащуюся молодёжь. Осуществляемые по приказу власти моббинг-действия имеют не только аморальный, но и противоправный характер: связаны с нарушением закона, ограничением конституционных прав и свобод граждан, являясь по существу видом государственного терроризма.

В правовом государстве все равны перед законом, существует реальность закрепленных в Конституции прав и свобод личности¹. Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность (ст. 22). Каждый имеет право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени. Каждый имеет право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений (ст. 23). Жилище неприкосновенно. Никто не вправе проникать в жилище против воли проживающих в нем лиц иначе как в случаях, установленных федеральным законом или на основании судебного решения (ст. 25). Никто не может быть принужден к выражению своих мнений и убеждений или отказу от них; каждый имеет право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом (ст. 29). На страже названных прав и свобод должны стоять государство, гражданское общество, не только правозащитные организации, но и правоохранительные органы. Однако именно эти права и свободы ущемляются властью наиболее часто.

Например, в Докладе «О состоянии соблюдения прав и свобод граждан на территории Ставропольского края в 2017 году» Уполномоченного по правам человека в Ставропольском крае говорится о 3218 письменных и устных обращениях граждан, свидетельствующих о нарушениях их прав². Из них письменных обращений — 1101. Анализ жалоб о нарушении прав, приведенных в письменных обращениях, по субъекту правового регулирования выглядит следующим образом:

О нарушении прав территориальными структурами федеральных органов власти и управления и их должностными лицами — 806 (73 %);

О нарушении прав краевыми органами власти и управления и их должностными лицами — 54 (5 %);

О нарушении прав органами местного самоуправления и их должностными лицами — 117 (11 %);

Иные организации: 124 (11 %)

В правовом государстве, как уже было сказано, все равны перед законом, поэтому всё прозрачно: работа и жизнь представителей власти у всех на виду. В небольшой Дании,

¹ Конституция РФ. URL: <https://vladrieltor.ru/constitution> (дата обращения: 09.12.2018).

² Доклад «О состоянии соблюдения прав и свобод граждан на территории Ставропольского края в 2017 году». URL: [Stavropol-ombudsman.ru/doklad2017.doc](http://stavropol-ombudsman.ru/doklad2017.doc) (дата обращения: 06.02.19).

например, каждый избиратель знает многие подробности об условиях жизни, о доходах и расходах своего избранника [14].

Однако в российской действительности существует другая — параллельная реальность, в которой далеко не всегда, особенно в регионах, созданы условия для реализации конституционных права граждан. Реальность, в которой именно власть и её органы становятся главными нарушителями права граждан, так как есть много способов обойти требования закона. Об этом всё чаще сообщают местные СМИ. Основной мотив — месья за критику. Лидеры общественных организаций, независимые журналисты, проживающие в городах и сёлах края простые граждане всё чаще критикуют местную власть, протестуют против коррупции [3]. Приведём примеры протестного отношения граждан к региональной и местной власти.

«Алчные, бездарные чиновники, бесвестные, продажные правоохранители уже начинают доставать людей. Грабят народ, экономику и страну, чиновники и правоохранители уже не знают, куда девать деньги. Хранят то, что пока не вывезли за границу, в домах, подвалах, на чердаках» (А. Дотдаев, политик)³.

«Как можно жить в городе, где вседозволенность и безнравственность давно стали «законами» существования, где парализована вся вертикаль власти, где не выполняются совершенно очевидные и необходимые действия, связанные с государственным обеспечением жизнедеятельности и безопасности людей?!» (В. Головкин, преподаватель)⁴. «Прокуратура и МВД покрывают мошенников» (В. Молчанов, помощник Уполномоченного по правам человека Ставропольского края)⁵. «Местные чиновники незаконным бездействием, а порою и явно незаконными действиями дискредитируют государственную власть, разрушают государственные основы, формируют взрывные отношения в обществе... Прокурорские работники на Ставрополье, в частности городской прокуратуры, категорически устранились (за исключением отдельных лиц) от выполнения своей основной функции — надзора за соблюдением законности, отчего криминальная напряжённость в краевом центре не спадает, а

³ Дотдаев А. Всё держится на Путине // Открытая газета. 2016. № 39. 05 нояб.

⁴ Головкин В. Кому вы служите, господа? // Открытая газета. 2016. № 47. 30 нояб.

⁵ Молчанов В. Да что вы мелете... // Открытая газета. 2017. № 19. 17 мая.

недоверие граждан к власти нарастает» (В. Панков, адвокат)¹.

«Эти «руководители» совершенно не способны заниматься реальными делами на общее благо. А вот вставлять палки в колеса у них получается виртуозно, даже, я бы сказал, изящно. Для того, видно, и «специалистов» они подбирают себе специфически, образованностью и умом не отличающихся (это лишнее), зато напакостить готовых всегда и с размахом» (А. Черниговский, фермер)².

«Нам бы ещё умных чиновников. Обалдевая от вседозволенности чиновники продолжают роскошествовать за бюджетный счёт» (М. Антонов, журналист)³.

Правящие группировки немедленно реагируют на такие выпады, используя все имеющиеся, в том числе и незаконные средства, для организации «гноусной атаки». Одним из таких средств является социально-административный, или властный моббинг.

По оценкам исследователей, агрессивное поведение должностных лиц, осуществляемое ими насилие, террор порождают значительными социальными трансформациями, низким уровнем правосознания, слабостью гражданского контроля, личностными деструкциями [10]. Идеологическими основаниями терроризма, в том числе и административного, является нигилизм, отказ от общей этики [1].

Основные мотивы административного террора — боязнь утраты властных полномочий, страсть к наживе, месть. В соответствии с российским законодательством к экстремистской деятельности (экстремизму) относятся нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина. Это связано, например, с вмешательством в частную жизнь граждан: использование технических средств для прослушивания, чтения переписки. Нет никакой гарантии, что содержимое личного компьютера, частная электронная почта не контролируются. В настоящее время заинтересованные частные лица могут сделать заказ на снятие информации, организацию наблюдения за кем-либо работникам правоохранительных органов в обход санкции прокурора или решения судьи, а также коммерческим юридическим фирмам, охранным предприятиям. Граждан, высказывания которых не одобря-

ются властью, будут наблюдать и слушать дома, в рабочем кабинете, в машине, общественном месте и даже на улице⁴.

Тотальному контролю, слежке подвергаются в первую очередь те, в ком власть видит угрозу своим интересам, далеко не всегда совпадающим с интересами граждан, кто может помешать конвертации административных возможностей в личное благополучие, а тем более те, кто является конкурентом, претендует на присвоенное ими право пользоваться благами. Преследуют госслужащие и тех, кто не согласен с осуществляемой местной властью региональной политикой, кто открыто выражает сомнения в эффективности применяемых методов и средствах управления, в расходовании бюджетных средств, в соответствии чиновников занимаемым должностям.

Лучший способ защиты, как известно, — нападение. Местная элита, повязанная круговой порукой, начинает мстить своим оппонентам, мстить системно, методически отработано, в течение и пяти, и десяти, и более, если потребуется, лет. Мстят даже их малолетним детям — эти факты общеизвестны⁵.

Выработана целая технология морально-психологического, административного и даже уголовного преследования оппонентов. Жертву всячески оскорбляют и унижают, провоцируют и запугивают. Центром организации прессинга, управления «процессом» являются, как правило, городская и районные администрации. Создаётся специально подобранная группа, которая, привлекая чиновников, их родственников, знакомых, работников правоохранительных органов, вневедомственной охраны, частных охранных предприятий, добровольных и полупрофессиональных осведомителей, начинают реализовать уже отработанные ранее сценарии морально-психологического насилия. В районах проживания, работы или учёбы объекта прессинга, в наиболее часто посещаемых им общественных местах: в магазинах, на рынках, поликлиниках, банках, почте, транспорте, домоуправлении, в лифте, в школе и институте и т. д. — во всех местах жертву ждут неожиданности и неприятности: внезапно возникающие очереди, провоцирующие вопросы, отвлекающие обращения, грубости. В банке, расчётном центре, на почте, куда обращается объект травли, вдруг зависает компьютер,

¹ Панков В. Прокурорам твердим «про Фому» // Открытая газета. 2017. № 19. 17 мая.

² Черниговский А. Машины с зерном встречают автоматчики // Открытая газета. 2017. № 29. 26 июля — 02 авг.

³ Антонов М. Нам бы ещё и умных чиновников // Открытая газета. 2018. № 35, 3—10 сент.

⁴ Фалалеев М. Вас плохо слышно // Российская газета — неделя. 2016. № 232. 12 нояб.

⁵ Кулешов А. Мафиозный спрут Ставрополя начал уже охоту на детей. Шок! // Открытая газета. 2018. № 48. 03 дек.

кассиров или операторов внезапно отвлекают сослуживцы или начальство, и они вынуждены отлучаться. Он будет слишком часто «попадать» к неопытному работнику, который, осваивая новые функции, делает всё очень медленно и часто ошибается. На улице будут подходить незнакомые люди и задавать какие-либо назойливые вопросы. Во дворах, на тротуарах, перекрёстках к вам начинают как бы невзначай приближаться поджидавшие автомобили. Если вы идёте по улице, то в непосредственной близости, с расчётом на неожиданность будут пронеситься велосипедисты.

Ставропольские власти, к примеру, используют для психологического давления не только такси, но и спецтранспорт: машины скорой помощи, полиции, аварийных (в том числе и пожарных) служб, отвлекая работников от исполнения ими прямых обязанностей. По несколько раз в день они проезжают мимо вашего дома и включают сирены. Причём делают это даже ночью, когда дороги совершенно пусты. Днём и ночью рядом с вашими окнами (а значит, и с чужими тоже) с небольшими перерывами раздаются звуки автомобильной сигнализации. Постоянно раздаются беспокоящие телефонные звонки, случается и бытовое вредительство. Чем меньше территория вашего обитания, тем легче организовать психологическое давление, тем сильнее его разрушающее воздействие.

О низком уровне правосознания, нравственной культуры представителей власти свидетельствуют факты участия в провокациях административных работников. При этом затрачиваются значительные ресурсы: тратится впустую время, материальные и финансовые средства. И всё это делается по воле сидящих в руководящих креслах людей, представляющих опасность для граждан.

Применяются и другие способы психологического воздействия на человека. Например, распространение порочащей информации, слухов о профессиональной непригодности, моральной неустойчивости или психическом заболевании. Коллегам запрещают помогать, партнерам — сотрудничать, друзей, товарищей запугивают, привлекают к психологическому давлению соседей. Используют знакомых и незнакомых людей, которые постоянно и часто встречаются во дворе, на улице, стучатся в дверь вашей квартиры. Целенаправленно и методично разрушают семью, ссорят с родственниками. Человека склоняют к алкоголизму, наркомании, совершению неадекватных поступков и правонарушений.

Когда это длится годами, то организаторам моббинга требуется вовлекать в процесс всё новые и новые силы исполнителей. Чиновники-кукловоды рекрутируют сослуживцев объекта травли — кого-то принуждают силой, запугиванием, кто-то соглашается добровольно и даже с удовольствием. По свидетельству тех, кому довелось оказаться в роли жертвы, в первую очередь используют лиц, с которыми объект знаком лично или вынужден иметь частые контакты. Это соседи по дому, коллеги по работе, однокурсники, работники домоуправления и сотрудники магазинов, которые объект обычно посещает, знакомый продавец, врач, сантехник, работник газовой службы, дворник, водители транспортных средств. Вербуются и люди, с которыми объект не знаком. В качестве негласных сотрудников (агентов и доверенных лиц) вербуются мужчины, женщины, молодежь, пенсионеры. Для совершения мелких пакостей используют даже детей. Особенность общественной травли заключается в том, что она имеет скрытый характер, незаметный для окружающих: моббинг-действия осуществляются у всех на виду, однако «гнусную атаку» организаторов замечает только жертва. Если человек не осознаёт до конца происходящего, то он испытывает очень сильный, а главное, постоянный стресс, что ведёт к заболеванию и даже к смерти [9].

Таковы результаты специально применяемого «комплекса оперативнотехнических мероприятий по нанесению жертве физического и морально-психологического вреда». А теперь представим, каково будет к испытывающему негласное насилие человеку отношение родственников, знакомых, товарищей по работе, если он попытается им рассказать, что с ним вытворяют местные власти и обслуживающие их интересы исполнители. Рассказы объекта прессинга о преследовании, его жалобы на тотальный контроль скорее всего вызовут у окружающих (возможно, и у родственников тоже) подозрение о его психическом заболевании. Особенность властного моббинга «поставропольски» заключается в том, что для совершения мелких пакостей привлекают детей и их родителей.

Таким образом, в процессе социально-административного моббинга применяются следующие способы морально-психологического подавления личности: дискриминация (ограничение прав, принуждение к увольнению, нанесение вреда); организация провокаций с целью вовлечения жертвы в конфликт и последующего юридическо-

го преследования; манипуляция с целью склонения к совершению неадекватных поступков, правонарушений и негативным высказываниям в адрес власти, коллег; распространение порочащей жертву информации; искусственная социальная изоляция; административные притеснения; создание трудностей в профессиональной деятельности, в быту; вмешательство в частную жизнь, разрушение семьи, родственных связей.

Наиболее распространёнными средствами, приёмами морально-психологической травли, используемыми организаторами и исполнителями социально-административного моббинга, являются: тотальный контроль, слежка (в том числе проникновение в квартиру и установка технических средств видеонаблюдения, прослушивания, чтения переписки, почтовых и электронных коммуникаций); привлечение правоохранительных органов, в том числе и спецслужб, недобросовестных судей и адвокатов, работников частных охранных предприятий, криминальных структур; использование специального транспорта, специально созданных мобильных групп для оказания морально-психологического давления; сокрытие важной информации; использование социальных сетей, СМИ для распространения ложной информации.

Обсуждение

Одной из причин возникновения властного моббинга является обособление административной элиты от проживающего в регионе населения.

Социальная категоризация выражается в осознанном стремлении региональной элиты разделять граждан на категории — «мы — они», «свой — чужой». «Мы» — все те, кто обладает властными ресурсами, их окружение, формируемое на основе клановых признаков, те, кто обслуживает интересы правящей элиты. «Они» — это не только не относящиеся к элите труженики, но и представители оппозиционных политических партий, гражданского общества, предприниматели, научная интеллигенция, деятели культуры. «Свои» — это те, кто распоряжается властными ресурсами (административными, экономическими, финансовыми), кто демонстрирует личную преданность, лояльность, связан круговой порукой, кто имеет преференции в пользовании благами. «Чужие» критикуют власть, выражают недовольство, задают неудобные вопросы, имеют собственные суждения об

эффективности региональной политики, открыто выражают своё несогласие [4; 11].

Наблюдение, опросные методы, личный опыт позволяют определить различия в эмпирической базе изучения проблемы моббинга на рабочем месте и социально-административного моббинга: если при исследовании моббинг-процессов в производственных коллективах, в образовательных организациях, в семье исследователи изучают эти процессы в малых группах (от 2 до 40 чел.), то в моббинге, инициированном представителями властных структур, принимают участие мезогруппы (от 40 до 150 чел.). А если учитывать тот факт, что представители власти в дополнение к административному преследованию подключают ещё начальство по месту работы объекта травли, то получается «двойной» моббинг, в котором участвуют уже большие группы (свыше 150 чел.). Если моббинг-действия в малых группах длятся, как правило, в течение от одного до пяти лет [9], то в больших группах при использовании властью административного ресурса травля может продолжаться в течение десяти и более лет, если жертва не сдаётся и проявляет незаурядную силу сопротивления, умеет наносить инициаторам моббинга ответные удары (например, апелляция к общественному мнению, огласка негативных фактов в средствах массовой коммуникации).

Одним из результатов проведённого исследования является постановка вопроса о персональной ответственности тех, кто причастен к назначению на важные должности опасных для граждан людей. А что делать тем, против кого властью осуществляется насилие? Разумеется, им придётся испытывать негативные переживания. В исследованиях зарубежных учёных делается вывод о том, что моббинг, часто происходящий в течение длительных периодов, ставит жертву в положение, в котором трудно защищаться (Хуберт, Вельдховене, 2001). Однако вывод этот был сделан в те времена, когда ещё не было Интернета. Человеку, ставшему объектом преследования, чтобы не быть побеждённым, важно уметь отстаивать свои гражданские и человеческие права, честь, достоинство, свободу личности [2].

В настоящее время, при наличии свободного доступа к многообразию средств массовой коммуникации сопротивление становится возможным. Более того, оно может быть эффективным, если обеспечено значительным морально-психологическим и интеллектуальным потенциалом, не позволяя организаторам террора добиваться намеченных целей.

Считаем возможным предложить следующие рекомендации для тех, кто подвергается властному моббингу:

- сохраняйте уверенность в себе, используйте любую возможность для критики, обличения организаторов травли (СМИ, социальные сети);
- помните, что уровень умственного развития участников «гнусной атаки» далеко не самый высокий, используемые ими провокационные сценарии, приёмы однообразны и примитивны, легко просчитываются, поэтому всегда найдутся возможности для демонстрации презрения и осмеяния, и тогда вы, а не они, будете хозяином положения;
- бессмысленно вступать в борьбу с рядовыми исполнителями. Их следует игнорировать: надо научиться уклоняться от совершаемых ими провокаций. Всё внимание, силы и время для критики и обличения следует сосредоточить на заказчиках и их ближайшем окружении. Честные люди во власти не станут опускаться до уровня мести. Этим занимаются исключительно чиновники, депутаты, правоохранители с пониженной морально-правовой ответственностью (у кого, как говорится, рыльце в пуху);
- попытайтесь создать портфолио наиболее «значимых» дел ваших заказчиков (факты, свидетельствующие о несоответствии доходов и расходов, можно брать из СМИ, Интернета, других легальных источников);
- когда материала наберётся достаточно, предложите собранное досье для ознакомления независимым общественным организациям, осуществляющим гражданский контроль;
- распространяйте собранную информацию по всем имеющимся каналам и адресам.

Ваше терпение, старательность могут увенчаться успехом. Многие наши сограждане уже не только не боятся представителей регионального и местного «истеблишмента», но и выступают с разоблачениями организаторов властного моббинга. Спокойствие и выдержка, уверенность в себе помогут вам сохранить чувство собственного достоинства, сделают вас непобедимым [1].

Следует учитывать, что организаторам травли приходится нести немалые затраты для осуществления моббинг-действий в

течение продолжительного времени: у них также возникают стрессовые состояния в процессе агрессии, им приходится расходовать и время, и силы, материальные и финансовые средства. И всё же не следует уменьшать возможности людей, наделённых властью и объединённых в группы.

Одним из направлений для дальнейших исследований может стать разработка правовых основ противодействия социально-административному моббингу, так как от моббинга погибают многократно больше людей, чем от террористических актов. В зарубежных научных исследованиях моббинг приравнивается к тяжким уголовным преступлениям [22].

На противодействие моббингу как опасному социальному явлению направлено ряд документов международных организаций — резолюция Европейского парламента (2001 г.) «О преследовании на рабочем месте», решение Еврокомиссии «Новая стратегия здоровья и безопасности местного населения» (2007—2012 гг.) [5].

В резолюции Европейского парламента, например, отмечается, что преследование на рабочем месте может начинаться с незначительного неуважения, а затем переходить к более серьезным актам, в том числе уголовным преступлениям, что требует вмешательства со стороны государственных органов.

В ряде стран (Франция, Бельгия, Швеция) приняты специальные законы, направленные против моббинга. В Трудовом кодексе Франции за организацию моббинга предусмотрено наказание виновных: лишение свободы (до одного года) и денежный штраф в размере 3750 евро [5].

В российском законодательстве граждане не защищены от морально-психологической травли, более того, термин «моббинг» (или его какой-либо эквивалент) вовсе отсутствует. Поэтому есть большая потребность в том, чтобы социально-административный моббинг, использующий властные полномочия в качестве инструмента насилия над гражданами, был юридически квалифицирован в качестве формы проявления терроризма, обладающей высокой степенью общественной опасности.

Следует принять адекватные меры противодействия морально-психологическому насилию. Например, внести поправки в УК РФ: включить в главу 24 «Преступления против общественной безопасности» определение социально-административного моббинга как формы террора, а также дополнить ст. 205 записью об установлении уголовной

ответственности за организацию моббинга должностными лицами.

Заключение

Использование региональной и местной властью специальной технологии преследования граждан, имеющих активную гражданскую позицию, позволяет говорить о новом аспекте проблемы моббинга — социально-административном, или властном моббинге, который, несмотря на широкое распространение, остаётся за пределами внимания исследователей, по сути игнорируется ими. Данное обстоятельство обусловило необходимость введения нового термина: «социально-административный моббинг». Сущность социально-административного моббинга заключается в использовании представителями власти административного ресурса для организации тотального контроля и насилия над гражданами, ограничения их конституционных прав с целью уничтожения или изгнания с места работы и проживания. Тотальный характер насилия заключается в том, что моббинг-действия, для совершения которых привлекаются большие группы населения, осуществляются постоянно и в течение продолжительного времени.

Властный моббинг в большинстве случаев сочетается с травлей на рабочем месте. Мотивами морально-психологического террора являются месть за критику, опасения за угрозу разоблачения противоправных действий, круговая порука.

Наиболее распространёнными способами морально-психологического террора являются организация провокаций с целью последующего привлечения жертвы к административному и уголовному преследованию, манипуляция с целью вывести объект травли из равновесия и склонить к неадекватным действиям, социальная изоляция, использование общественного мнения для подрыва чести и достоинства, воспрепятствование профессиональной деятельности, бытовое вредительство, угрозы жизни и здоровью, нанесение физического вреда.

Для нанесения жертве максимального морально-психологического вреда (стресса) применяется изощёрённый арсенал приёмов, средств: наружное наблюдение, технические средства, позволяющие осуществлять постоянный контроль за передвижениями жертвы, контактами, контроль деловой и личной переписки, вторжение в частную жизнь, травля в социальных сетях, использование служебных и специальных

транспортных средств для нанесения вреда и угроз.

Таким образом, высокая степень опасности социально-административного моббинга требует вмешательства государства, разработки мер правовой защиты граждан от «злонамеренной враждебности» региональной и муниципальной власти.

1. Алтухова Г. А. Моббинг как этическая проблема // Библиотекосведение. 1998. № 2. С. 63—70.

2. Базаров Т. Ю. Управление конфликтами. Моббинг. URL: <http://www.uho.ru/articles/?cat=132&pub=1167> (дата обращения: 15.12.2018).

3. Беляев А. В. Кризис власти на Ставрополье. URL: <http://www.trinitas.ru/rus/doc/0012/001f/00124395.htm> (дата обращения: 10.12.2018).

4. Бэрн Р, Бирон Д., Джонсон Б. Социальная психология: ключевые идеи. 4-е изд. СПб.: Питер, 2003. 512с.

5. Вклад в твоё будущее. URL: <http://dogmon.org/vklad-v-tvoe-budushee.html> (дата обращения: 18.12.2018).

6. Гулис И. В. Направления и перспективы изучения агрессии в служебных отношениях // Философия и социальные науки. 2008. № 3. С. 69—76.

7. Гишинский Я. И. Современный терроризм: «кто виноват» и что делать? // Психология и психопатология. Гуманитарные стратегии антитерроризма. СПб., 2004. С. 19—25.

8. Дружилов С. А. Проблемы моббинга на кафедре вуза // Высшее образование в России. 2011. № 6. С. 118—122.

9. Дружилов С. А. Профессиональные деформации как индикаторы дезадаптации и душевного неблагополучия человека // Сибирский педагогический журнал. 2010. № 6. С. 171—178.

10. Ениколопов С. Н. Терроризм и агрессивное поведение // Национальный психологический журнал. 2006. № 1. С. 28—32.

11. Зайцев А. К. Социальный конфликт. 2-е изд. М.: Academia, 2000. 464 с.

12. Иванова Н. Л. Социальная идентичность и проблема разрешения межгрупповых конфликтов // Психология и психопатология. Гуманитарные стратегии антитерроризма. СПб., 2004. С. 262—269.

13. Игебаева Ф. А. «Моббинг» как социальное явление // Перспективные научные исследования — 2015: материалы XI Международ. науч.-практ. конф. (17—22 февр.). Т. 11. Психология и социология. София: Бял ГРАД — БД, 2015. С. 75—77.

14. Основные политические свободы. URL: <http://center-yf.ru/data/stat/politicheskaya-svoboda.php> (дата обращения: 05.07. 2017).

15. Поликанова О. Ю., Вражнова М. Н. Исследование моббинг-процессов в системе межличностных конфликтов среди работников организации // Молодой ученый. 2011. № 4. С. 21—25.

16. Романова Н. П. Моббинг: учеб. пособие. Чита: Изд-во ЧитГУ, 2007. 110 с.

17. Скавитин А. В. Проблема притеснений на рабочих местах // Менеджмент в России и за рубежом. 2004. № 5. С. 118—126.

18. Соловьёв А. В. Моббинг: психологический террор на рабочем месте. URL: <http://www.kadrovik.ru/modules.php?op=modload&name=News&file=article&sid=1049> (дата обращения: 15.12.2016).

19. Терещенко Г. Ф. Психологическое притеснение (моббинг) на рабочем месте как социальный феномен // Психолого-педагогический журнал Гаудеамус. 2012. №1 (19). С. 160—165.

20. Феноменологическая социология. URL: <http://www.grandars.ru/college/sociologiya/fenomenologicheskaya-sociologiya.html> (дата обращения: 15.12.2018).

21. Чикер В. А., Почебут Л. Г. Социально-психологический анализ моббинг-процессов // Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К. Л. Хетагурова. Общественные науки. 2015. № 4. С. 131—146.

22. Chappell D., Di Martino V. *Violence at Work*. 3rd Edition. Geneva: International Labor Office, 2006. 360 p.

References

1. Altuhova G.A. (1998) *Bibliotekovedenije*, no. 2, pp. 63—70 [in Rus].

2. Bazarov T.Yu. *Upravlenije konfliktami. Mobbing*. Available at: <http://www.ubo.ru/articles/?cat=132&pub=1167>, accessed 15.12.2018 [in Rus].

3. Beljaev A.V. *Krizis vlasti na Stavropolje*. Available at: <http://www.trinitas.ru/rus/doc/0012/001f/00124395.htm>, accessed 10.12.2018 [in Rus].

4. Bjeron R., Biron D., Jonson B. (2003) *Social'naja psihologija: ključevyje idei*. St. Petersburg, Piter, 512 p. [in Rus].

5. *Vklad v tvojo budushheje*. Available at: <http://dogmon.org/vklad-v-tvoe-budushee.html>, accessed 18.12.2018 [in Rus].

6. Gulis I.V. (2008) *Filosofija I social'nyje nauki*, no. 3, pp. 69—76. [in Rus].

7. Gilinskij A.I. (2004) *Psihologija I psihopatologija. Gumanitarnyje strategii antiterrorizma*. St. Petersburg, pp.19—25 [in Rus].

8. Druzhilov S.A. (2011) *Vysheje obrazovanije v Rossii*, no. 6, pp. 118—122 [in Rus].

9. Druzhilov S.A. (2010) *Sibirskij pedagogičeskij journal*, no. 6, pp. 171—178 [in Rus].

10. *Jenikolopov S.N. (2006) Nacional'nyj psihologičeskij journal*, no. 1, pp. 28—32 [in Rus].

11. Zajcev A.K. (2000) *Social'nyj konflikt*. Moscow, 464 p. [in Rus].

12. Ivanova L.N. (2004) *Psihologija I psihopatologija. Gumanitarnyje strategii antiterrorizma*. St. Petersburg, pp.262-269 [in Rus].

13. Igebajeva F.A. (2015) "Mobbing" kak social'noje javlenie // *Perspektivnyje nauchnyje issledovanija* — 2015. Vol. 11. *Psihologija I sociologija*. Sofija, Bjal Grad — BD, pp. 75—77 [in Rus].

14. *Osnovnyje političeskije svobody*. Available at: <http://center-yf.ru/data/stat/politicheskaya-svoboda.php>, accessed 05.07.2017 [in Rus].

15. Polikanova O.Yu., Vrazhnova M.N. (2011) *Molodoj uchjonyj*, no. 4, pp. 21—25 [in Rus].

16. Romanova N.P. (2007) *Mobbing*. Chita, 110 p. [in Rus].

17. Skavitin A.V. (2004) *Menedzhment v Rossii I za rubezhom*, no. 5, pp. 118—126 [in Rus].

18. Solovjov A.V. *Mobbing: psihologičeskij terror na rabochem mest'e*. Available at: <http://www.kadrovik.ru/modules.php?op=modload&name=News&file=article&sid=1049>, accessed 15.12.2016 [in Rus].

19. Tereshhenko G.F. (2012) *Psihologo-pedagogičeskij journal Gaudeamus*, no. 1 (19), pp. 160—165 [in Rus].

20. *Femenologičeskaja sociologija*. Available at: <http://www.grandars.ru/college/sociologiya/fenomenologicheskaya-sociologiya.html>, accessed 15.12.2018 [in Rus].

21. Chiker V.A., Pochebut L.V. (2015) *Vestnik Severo-Osetinskogo gosudarstvennogo universiteta im. Kosty Hetagurova. Obshhestvennyje nauki*, no. 4, pp. 131—146 [in Rus].

22. Chappell D., Di Martino V. *Violence at Work*. Geneva, International Labor Office, 2006. 360 p. [in Eng].

For citing: Belyaev A.V.
Social and administrative mobbing:
reasons, ways, means //
Socium i vlast'. 2019. № 1 (75). P. 79—90.

UDC 304.9

SOCIAL AND ADMINISTRATIVE MOBBING: REASONS, WAYS, MEANS

Aleksander V. Belyaev,
North Caucasus Federal University,
Professor of the Department Chair
of Pedagogics and Psychology
of Professional Education,
Doctor of Education, Professor.
Russian Federation, 355009, Stavropol,
ulitsa Pushkina, 1.
E-mail: andis-1@yandex.ru

Abstract

Introduction. In social psychology, mobbing as a means of violence, harassment, and persecution aiming at suppressing a person is considered primarily in small groups — in work collectives, in educational organizations, in the family. However, in recent years this phenomenon has become widespread in other social associations - mezo-groups and large groups, when mobbing is used by regional and municipal authorities to organize revenge on their opponents. The aim of the paper is to determine the essence, explain the signs, motives, ways and means of social and administrative prosecution, limiting the constitutional rights of citizens.

Methods. Phenomenological analysis, analysis of documents, content analysis of publications, synthesis of independent characteristics, observation, non-standardized interview, conversation.

Scientific novelty of the study. A new aspect of studying the problem of mobbing has been proposed. The motives, ways and means of persecuting citizens by regional and municipal authorities, restrictions of their constitutional rights are characterized. The factors contributing to the growth of aggression, administrative terror in the context of social transformations, the absence of the law dictatorship, and the weakness of civilian control are considered.

Results. On the basis of the phenomenological approach, the technology of social and administrative mobbing has been described, its negative consequences, undermining the stability of society, harming the health of citizens, have been revealed and recommendations have been made to resist moral and psychological violence.

Conclusions. Social and administrative mobbing must be legally qualified as a form of terrorism with a high degree of public danger. One of the ways to combat mobbing is the resistance of citizens, the use of mass media to expose the initiators and perpetrators of illegal actions. It is necessary to develop special legislative measures aimed at obstructing the administrative prosecution of citizens and restricting their constitutional rights and freedoms.

Key concepts:
civil rights and freedoms,
revenge,
violence,
stress,
mental health.

Для цитирования: Бурянина О. А., Абрамкина С. Р. Управленческие решения местных органов власти: критерии выбора эффективных методов управления // Социум и власть. 2019. № 1 (75). С. 91—101.

УДК 338.24

УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ РЕШЕНИЯ МЕСТНЫХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ: КРИТЕРИИ ВЫБОРА ЭФФЕКТИВНЫХ МЕТОДОВ УПРАВЛЕНИЯ

Бурянина Оксана Александровна,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Челябинский филиал,
кандидат экономических наук,
Российская Федерация, 454071, г. Челябинск,
ул. Комарова, д. 26.
E-mail: buba.79.79@mail.ru

Абрамкина Светлана Рафаиловна,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Челябинский филиал,
кандидат экономических наук, доцент.
Российская Федерация, 454071, г. Челябинск,
ул. Комарова, д. 26.
E-mail: abramkin@list.ru

Аннотация

Введение. Должностные лица в муниципальных органах власти обосновывают различные варианты управленческих решений, ищут альтернативы временной реализации и ресурсного обеспечения.

Цель. Данная статья посвящена проблеме выбора эффективных методов принятия управленческих решений местными органами власти.

Методы. Автором предпринята попытка систематизации теоретического и практического опыта применения метода анализа иерархий для решения задачи многокритериального принятия решения в условиях неопределенности. В статье исследуется применение экспертных методов в процессе разработки муниципальных управленческих решений, определены этапы разработки и принятия управленческого решения.

Научная новизна исследования. Рассмотрен метод анализа иерархии при выборе подрядных организаций, предлагающих разные проекты по благоустройству города. При этом критериями выбора выступают соответствие содержания проекта социальной политике; улучшение экологической обстановки в городе путем озеленения; соответствие финансовым возможностям бюджета и т. д.

Результаты. В результате исследования получена количественная оценка наиболее предпочтительного выбора из рассмотренных альтернативных решений.

Выводы. На основании анализа автор приходит к выводу о необходимости совершенствования системы экспертных методов, используемых в процессе разработки и реализации муниципальных управленческих решений.

Ключевые понятия:

управленческое решение в местных органах власти, метод анализа иерархий, экспертные методы принятия решений, выбор инвестиционного проекта, экономическая эффективность.

Введение

Основной деятельностью муниципальных органов власти является принятие и исполнение соответствующих решений обеспечивая при этом единую систему управления.

Управленческое решение в местных органах власти — это осознанно сделанный органом муниципальной власти выбор целенаправленного воздействия на социальную сферу деятельности, который выражен в официальной форме. Существует и более расширенное понятие управленческого решения в местных органах власти [18]. Под муниципальным управленческим решением следует понимать властную волю органов местного самоуправления, выражаемую в официальной форме в виде разработанных и реализованных законодательных актах, приказах, постановлениях, распоряжениях, указах, которые издаются местными органами власти, а также должностными лицами в пределах предоставленных полномочий и в соответствии со своими компетенциями.

Разработка муниципальных управленческих решений представляет собой процесс, который объединяет все основные функции менеджмента: мотивацию планирование, организацию и контроль [8, с. 27].

Принятие управленческого решения в местных органах власти рассматривается как волевой акт, который совершается органами местного самоуправления, при выборе одной из альтернативных возможностей для достижения предполагаемой цели, а также намеченных результатов. Таким образом, под управленческим решением местных органов власти понимается идеальная модель будущего в какой-либо сфере деятельности, где содержится информация о необходимости и желательности того, что должно быть исполнено и реализовано [7, с. 200].

Методы и материалы

Социальный характер управленческих решений в местных органах власти заключается в том, что данные решения воздействуют не на техническую или природную внешнюю среду, а на самого человека. Главная цель управленческих решений — мобилизовать группы людей на совершенствование социальной действительности, содержанием этого управленческого процесса будет являться волевое воздействие управляющего субъекта на управляемую систему.

Управленческие решения на государственном и муниципальном уровне, отлича-

ются от управленческих решений, которые разрабатываются и принимаются на уровне предприятия Профессор Г. В. Атаманчук в своей монографии «Управление — фактор развития (размышления об управленческой деятельности)»[1] и профессор Е. В. Охотский в учебном пособии «Государственное управление в современной России»[13] классифицируют государственное управленческое решение как особый документ, который представляет собой: социально-интеллектуально-волевое целевое установление; социально-политический акт, который затрагивает конкретные отношения и взаимосвязи общественной и частной жизни; как важнейшая подсистема системы управленческой деятельности.

В обобщенном виде представим отличительные черты управленческого решения, принимаемого муниципальными органами власти:

- властность — управленческие решения принимаются в одностороннем порядке специально уполномоченными муниципальными органами, что в свою очередь порождает соответствующие права, обязанности и ответственность за их исполнение и результаты;
- обеспеченность управленческого решения материально-финансовыми ресурсами из бюджетов разных уровней;
- управленческие решения носят публично-правовой характер;
- директивность (муниципальные управленческие решения обязывают, запрещают, предписывают, лишают, разрешают, устанавливают и т. д.);
- управленческие решения носят обезличенный характер и оформляются надлежащим образом в установленном порядке;
- процессуальность — наличие системы правил и процедур, определяющих порядок разработки, обсуждения, согласования и принятия муниципального управленческого решения.

В целях социального развития общества и Российской Федерации в целом основным критерием реализации муниципальных управленческих решений будет являться их качество и эффективность. Под качественным управленческим решением понимается волевой акт, обеспечивающий оптимальный и рациональный соглашения между достигнутыми результатами и затраченными на это ресурсами. Управленческое решение

в местных органах власти должно быть качественным, и для этого необходимо чтобы оно было конкретным, научно обоснованным, адресным и своевременным [6, с. 285].

Процесс включающий разработку, принятие и реализацию решения органами местного самоуправления имеет одинаковые для всех управленческих решений методологические и методические основы и, как правило, состоит из стандартных этапов и процедур.

Интересным в настоящее время является стадийный дискурс, который впервые был сформулирован Гарольдом Д. Лассуэллом. Они выделили семь стадий процесса принятия управленческого решения: разведка; продвижение идей; активация, инициирование; предписание; исполнение; завершение; оценка. Позже эти этапы были несколько изменены и скорректированы. Стадии принятия решений были сведены к инициации, селекции, предварительному анализу, реализации, оценки результатов и завершению управленческого решения [12, с. 157].

С данных позиций управленческий процесс принятия решений органами местного самоуправления включает следующие этапы: инициирование управленческого решения; формулирование «повестки дня» управленческого решения; продвижение управленческого решения, оценка рисков решения и его последствий [5, с. 58].

На планирование определенных мероприятий по реализации решений органами местного самоуправления влияют:

- 1) значительные масштабы деятельности местных органах власти;
- 2) повышенная социальная ответственность за реализацию муниципальных управленческих решений;
- 3) использование преимущественно средств бюджетов разных уровней;
- 4) приоритетные оценки, определяемые целями социальной эффективности и находящие свое отражение в мнении общества, которое выявляется в ходе референдумов, выборов, в личных обращениях граждан, социологических опросов населения, демонстраций митингов и т. д. [12].

Л. С. Руденко под механизмом принятия управленческого решения понимает причинно-следственные связи, которые строятся субъектом власти на основании его функционально-деятельностной ориентации (на ценность, традицию, эмоции или цель в рамках осуществления своих полномочий), которые специфичны в каждой конкретной социальной и политической среде [17].

В настоящее время муниципальными органами власти разрабатывается и принимается множество управленческих решений: текущего и оперативного, так и стратегического характера. Практически всем должностным лицам в местных органах власти приходится постоянно обосновывать различные варианты решений, изыскивать альтернативные возможности ресурсного обеспечения и временной реализации, а также согласовывать различные решения друг с другом [5, с. 58].

Реализация и принятие управленческого решения муниципальными органами власти не всегда бывают единовременным управленческим актом. Оформление управленческого решения в виде единого распорядительного документа (графика, приказа, указа, постановления и пр.) не означает, что процесс его принятия завершился. Большое число проблем, когда неопределенные и не всегда контролируемые факторы внешней среды влияют на результативность решения, требует поэтапного принятия управленческого решения [11].

Сегодня в научной среде управления существует множество самых разных моделей и методов принятия управленческих решений в местных органах власти, однако, чтобы эффективно можно применять их на практике, при этом добиваясь поставленных целей, муниципальным органам власти нужно научиться совмещать эти методы с накопленным опытом, со своей интуицией, с приобретенными управленческими навыками. И здесь особенно необходимо применение экспертных методов в процессе принятия и реализации муниципальных управленческих решений.

Науке известно большое количество экспертных методов принятия решения, среди которых можно назвать: эксперимент, метод построения деревьев целей, метод комиссий, метод сценариев, метод анализа иерархий и т. д.

В данной статье основное внимание будет посвящено методу анализа иерархий при принятии управленческих решений местными органами власти.

Метод анализа иерархий (МАИ) является замкнутой логической цепочкой, который обеспечивает с помощью несложных правил анализ проблем, и приводящий к наилучшему результату. Автором метода анализа иерархий является математик Т. Саати, который описывает данный процесс, основываясь на математическом исследовании, совмещенном со знанием практики принятия управленческих решений в условиях неопределенности и риска [19].

Математический аппарат метода позволяет упорядочить суждения, оценить их количественно в форме ответа, который представляет набор выбранных приоритетов относительно значимости альтернативных решений. В табл. 1 представлены плюсы и минусы метода анализа иерархий.

Метод анализа иерархий дает возможность отразить субъективное мышление человека, который принимает решение и независимо от важности проблемы показывает более объективный результат, нежели другие рассмотренные экспертные методы, что в свою очередь способствует адекватному и полному выявлению альтернативных критериев, их качественной и количественной оценки [3, с. 13].

Рассмотрим возможность применения метода анализа иерархий на примере принятия решения муниципального органа власти о выборе проекта в целях благоустройства территории города.

Цель городской администрации — организация благоустройства территории города, полученного от реализации инвестиционного проекта. Предстоит оценить несколько подрядных организаций, предлагающих разные проекты по благоустройству города согласно следующим критериям:

- 1) вклад проекта в социальный приоритет региона — соответствие содержания проекта социальной политике;
- 2) организация благоустроенной среды для жителей города;
- 3) улучшение экологической обстановки в городе путем озеленения территории;
- 4) соответствие финансовым возможностям муниципального образования;
- 5) техническая реализуемость проекта (соответствие проекта правовым,

природоохранным, градостроительным регламентам застройки).

Предположим, что история успеха организации: опыт выполненных проектов, достигнутые показатели и т. д. являются приблизительно одинаковыми.

Рассмотрим альтернативы:

1. Создание инновационного молодежного парка отдыха;
2. Проект создания парка аттракционов;
3. Проект создания культурно-спортивного комплекса под открытым небом;
4. Проект создания сквера «Город мастеров».

Построим иерархическую структуру матрицы анализа иерархии (рис. 1).

Определение приоритетов всех элементов иерархии с использованием метода парных сравнений. Пример парных сравнений вариантов А, Б, В при помощи экспертных оценок представим в табл. 2.

Построим матрицу попарных сравнений для критериев, при этом начнем со второго уровня: критериев оценки. Для этого построим матрицу 5×5 по количеству выбранных критериев.

Оценки компонентов собственного вектора определялись следующим образом (1):

$$КСВ = O_1 + O_2... + O_n, \quad (1)$$

где КСВ — оценка компонентов собственного вектора

O_1, O_2, O_n — парная оценка критериев экспертами.

Например, для критерия «организация благоустроенной среды для жителей города»:

$$КСВ = 3 \times 1 \times 3 \times 1/2 \times 1/2 = 1,2247.$$

Таблица 1

Плюсы и минусы метода анализа иерархии

Плюсы	Минусы
Метод позволяет учитывать «человеческий фактор» в процессе подготовки и реализации управленческого решения.	Не достаточно средств для проверки достоверности данных.
Метод достаточно универсален, его применение возможно в различных сферах управления. При этом характерно наличие большого количества возможностей для выявления противоречий в поданной информации.	Значительные затраты времени на разработку структуры модели принятия управленческих решений местными органами власти.
Процедуры расчетов альтернатив достаточно простые	Не имеет внутренних средств для интерпретации рейтингов.
При реализации данного метода возможно привлечение разных специалистов, работающих независимо над локальными задачами, что дает возможность обобщить мнения экспертов, участвующих в данном эксперименте.	

Рис. 1. Иерархическая структура матрицы анализа иерархии

Таблица 2

Матрица попарных сравнений для выбранных критериев

Критерий	1	2	3	4	5	Оценки компонентов собственного вектора	Нормализованные оценки вектора приоритета
1. Вклад проекта в социальный приоритет региона — соответствие содержания проекта социальной политике	1	1/3	4	1/5	1/4	0,5069	0,07213
2. Организация благоустроенной среды для жителей города	3	1	3	1/2	1/2	1,2247	0,17429
3. Улучшение экологической обстановки в городе путем озеленения территории	1/4	1/3	1	1/5	1/3	0,2716	0,03865
4. Соответствие финансовым возможностям муниципального образования	5	2	5	1	2	3,1623	0,4500
5. Техническая реализуемость проекта	4	2	3	1/2	1	1,8612	0,2648
Сумма						7,0267	

При составлении матрицы попарных сравнений нужно рассчитать согласованность экспертных оценок, т. е. проверить были ли они непротиворечивыми. Для этого нужно рассчитать коэффициент согласованности и сравнить с табличным значением величины средней согласованности для случайных матриц разного порядка (табл. 3), где СС — случайная согласованность.

Тогда относительная согласованность, по которой судят о правильности суждения: (2):

$$OC = IC / CC \times 100 \% \quad (2)$$

Для матрицы размером 5×5 этот коэффициент составляет 1,12. Соответственно коэффициент согласованности будет равен:

$$7,02 / 1,12 = 6,27 \% < 10 \%,$$

Таблица 3

Значения величины средней согласованности для случайных матриц разного порядка

Размер матрицы	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
СС	0	0	0,58	0,9	1,12	1,24	1,32	1,41	1,45	1,49

следовательно, пересматривать суждения выбранных экспертов нет необходимости.

Далее необходимо провести сравнительный анализ третьего уровня — альтернативные инвестиционные проекты разных порядков (табл. 3).

Итак, как показывает анализ табл. 4 и расчет нормализованных оценок вектора приоритета, по критерию «соответствие содержания проекта социальной политике» наибольший показатель характерен для инвестиционного проекта «Создания культурно-спортивного комплекса под открытым небом». Второе место по данному критерию принадлежит социальному проекту «Создание инновационного молодежного парка отдыха». Рассчитаем коэффициент согласованности. Для матрицы 4×4 он будет равен $5,226 / 0,9 = 5,8 < 10 \%$, следовательно, пересматривать суждения экспертов не нужно.

Синтез глобальных приоритетов альтернатив путем линейной свертки приоритетов

элементов на иерархии. Проведем расчёт глобального приоритета (табл. 5).

Рассчитаем значение глобального приоритета для каждой из выбранной нами альтернатив. Для этого необходимо численное значение вектора приоритета по выбранным критериям оценки умножить на компонент собственного вектора по каждому из предложенных инвестиционных проектов и полученные таким образом показатели сложить.

Итоги применения метода анализа иерархий представлены на рис. 2.

Следующим этапом является оценка альтернативных проектов по критерию соотношения стоимость/эффективность. Для этого нами будет использовано отношение полученной оценки локальных глобальных приоритетов к стоимости (смете) инвестиционного проекта (табл. 6). Наилучшим решением будет считаться та альтернатива, для которой указанное отношение стоимость/эффективность будет наибольшим.

Таблица 4

Вклад инвестиционного проекта в социальный приоритет города

Проект	1	2	3	4	Оценки компонентов собственного вектора	Нормализованные оценки вектора приоритета
<i>Соответствие содержания проекта социальной политике</i>						
Создание инновационного молодежного парка отдыха	1	3	2	1/3	1,1862	0,2269
Проект создания сквера «Город мастеров»	1/3	1	2	1/4	0,6373	0,1219
Проект создания парка аттракционов	1/2	1/2	1	1/3	0,9530	0,1823
Проект создания культурно-спортивного комплекса под открытым небом	3	4	3	1	2,4495	0,4687
Сумма					5,226	
<i>Улучшение экологической обстановки в городе путем озеленения территории</i>						
Создание инновационного молодежного парка отдыха	1	2	4	4	2,2133	0,4902
Проект создания сквера «Город мастеров»	1/2	1	2	1	1,0	0,2214
Проект создания парка аттракционов	1/4	1/2	1	1	0,5946	0,1316
Проект создания культурно-спортивного комплекса под открытым небом	1/4	1	1	1	0,7071	0,1566
Сумма					4,515	
<i>Организация благоустроенной среды для жителей города</i>						
Создание инновационного молодежного парка отдыха	1	3	2	1	1,5651	0,3537
Проект создания сквера «Город мастеров»	1/3	1	2	1/2	0,7579	0,1713

Окончание табл. 4

Проект	1	2	3	4	Оценки компонентов собственного вектора	Нормализованные оценки вектора приоритета
Проект создания парка аттракционов	1/2	1/2	1	1/3	0,5359	0,1211
Проект создания культурно-спортивного комплекса под открытым небом	1	2	3	1	1,5651	0,3537
Сумма					4,424	
<i>Соответствие финансовым возможностям муниципального образования</i>						
Создание инновационного молодежного парка отдыха	1	1/3	1/2	3	0,8387	0,1666
Проект создания сквера «Город мастеров»	3	1	2	2	1,8612	0,3698
Проект создания парка аттракционов	2	1/2	1	1	1	0,1986
Проект создания культурно-спортивного комплекса под открытым небом	1/3	1/2	1	1	1,333	0,2648
Сумма					5,0329	
<i>Техническая реализуемость проекта</i>						
Создание инновационного молодежного парка отдыха	1	1/2	1	1/2	0,7071	0,1689
Проект создания сквера «Город мастеров»	2	1	2	1/3	1,0719	0,2561
Проект создания парка аттракционов	1	1/2	1	1	0,8408	0,2009
Проект создания культурно-спортивного комплекса под открытым небом	2	3	1	1	1,5651	0,3739
Сумма					4,1848	

Таблица 5

Расчёт глобального приоритета

Альтернативы	Критерии					Глобальные приоритеты
	Соответствие содержания проекта социальной политике	Организация благоустроенной среды для жителей города	Улучшение экологической обстановки в городе путем озеленения территории	Соответствие финансовым возможностям муниципального образования	Техническая реализуемость проекта	
	<i>Численное значение вектора приоритета</i>					
	0,07213	0,17429	0,03865	0,4500	0,2648	
Создание инновационного молодежного парка отдыха	0,2269	0,4902	0,3537	0,1666	0,1689	0,2351
Проект создания сквера «Город мастеров»	0,1219	0,2214	0,1713	0,3698	0,2561	0,2882
Проект создания парка аттракционов	0,1823	0,1316	0,1211	0,1986	0,2009	0,1833
Проект создания культурно-спортивного комплекса под открытым небом	0,4687	0,1566	0,3537	0,2648	0,3739	0,2929

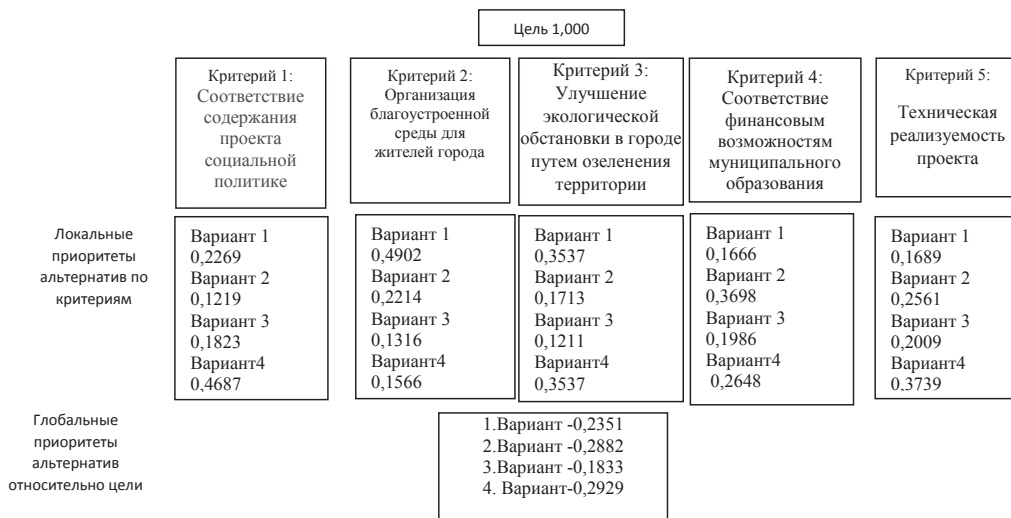

Рис. 2. Итоги применения метода анализа иерархий

Таблица 6

Оценка проектов по критерию отношения стоимость/эффективность

Проект	Стоимость проекта, руб.	Стоимость нормирования	Функция полезности	Отношение
Создание инновационного молодежного парка отдыха	2 500 000	0,2747	0,2351	0,8558
Проект создания сквера «Город мастеров»	1 950 000	0,2143	0,2882	1,3449
Проект создания парка аттракционов	2 850 000	0,3132	0,1833	0,5853
Проект создания культурно-спортивного комплекса под открытым небом	1 800 000	0,1978	0,2929	1,4808

Результаты

Учитывая выбранные критерии в целях организации благоустройства территории города, рекомендуется выбрать «Проект создания культурно-спортивного комплекса под открытым небом». В основе деятельности органов муниципальной власти должны лежать грамотно сформулированные приоритеты и цели, а также наиболее приемлемые альтернативные варианты достижения этих целей и критерии для их достижения.

Конечно, для окончательного принятия решения муниципальными органами власти требуется оценить эффективность инвестиционных проектов с использованием показателей чистого дисконтированного дохода,

индекса рентабельности, срока окупаемости и т. д.

Заключение

Таким образом, можно сказать, что метод анализа иерархий отличается высокой структурированностью и наглядностью, что позволяет его использовать в принятии решений на разных уровнях управления.

Уникальность данного метода заключается в том, что он является одновременно как качественным, так и количественным. Будучи в основе качественным, метод анализа иерархий позволяет количественно оценить приоритеты альтернативных управленческих решений органами муниципальной власти.

1. Атаманчук Г. В. Управление — фактор развития (размышления об управленческой деятельности). М., 2008. 279 с.

2. Ван С., Зубарик А. Ю., Мороз П. А. Алгоритм подготовки исходных данных для расчёта приоритетов по методу анализа иерархии // Прикладная математика и информатика: современные исследования в области естественных и технических наук : материалы IV науч.-практ. междунар. конф. (школы-семинара) молодых ученых : в 2 ч. Тольятти, 2018. С. 333—336.

3. Вернер А. А., Ступина Т. А. Использование метода анализа иерархий при решении многокритериальных задач // Материалы и методы инновационных исследований и разработок : сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. Уфа : Атерна, 2018. С. 48—52.

4. Вшивкова А. А., Степанова Н. Н. Применение метода анализа иерархий для построения интегрального показателя комплексной оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления // Научное творчество молодежи : материалы XX Всерос. науч.-практ. конф. Томск : Изд-во Томск. ун-та. 2016. С. 11—16.

5. Григорян Д. К. Принятие политических решений в контексте лидерско-элитного позиционирования в типологически различных политических режимах // Социум и власть. 2017. № 1 (63). С. 57—62.

6. Данышина А. А. Пути повышения эффективность разработки и принятия управленческих государственных решений в органах власти // Наука и инновации в XXI веке: актуальные вопросы, открытия и достижения : сб. ст. VII Междунар. науч.-практ. конф. : в 3 ч. Пенза : Наука и просвещение. 2017. С. 285—290

7. Дунская Л. К., Замотайлова Д. А. Обзор некоторых систем поддержки принятия решений на основе метода анализа иерархий // Информационное общество: современное состояние и перспективы развития : сб. материалов XI междунар. форума. Краснодар : КГАУ им. И. Т. Трубилина. 2018. С. 199—206.

8. Жигарь О. В. К вопросу о процессе разработки решений в органах управления // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 3 (294).

9. Казакова Н. Д., Денисова Ж. А. Управленческие решения в органах государственной власти // Вестник Московского государственного университета приборостроения и информатики. Серия: Социально-экономические науки. 2010. № 26. С. 93—103.

10. Латыпова В.А. О применении приближенных методов расчета в методе анализа иерархий // Наукоеведение. 2017. Т. 9. № 6. С. 128 . URL: <https://naukovedenie.ru/vol9-6.php> (дата обращения: 15.10.2018).

11. Магданов П. В. Управленческое решение: понятие и определение // Вестник ОГУ. 2011. № 8 (127). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/upravlencheskoe-reshenie-ponyatie-i-opredelenie> (дата обращения: 15.11.2018).

12. Меньшикова Г. А. Основы государственного и муниципального управления. Агенты и технологии принятия политических решений. М. : Юрайт, 2018. 387 с.

13. Охотский Е. В. Государственное управление в современной России. М., 2008. 380 с.

14. Портнягин А. И. Разработка управленческих решений в государственных органах: особенности, проблемы, пути повышения эффективности // Вестник РГГУ. Серия: Экономика. Управление. Право. 2013. № 6 (107). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razrabotka-upravlencheskih-resheniy-v-gosudarstvennyh-organah-osobennosti-problemy-puti-povysheniya-effektivnosti-1> (дата обращения: 15.11.2018).

15. Понкин С. В. Государственное управление зарубежных стран. М. : Книжный дом Университет. 2013. 496 с.

16. Приходько Е. С., Абакумов Р. Г. Управленческие решения как инструмент управления государственной собственностью // Инновационная наука. 2017. № 3-1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/upravlencheskie-resheniya-kak-instrument-upravleniya-gosudarstvennoy-sobstvennostyu> (дата обращения: 15.12.2018).

17. Руденко Л. С. 2010 Механизмы принятия управленческих решений в государственной гражданской службе : автореф. дис. ... канд. соц. наук. М., 2010. 36 с. URL: <http://www.dissercat.com/content/> (дата обращения: 05.12.2018).

18. Ряхская Т. В. Социальные последствия принятия управленческих решений на государственной гражданской службе // Среднерусский вестник общественных наук. 2017. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnyeposledstviya-prinyatiya-upravlencheskih-resheniy-na-gosudarstvennoy-grazhdanskoj-sluzhbe> (дата обращения: 15.12.2018).

19. Саати Т. Принятие решений, метод анализа иерархий. М., Радио и связь, 1993. URL: <http://rosculturexpertiza.ru/files/valuation/saati> (дата обращения: 10.12.2018).

20. Соловьев А. П. Принятие и исполнение государственных решений. М. : Аспект Пресс, 2014. 494 с.

21. Стопычева В. В. Экспертные методы как фактор разработки эффективных государственных управленческих решений // Теоретические и прикладные аспекты современной науки. 2014. № 1. С. 180—182.

22. Федорова Н. В., Шафорост Д. А., Антоненко Е. М., Коломийцева А. М., Утишева С. А. Применение метода анализа иерархий Саати к выбору стратегии утилизации отходов: экологическая, промышленная и энергетическая безопасность // Сборник статей по материалам научно-практической конференции с международным участием. Севастополь : СГУ, 2017. С. 1425—1431.

23. Шляхтина О. С., Сакова Т. Г. Принятие решений методом анализа иерархий // Проблемы развития предприятий: теория и практика : материалы 16-й междунар. науч.-практ. конф. : в 3 ч. Самара : СГЭУ, 2017. С. 211—214.

24. Эзбеева А. М. Условия и факторы качества управленческих государственных решений // Перспективы интеграции науки и практики. 2016. № 3. С. 33.

References

1. Atamanchuk G.V.(2008) Management is a factor of development (thinking about management).. Moscow, 279 p. [in Rus].

2. Van S., Zubarik A.Ju., Moroz P.A. (2018) Algoritm podgotovki ishodnyh dannyh dlja raschjota prioritetov po metodu analiza ierarhii // Prikladnaja matematika i informatika: sovremennye issledovanija v oblasti estestvennyh i tehničkih nauk. Tol'jatti, pp. 333—336 [in Rus].

3. Verner A.A., Stupina T.A. (2018) Ispol'zovanie metoda analiza ierarhij pri reshenii mnogokriterial'nyh zadach // Materialy i metody innovacionnyh issledovanij i razrabotok. Ufa, Aterna, pp. 48—52 [in Rus].

4. Vshivkova A.A., Stepanova N.N. (2016) Primenenie metoda analiza ierarhij dlja postroenija integral'nogo pokazatelya kompleksnoj ocenki jeffektivnosti dejatel'nosti organov mestnogo samoupravlenija // Nauchnoe tvorčestvo molodezhi. Tomsk, Izdatel'stvo Tomskogo universiteta. pp. 1—16 [in Rus].

5. Grigorjan D. K. (2017) *Socium i vlast'*, no. 1 (63), pp. 57—62 [in Rus].

6. Dan'shina A.A. (2017) Puti povyshenija jeffektivnost' razrabotki i prinjatija upravlencheskih gosudarstvennyh reshenij v organah vlasti // Nauka i innovacii v XXI veke: aktual'nye voprosy, otkrytija i dostizhenija. Penza, Nauka i prosveshhenie, pp. 285—290 [in Rus].

7. Dunskaia L.K., Zamotajlova D.A. (2018) Obzor nekotoryh sistem podderzhki prinjatija reshenij na osnove metoda analiza ierarhij // Informacionnoe obshhestvo: sovremennoe sostojanie i perspektivy razvitija. Krasnodar, KGAU im. I.T. Trubilina, pp. 199—206 [in Rus].

8. Zhigar' O. V. (2013) *Vestnik ChelGU*, no. 3 (294) [in Rus].

9. 1 stat'ja Kazakova N.D., Denisova Zh.A.(2010) *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta priborostroenija i informatiki. Serija: Social'no-jeconomicheskie nauki*, no. 26, pp. 93—103 [in Rus].

10. Latypova V.A. (2017) *Naukovedenie*, vol. 9, no. 6, pp.128. Available at: <http://naukovedenie.ru/vol9-6.php>, accessed 15.11.2018 [in Rus].

11. Magdanov P. V. (2011) *Vestnik OGU*, no. 8 (127). Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/upravlencheskoe-reshenie-ponyatie-i-opredelenie>, accessed 15.11.2018 [in Rus].

12. Men'shikova G. A. (2018) Osnovy gosudarstvennogo i municipal'nogo upravlenija. Agenty i tehnologii prinjatija političeskikh reshenij. Moscow, Jurajt, 387 p. [in Rus].

13. Portnjagin A. I. (2013) *Vestnik RGGU. Serija Jekonomika. Upravlenie. Pravo*, no. 6 (107). Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/razrabotka-upravlencheskih-reshenij-v-gosudarstvennyh-organah-osobennosti-problemy-puti-povysheniya-effektivnosti-1>, accessed 15.11.2018 [in Rus].

14. Okhotsky E.V. (2008) State administration in modern Russia. Moscow, 380 p. [in Rus].

15. Ponkin S.V. (2013) Gosudarstvennoe upravlenie zarubezhnyh stran. Moscow, Knizhnyj dom Universitet, 496 p. [in Rus].

16. Prihod'ko E.S., Abakumov R.G. (2017) . *Innovacionnaja nauka*, no. 3-1. Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/upravlencheskie-resheniya-kak-instrument-upravleniya-gosudarstvennoy-sobstvennostyu>, accessed 15.12.2018 [in Rus].

17. Rudenko L. S. (2010) Mehanizmy prinjatija upravlencheskih reshenij v gosudarstvennoj grazhdanskoj sluzhbe. Moscow, 36 p. Available at: <http://www.dissertacat.com/content>, accessed 05.12.2018 [in Rus].

18. Rjazhskaja T. V. (2017) *Srednerusskij vestnik obshhestvennyh nauk*, no. 3. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-posledstviya-prinyatiya-upravlencheskih-reshenij-nag-osudarstvennoy-grazhdanskoj-sluzhbe>, accessed 15.12.2018 [in Rus].

19. Saati T. (1993) Prinjatie reshenij, metod analiza ierarhij. Moscow, Radio i svjaz'. Available at: <http://rosculturexpertiza.ru/files/valuation/saati.>, accessed 10.10.2018 [in Rus].

20. Solov'ev A.P. (2014) Prinjatie i ispolnenie gosudarstvennyh reshenij. Moscow, Aspekt Press, 494 p. [in Rus].

21. Stopycheva V.V. (2014) *Teoreticheskie i prikladnye aspekty sovremennoj nauki*, no. 1, pp. 180—182[in Rus].

22. Fedorova N.V., Shaforost D.A., Antonenko E.M., Kolomijceva A.M., Utisheva S.A. (2017) Primenenie metoda analiza ierarhij Saati k vyboru strategiiutilizacii othodov: jekologičeskaja, promyslennaja i jenergetičeskaja bezopasnost' [Application of the Saaty hierarchy analysis method to the choice of a waste management strategy: environmental, industrial and energy security] // Sbornik statej po materialam nauchno-praktičeskoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem. Sevastopol', SGU, pp. 1425—1431 [in Rus].

23. Shljahtina O.S., Sakova T.G. (2017) Prinjatie reshenij metodom analiza ierarhij // Problemy razvitija predpriyatij: teorija i praktika. Samara, SGJeU, pp. 211—214 [in Rus].

24. Jebzeeva A.M. (2016) *Perspektivy integracii nauki i praktiki*, no. 3, p. 33 [in Rus].

For citing: Buryanina O.A., Abramkina S.R.
Methods of making managerial decisions
in local government //
Socium i vlast'. 2019. № 1 (75). P. 91—101.

UDC 338.24

METHODS OF MAKING MANAGERIAL DECISIONS IN LOCAL GOVERNMENT

Oksana A. Buryanina,

the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,
Chelyabinsk branch,
Cand.Sc. (Economics).
Russian Federation, 454071, Chelyabinsk,
ulitsa Komarova, 26.
E-mail: buba.79.79@mail.ru

Svetlana R. Abramkina,

the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,
Chelyabinsk branch,
Cand.Sc. (Economics), Associate Professor.
Russian Federation, 454071, Chelyabinsk,
ulitsa Komarova, 26.
E-mail: abramkin@list.ru

Abstract

Introduction. Officials in municipal authorities substantiate various options for managerial decisions, seeking alternatives for temporary implementation and resource support.

The aim. This article is devoted to the problem of choosing effective methods of managerial decision-making by local authorities.

Methods. The authors made an attempt to systematize the theoretical and practical experience of applying the method of analyzing hierarchies to solve the problem of multi-criteria decision making under uncertainty. The article studies the use of expert methods in the development of municipal managerial decisions, identifies the stages of development and management decision making.

Scientific novelty of the study. The method of analyzing the hierarchy when choosing contractors that offer different projects for improving the city is considered. In this case, the selection criteria are the compliance of the project content with social policy; improvement of the environmental situation in the city by means of greening; compliance with the financial capacity of the budget, etc.

Results. As a result of the study, the authors get a quantitative assessment of the most preferable choice from the alternative solutions considered.

Conclusions. Based on the analysis, the authors come to the conclusion that it is necessary to improve the system of expert methods used in the process of developing and implementing municipal managerial decisions.

Key concepts:

managerial decisions in local government, method of analyzing hierarchies, expert decision-making methods, choosing an investment project, economic efficiency.

Для цитирования: Апухтина Н. Г., Дыдров А. А.,
Емченко Е. П., Соломко Д. В.
Экологизация человека как диалог ценностей
сохранения и изменения // Социум и власть. 2019. № 1 (75). С. 102—111.

УДК 101.2

ЭКОЛОГИЗАЦИЯ ЧЕЛОВЕКА КАК ДИАЛОГ ЦЕННОСТЕЙ СОХРАНЕНИЯ И ИЗМЕНЕНИЯ

Апухтина Нина Георгиевна,

Челябинский государственный
институт культуры,
профессор кафедры философских наук,
доктор философских наук.
Российская Федерация, 454091, г. Челябинск,
ул. Орджоникидзе, д. 36а.
E-mail: kaf-fil@chgaki.ru

Дыдров Артур Александрович,

Южно-Уральский государственный
университет (НИУ),
доцент кафедры философии,
кандидат философских наук, доцент.
Российская Федерация, 454080, г. Челябинск,
пр. Ленина, д. 76.
E-mail: zenonstoik@mail.ru

Емченко Евгения Павловна,

Южно-Уральский государственный
университет (НИУ),
доцент кафедры философии,
кандидат философских наук, доцент.
Российская Федерация, 454080, г. Челябинск,
пр. Ленина, д. 76.
E-mail: jemchenko@mail.ru

Соломко Дмитрий Витальевич,

Южно-Уральский государственный
университет (НИУ),
доцент кафедры философии,
кандидат философских наук, доцент.
Российская Федерация, 454080, г. Челябинск,
пр. Ленина, д. 76.
E-mail: dimiurg85@mail.ru

Аннотация

В ситуации ценностного конфликта между инновациями (проективным, вещным) и сохранностью отношений в системе «человек — природа», «экогуманистикой» и «техногуманистикой» возникает проблема сохранения и развития человеческого в человеке. На основе аксиологического и синергетического подходов, позволяющих рассмотреть современное образование как пространство самоидентификации и смыслового наполнения персонального жизненного проекта, осуществлена попытка обозначить перспективы гуманитарного знания, образовательных практик в возможности воспитания культуры глобального мышления как ценностно-смыслового проекта «человек — природа». Научная новизна исследования заключается в постановке проблемы применения философско-образовательных технологий как возможности сохранения ценности индивидуально-личного бытия человека, его материально-телесной природы, где философское знание и социально-гуманитарные науки должны формировать способность человека к мышлению в системах «я — другой человек» и «человек — природа». Обращение к личному опыту человека видится наиболее эффективным методом воспитания такого мышления.

Ключевые понятия:

экологизация человека,
ценности сохранения,
инновационные ценности,
«экологическая мораль»,
«экогуманистика»,
«техногуманистика»,
техносреда,
синергичная антропология.

Сегодня в эпоху господства ценностей инновационного развития, когда от человека требуется непрерывное проявление его креативности и способности адаптироваться к переменам, под угрозой оказывается ценностно-смысловое содержание индивидуального бытия человека, его самосознание и самобытность. Человек оказался в ситуации, которую в различных дискурсах обозначают как «постчеловеческую» и характеризуют как время «конца человека». Однако данная ситуация есть логичное следствие общего вектора деятельности человека в последние два столетия. Современный человек становится заложником созданной им же самой ситуации конфликта инновационных ценностей и ценностей сохранения сложившихся отношений. С одной стороны, человек смотрит на природу как на ресурс, не имеющий собственной, внутренней ценности, а с другой стороны, заботится о ее сохранении.

Сегодня человеком создается социальная среда, в которой преобладают общественно-технические отношения, изменяющие не только конфигурации мира культуры, но и самого человека «доэлектронной» эры специфически присущим технике образом. Речь идет о тенденции «технизации человека», в которой обозначается различными дискурсами (например, трансгуманизм и иммортология) стирание границ между человеком и техникой. Дискурсы «постгуманизма» призывают к трансформации природы человека технико-технологическими средствами (нанотехнологии, технологии трансплантации, генная инженерия) ради преодоления биологической и интеллектуальной ограниченности человека, его болезней, патологий, старения и смерти. В современной ситуации актуализируется вопрос о сохранении человеческого в человеке, или «экологизации» человека. Сегодня термины «эко», «экология», «экологизация» и т. п. широко используются не только в естественнонаучном, но и социально-гуманитарном знании. Вариациями философского осмысления «экологизации» человека являются позиция В. А. Кутырева о возможности обеспечения существования «*Homo vitae sapiens*» в современном технизированном мире и некоторые идеи филолога и философа М. Н. Эпштейна об «эко» в социально-гуманитарном контексте.

М. Н. Эпштейн, используя в своих трудах префикс «эко», довольно часто состыковывает его с другими словами для образования так называемых сложносоставных терминов — «экотекстология», «экогуманистика»,

«экофашизм», «экоцид». Необходимость конструирования новых понятий обосновывается Эпштейном их эвристическим потенциалом для пробуждения теоретического воображения исследователей, а также методологического обновления гуманитарных наук. Однако термин «эко» как самостоятельный термин в работах Эпштейна практически не встречается и его значение специально не уточняется. Это может породить иллюзию очевидности заложенного в нем смысла.

Вообще термин «эко» образуется от греческого слова «эйкос», или «oikos», которое означает «дом», «хозяйство», «храм». Однако, как замечает Эпштейн, в связи с возникновением термина «экология» и того значения, которое вложил в него автор — зоолог Эрнст Геккель, «эйкос» стал означать природную среду обитания [9, с. 183]. При этом значение слова «эйкос», данное в традиционном переводе, не пропадает, а становится основой в понимании отношения «человек — природа», отношения к природе как к своему дому или хозяйству.

Именно в этом наиболее употребительном смысле термин «экология» используется сегодня. Как отмечает Эпштейн, сам по себе термин «экология» может буквально означать «среду обитания слова», «эйкос логоса», «ойкумену слова», а может употребляться и в том значении, которое вкладывал Э. Геккель, [9, с. 183] То есть термин «эко» употребляется в значении «природная среда обитания», где слово «природная» является важным: природная = естественная, существующая на собственных основаниях и внешняя по отношению к чему-либо или природная = соответствующая природе какого-либо объекта, то есть имманентная, присущая ему.

М. Н. Эпштейн считает, что природная среда обитания есть внутрикультурный феномен, что «природа именно в своем экологическом (а не космическом, физическом или биологическом) аспекте и есть создание культуры» [9, с. 186]. Обосновывая это тем, что природа, рассматриваемая в контексте культуры, неизбежно «прочитывается как система знаков, которые в то же время не являются только знаками, но особой самозначащей реальностью» [9, с. 188]. Как считает Эпштейн, экология (в большей степени) — это гуманитарная наука, а не естественная, предметом которой является «не природа как таковая, а природа в качестве среды человеческого обитания» [9, с. 185]. Именно человек, по мнению Эпштейна, посредством своих культурных и технических

практик, выделяя себя из природы, превращает природу в окружающую среду, т. е. «феномен, взятый целиком по отношению к культуре» [9, с. 185].

Однако парадоксальным образом «культура, провозглашая свою окруженность природой, фактически сама ее окружает» [9, с. 185]. Природа переживает последствия потребительского отношения — *экоцид*, ставший результатом социально-экономического и технического «варварства». Поэтому природа по отношению к культуре и некоторым техническим инновациям становится предметом именно экологического внимания — заботы, попечения, сбережения и сохранения. Возникают такие словосочетания, как «экологическая мораль» и «экологические тормоза техники». Экологическая мораль «предполагает не отказ от техники, а развитие более тонких и безотходных технологий» [9, с. 159]. Иными словами, «индустриальное общество разрушает природу, а более развитое, постиндустриальное общество, начинает ее беречь и восстанавливать» [9, с. 159]. Понятие «экологические тормоза техники» означает то, что техника постиндустриального общества в своем развитии должна выйти на более высокий и продвинутый уровень, когда техника могла бы «детехнологизировать себя», не в смысле полного отказа, но выйти к более «чистым» технологиям. Когда техника не истощает, но защищает окружающую среду.

Экологическое внимание в общеметодологическом плане обращено к началам, основам и условиям исследуемого предмета. К тем основам, которые делают возможным практически любой вид человеческой деятельности, например, «текстовую деятельность, языковую артикуляцию и которые лишь на позднейшем этапе сами становятся предметом такой артикуляции» [9, с. 182]. В общечеловеческом масштабе такой основой по отношению к культуре, предшествующей ей и делающей ее возможной, является, по мнению Эпштейна, природа, понимаемая как среда человеческого обитания.

С одной стороны, термин «эко» используется Эпштейном как то, что способно указать на основание чего-либо, в смысле начал, основ или условий. Будь то, природа по отношению к культуре или область «внезапного, окружающая текст», или же «бытие в его присутствии и отличии от сущего» [9, с. 190]. При этом, предполагая совершенно определенное отношение — заботы, сохранения, сбережения — отношение сосуществования без потери самобытных свойств

друг друга. С другой стороны, «эко» есть то, что само может стать подобным основанием. Как, например, основание одной из предлагаемых Эпштейном концепций «экогуманистика» [10; 11]. М. Н. Эпштейн рассматривает экогуманистику как самостоятельное междисциплинарное проблемное поле, изучающее некоторые промежуточные между природой и культурой формы и признаки человеческого, остающиеся за пределами техносреды — рукописание, чтение печатных изданий, прикосновение, объятие и т. д.

В связи с развитием техносферы и постоянного совершенствования технических средств, которые берут на себя многие человеческие функции, «биологический» человек в перспективе будет все чаще становиться объектом экологического внимания. Как пишет Эпштейн, к «доэлектронному» человеку будет устанавливаться отношение как к исчезающему виду. Соответственно этому отношению и возникает экогуманистика как теория и практика сохранения, сбережения и «музеефикации» человеческого. Экогуманистика — «ниша «естественного» человека» [10, с. 129].

Наряду с экогуманистикой Эпштейн выделяет еще одно направление — техногуманистику, изучающую «человеческое, которое интегрируется в техносферу...» [11]. Предметом изучения становятся те функции человека, которые он сам передает технике, которые интегрируются с ней, образуя так называемые «техно-организмы», и которые далее способны развиваться самостоятельно вне зависимости от воли человека. «Техногуманистика рассматривает человека в ряду не вразумных форм жизни (растений и животных), но внебиологических форм разума, — как элемент некоей более общей реальности, как «одного из»: в ряду киборгов (киберорганизмов), гуманоидов, роботов» [10, с. 126].

Оба направления изучают специфику человека как создателя техносреды. В первом случае предмет изучения — человек как часть природы (человечески формируемой среды), во втором — человек как часть технически формируемой среды. То есть в обоих случаях гуманистика есть человековедение, знание о человеке в его отношении к «техно» как к особому самостоятельному порождению культуры. В этом отношении выделяются следующие аспекты.

По мнению М. Н. Эпштейна, техника — это не то, от чего нужно отказываться и с чем нужно сражаться, чтобы раз и навсегда уничтожить ее любыми способами. Такая позиция репрессивных мер против

цивилизации ценой подавления человека названа «экофашизмом». В этой идеологии охрана природной среды стоит выше задач сохранения человека. Данная позиция может привести к самоистреблению человеческого рода. Но и она не безосновательна. По мнению М. Н. Эпштейна, состояние современной цивилизации можно обозначить таким понятием как «хоррор» (от лат. *horror* — ужас), когда цивилизация «боится сама себя, так как любые ее достижения могут быть использованы для ее разрушения» [11]. Человек становится заложником сотворенной им же цивилизации.

Техногуманистика и экогуманистика обращают внимание человека на его подлинный потенциал — «способность создавать нечто, независимое от воли создателя» [11]. Оба направления указывают на то, что потенциал человека может быть направлен как во вне (создание разумных машин), так и на самого человека в целях самотрансформации за счет технических средств (создание кибернетических организмов) или сохранения и сбережения человеческого («технически неусовершенствованный человек») с учетом возможной перспективы кенозиса как крайней опасности для человека. В связи с этим, способы сосуществования человека и техники Эпштейном обозначаются по-разному. Согласно экогуманистической идеологии, человек должен «экологизироваться», то есть, во-первых, сохранить традиционные практики (например, рукописание), а, во-вторых, в известной мере дистанцироваться от техники. Согласно техногуманистической идеологии, технизация человека и гуманизация техники — это исторические процессы, не описываемые традиционными бинарными оппозициями (добро — зло, хорошо — плохо и т. д.). О позитивных вариантах синтеза экогуманистики и техногуманистики и, соответственно векторов развития человеческой цивилизации, М. Н. Эпштейн умалчивает [4, с. 230—456; 10].

Таким образом, значение термина «эко», которое имеется в виду М. Н. Эпштейном, может быть определено, с одной стороны, как то, что означает «природную среду человеческого обитания», понимаемую как начальные условия и основания культурной деятельности человека. С другой, термин «эко» отсылает к началам, условиям и основам чего-либо вообще, к тому, что Эпштейн называет «чистым» и предлагает сделать теоретической основой мыследеятельности в науках о культуре. В первом случае «эко» относится к реальной природной среде обита-

ния человека как условию его культурной деятельности (не теоретической, а любой, которую он осуществляет как действительное культурное существо). Во втором случае речь идет об «эко» как *теоретической* основе (то есть об исходных теоретических основаниях, принципиальных теоретических установках) мыследеятельности, уровне теоретического осмысления вопросов об отношении человека и техники, природы, культуры. Значит, это отношение деятельности как культурной практики (во всех ее измерениях) и теории: первое определение относится к культурной практике человека в его реальной жизни, второе — к теоретической деятельности в науке.

М. Н. Эпштейн сводит «экологизацию человека» к сохранению «биологического» человека в «резервациях» техномира. Философа куда больше интересует вопрос о том, как превзойти человека. Вступая в дискуссию, В. А. Кутырев в этом вопросе, оставаясь на позициях традиционной антропологии, отдает предпочтение «био», живому началу, утверждая, что перспектива, нарисованная М. Н. Эпштейном, так же как и позиция постмодернистов и трансгуманистов, указывает на идею «конца человека» и возникновение «постчеловека». В. А. Кутырев призывает человека к «остановке», к продумыванию возможных перспектив взаимоотношений человека и техники. Философ ставит во главу угла ценность сохранения биологического в человеке ради существования «*Homo vitae sapiens*».

Отсюда понимание «эко» предполагает не только музеефикацию человеческого, связанную с его удержанием в состоянии неприкосновенности, но и сохранение через активное воспроизводство и развитие потенциала природы человека в актуальной ситуации. В этом смысле, к примеру, биологическое тело человека становится своеобразным социальным и культурным телом (это своеобразное расширение возможностей природной телесности, снятие ее ограничений), постоянно стремящимся сохранить свою социально-культурную актуальность, творчески реализовав, но при этом сохранив свою биологическую и физическую данность. Кроме этого, термин «эко», указывая на понятие «чистое», вместе с этим указывает и на понятие «граница» [9, с. 190]. Это значит, что ориентация на «эко» может быть положена и в основу разработки возможного варианта позитивного синтеза и консонанса инновационных ценностей и ценностей сохранения. Термин «эко» указывает не на возврат к природе, что окажется

губительным для культуры, ориентация на «эко» есть «поступательное движение культуры, спасающей природу в себе и для себя» [9, с. 216].

Философский подход к обозначенным векторам развития человека (экологизации и технизации) не может сводиться к решению вопроса о материально-телесной природе человека. В дискурсе М. Н. Эпштейна сконструирован образ человека, доживающего свои дни в «резервациях» техносреды. Этот образ вполне соответствует логике рассуждения философа: согласно библейской традиции, человек был наделен свободой воли и, следовательно, мог отвернуться от творца. У человека нет никаких веских причин для удержания техники в строго отведенных ей рамках. Сотворенная человеком техносфера в известной мере независима от воли создателя и в перспективе может от него *отказаться*. Биологическое в человеке сохранится особым способом, — оно будет «музеефицировано». Музеефикация человеческого интерпретируется М. Н. Эпштейном как естественно-исторический процесс и охватывает множество видов и способов деятельности (например, рукописание). Для В. А. Кутырева процесс музеефикации человеческого (прежде всего, биологического) не является естественным. Стратегия преодоления человеческого является предметом пристального внимания так называемой «консервативной», или «архео-авангардистской» философии.

Признавая важность предмета длительной философской дискуссии, нужно помнить о том, что статус биологического в человеке не однозначен. В современной философской антропологии произошел отход от понятия сущности человека. В нем, по мнению С. С. Хоружего, «просто не возникает необходимости» [8, с. 99]. С отказом философской антропологии от понятия сущности человека обостряется известная проблема: имеет ли смысл считать биологическое сущностно человеческим? Если человек (по крайней мере, в дискурсах современной философской антропологии) рассматривается как множество энергий, «открытая формация» [8, с. 98], то ему нельзя *отказаться* в возможности *трансформироваться, перестроиться, деформироваться* и даже *расформировать* себя. Вопросы об экологизации и технизации человека, о ценности биологического в человеке не могут, в конечном счете, однозначно решиться ни синергической антропологией, ни иными антропологическими концепциями.

Дискуссионные вопросы еще долго не найдут ответа. Однако они в известной

мере обостряются в связи с претензиями общественных движений и организаций, проводящих в жизнь идею радикального преобразования человеческой природы. Для идеологов трансгуманизма (Д. И. Ицкова, В. В. Удаловой, Д. И. Дубровского и др.) преодоление биологической природы человека является главной ценностью изменения. Современные идеологии, выросшие на почве западного трансгуманизма, убеждают человека в том, что отказ от тела не только возможен, но и желателен. По мере развития высоких технологий (нано-, крио-, инфо-, когнитивных) человек сможет совершить э(ре)волюционный скачок из царства биологической необходимости в царство свободы. Нетрудно заметить, что философская позиция М. Н. Эпштейна близка к обозначенной. Для обоснования своей точки зрения, в отличие от трансгуманистов, философ не пользуется данными технических наук, сохраняя при этом настрой постгуманистических идеологий. И философия М. Н. Эпштейна, и идеология трансгуманизма, и консервативная философия В. А. Кутырева имеют как минимум одно общее место: в фокусе их внимания находится тело. Следует оговориться, что В. А. Кутырёв рассуждает о «жизненном мире», однако не совершает одного очень важного шага — перехода от схемы-концепции к собственно человеку во всей его уникальности и единичности, целостности и универсальности. По-видимому, исследователь не ставил себе этой задачи.

Вопрос о ценностях должен решаться не только в сфере академической философии (равно как и науки), но и в сфере индивидуально-личного бытия человека. К самому этому вопросу человека можно и нужно подтолкнуть, так как в эпицентре борьбы различных концептуальных схем и идеологий оказывается не только будущее человечества, но и личная жизнь индивида. Чтобы ответить на вопрос о том, следует ли сохраниться человеку, нужно для начала ответить на вопрос: «хочу ли сохраниться я», спросить себя о подлинно ценном в жизни. Этот вопрос является по своей сути экзистенциальным. Однако это вовсе не значит, что человека не нужно побудить, во-первых, к вопрошанию, а во-вторых, к серьезному, основательному ответу на один из смысложизненных вопросов. Принципиально важно определиться не только с тем, как подтолкнуть человека к вопросу о самоопределении, но и с тем, где это возможно сделать. Ответ на первый вопрос требует четкого понимания способов и средств,

помогающих достичь поставленной цели. Ответ на второй вопрос предполагает определение места (сферы, области), пространства вопрошания. Образование, на наш взгляд, является пространством для изменения и самоизменения человека, стимулирующим мышление и побуждающим к ответу на вопросы «кто я?», «чего я хочу?», «каким я себя вижу?» и др.

Образование побуждает человека к самостоятельному определению стратегии своей собственной жизни и вместе с тем побуждает его решать новые и новые задачи. Для того чтобы обособить разговор об образовании, необходимо указать на некоторые принципиально важные в данном контексте моменты: во-первых, образование — это одновременно сфера изменения и сфера сохранения. Оно учит меняться, решать возникающие проблемы, но при этом сохранять определенные личностные качества. Во-вторых, оно обращено к я и требует от я ответа на возникающие вопросы. В-третьих, образование одновременно связано с материально-вещественным и ценностно-смысловым уровнями бытия. Можно сказать, что второй из обозначенных уровней нигде не раскрывается в такой степени, как в образовательно-воспитательной сфере.

Принципиально важно и то, что образование вовлекает человека в общение с миром и самим собой. Образование не только и не столько предоставляет выбор (что знать и чему научиться), сколько дает возможность самому человеку формировать отношение к жизни, выбирать путь собственного развития. В философско-антропологической интерпретации образование можно понимать как сферу самостроительства личности. Такая предельно широкая трактовка восходит еще к Платону, высказавшему в «Государстве» известную мысль о просвещении. Образование не сводится и не должно сводиться к «вкладыванию» зрения в слепые глаза, оно — сфера постоянного приложения усилий по самопроектированию. Находясь в образовательной среде, человек контактирует с различными дискурсами — политики, экономики, художественного творчества, науки, религии и философии. В условиях дискурсивного плюрализма впервые четко проявляется потребность человека в самоидентификации и самоузнавании. Самоидентификация (хотя бы незавершенная) фундирует персональный жизненный проект. Образование позволяет наполнить этот проект ценностью и смыслом [1, с. 91—97].

Факт, что образование нельзя «вложить», подобно зрению, уже давно осознан

в социально-гуманитарной научной и философской мысли. Перефразируя М. Хайдеггера, можно сказать, что «вложенное» знание «поспешно забывается» [7]. В этой связи, пожалуй, одна из наиболее трудных проблем заключается в том, чтобы побудить человека с его персональным жизненным проектом открыться навстречу новому знанию, ценностям и смыслам. Только в этом случае — случае открытия и взаимной встречи — возможно личностное образование [6, с. 73]. Теория и практика педагогики направлена, в самом общем смысле, на побуждение человека к самоизменению, личностному росту. Между тем, многочисленные педагогические методики и технологии разрабатываются для того, чтобы обеспечить интерес учащихся к предмету. Масштабное реформирование образования должно осуществляться не только в векторе демонтажа традиционных социальных институтов, но и в векторе содержания образовательных практик, их ценностно-смысловой сущности.

Основными трендами современного образования, развитие которых можно с уверенностью ожидать в перспективе, являются интернетизация [15, pp. 423—425] и виртуализация [15, pp. 1419—1420], проектное обучение (project-based learning) [17; 19, pp. 589—592; 16, pp. 769—783], игрофикация [14, pp. 359—363], транспрофессионализм [21, pp. 9137—9143], универсальность [13, pp. 468—483], продуктоориентированность, появление персональных образовательных маршрутов и образование через всю жизнь. Каждый из обозначенных трендов непосредственно воздействует не только на существующие образовательные институты, но и на способы существования человека. Общеизвестно, например, что транспрофессионализм предполагает владение особым набором качеств: психологической готовностью к переменам, готовностью к работе в различных социальных сферах, коммуникабельностью, инициативностью и т. д. В социально-прогностической литературе (см., напр., «Будущее образования. Глобальная повестка», «Образование 2030. Дорожная карта» и др.) компетенции транспрофессионала идентичны компетенциям успешного предпринимателя или бизнесмена.

В зарождающихся новых условиях человеку предстоит еще более сложный и ответственный выбор своей «персональной траектории», нежели это было в традиционных образовательных системах. Вопреки распространенным пессимистическим суждениям о кризисе гуманитарных областей знания, мы считаем, что они найдут свою

нишу в условиях масштабных социальных перемен. Гуманитарные области знания должны будут вывести ценностно-смысловой уровень бытия из тени и помочь человеку в самоопределении. Ориентация гуманистики на нужды и запросы личности будет конфликтовать с традиционными способами репрезентации гуманитарных наук, традиционными социальными институтами и социальными ролями. Традиционные способы репрезентации — конференции, организация научных обществ, публикации научных статей, монографические исследования — могут отойти на второй план и будут необходимы только для обмена опытом между учеными. Традиционным социальным институтам (школе, вузу, академии наук и т. д.) необходимо будет перестроиться, чтобы соответствовать инновационной эпохе. Традиционные роли учителя и ученика могут остаться в прошлом. Уже сегодня эти роли меняются, и на месте ученика оказывается автор научно-исследовательского проекта, а на месте учителя — тьютор. Основные тенденции развития гуманитарных наук — ориентация на запросы и обращение к персональному опыту человека, практико-ориентированность, результирование и популяризация содержания результатов исследований — в будущем могут стать привычными.

Только обращенное к человеку образование реально может вернуть статус ценностно-смыслового уровня жизни и вместе с тем позволит человеку выйти за границы личных прагматических интересов. Одна из приоритетных задач гуманитарного знания заключается в воспитании культуры глобального мышления. В самом общем виде, глобальное мышление — это мышление в системе «человек — планета». Переходным уровнем к глобальному мышлению является мышление в системах «человек — человек», «человек — природа». Еще в прошлом столетии Н. Н. Моисеев предлагал соблюдать условия «экологического императива» [5, с. 187], Р. Борден — побуждать человека к «экологическому корректирующему поведению» [12, р. 14—19], Д. Нэш — к синтезу экологической ответственности и христианского мировоззрения [18, р. 98—135].

Решение обозначенной задачи предполагает постепенное формирование новой картины мира человека, включающей в себя переоценку ценностей инновационного, проективного и вещного. Формирование глобального мышления необходимо в условиях расширения информационного пространства, увеличения скорости коммуникационных процессов, культурного диа-

лога между цивилизациями. Концентрация мысли на я может привести к непоправимым последствиям. Философия и социально-гуманитарные науки должны формировать способность человека к мышлению в системах «я — другой человек» и «человек — природа». Обращение к личному опыту человека видится наиболее эффективным методом воспитания такого мышления.

Экологизация человека связана не только с сохранением биологического в человеке и по сути своей не сводится к консервации материально-телесной организации человека. Предметом сохранения и заботы должна быть свобода в самоопределении. Данный ответ нуждается в пояснении: самоопределение предполагает самостоятельность в принятии решений и мышлении, а также осознанность в выборе человеком способов и средств реализации персонального жизненного проекта. Точка зрения М. Хайдеггера, утверждавшего, что человек может раствориться в модусе «людей», в публичной усредненности, представляется вполне обоснованной. В таком случае одним из препятствий на пути к самоопределению является не критическое отношение к смыслу, циркулирующим в пространстве публичности.

Образование является благоприятной средой, в которой экологизация человека становится возможной в качестве практики самостроительства человека. В образовании, понимаемом как исторически развивающаяся институциональная система, циркулируют различные дискурсы, способы мышления, репрезентируются различные способы отношения к миру. Это помогает человеку мыслить в системе «человек — другой человек». Столь же очевидно, что образование требует от человека сознательного выбора направления самообразования, требует соответствия внешним условиям и вместе с тем побуждает к постоянной самооценке. В эпоху инноваций осмысление собственных поступков и ответственность за собственные деяния становятся принципиально важными — в противном случае безответственное отношение к другому человеку или природе может привести к непоправимым последствиям. У образования есть потенциал для формирования оптимального сосуществования ценностей изменения и ценностей сохранения. Оно учит постоянно меняться, обновляться, но вместе с тем оставаться человеком.

В условиях масштабных реформ принципиально важно определение перспективы образования: должно ли оно побуждать

человека к производству инноваций в ущерб ценности осмысления? Должно ли возводить проектную работу в культ? Должно ли связывать культуру самостоятельности только с умением грамотно организовывать предпринимательскую деятельность, но не со способностью четко и внятно ответить на вопросы: «что я делаю?» и «ради чего я это делаю?». Оптимальное сосуществование материально-предметного (вещного) и ценностно-смыслового уровней жизни невозможно без их переориентации на нужды и запросы человека, на обращение к его я и на подготовку человека к будущему. Миссия гуманитарных наук и философии выражается сегодня в формировании глобального мышления, в интеграции человека в систему «человек — планета». Формирование экологизации человека возможно лишь на прочном ценностно-смысловом фундаменте.

Современные технологии дают необходимые возможности для интеграции гуманитарного знания в жизненный мир человека. Кроме того, на гуманитарное знание есть запрос. Вопрос, на который следует ответить, состоит в том, смогут ли гуманитарии своевременно ответить на социокультурный запрос начала XXI в.

1. Александрова Л. Д., Трушников Е. Л. Философское прогнозирование будущего и трансформация телесности в контексте цифровой культуры // Социум и власть. 2018. № 6 (74). С. 91—97.

2. Кутырёв В. А. Бытие или ничто. М. ; Берлин : Директ-Медиа, 2015. 880 с.

3. Кутырёв В. А. Философский образ нашего времени (безжизненное пространство постчеловечества). Смоленск, 2006. 301 с.

4. Лем С. Фантастика и футурология : в 2 кн. Кн. 1. М. : АСТ : Хранитель, 2008. 591 с.

5. Семёнова Т. Н. Формирование экологического императива в курсе преподавания философии (экологический потенциал курса философии) // Труды Российского государственного университета нефти и газа им. И. М. Губкина. 2010. № 3 (260). С. 179—188.

6. Хайдеггер М. Бытие и время. Харьков : Фолио, 2003. 503 с.

7. Хайдеггер М. Отрешенность. URL: <http://lib.ru/HEIDEGGER/gelassen.txt> (дата обращения: 18.01.2019).

8. Хоружий С. С. Синергичная антропология. Томские лекции // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2009. № 2 (6). С. 97—132.

9. Эпштейн М. Н. Знак пробела: о будущем гуманитарных наук. URL: <http://www.klex.ru/fqx> (дата обращения: 18.01.2019).

10. Эпштейн М. Н. От знания к творчеству. Как гуманитарные науки могут изменять мир. М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2016. 480 с.

11. Эпштейн М. Н. Проективный словарь гуманитарных наук. URL: <http://iknigi.net/avtor-mihail-epshteyn/132082-proektivnyy-slovar-gumanitarnyh-nauk-mihail-epshteyn/read/page-31.html> (дата обращения: 15.01.2019).

12. Borden R. J. Psychology and Ecology: Beliefs in Technology and the Diffusion of Ecological Responsibility // Journal of Environmental Education. 1984. V. 16. pp. 14—19.

13. Eliseyeva Yu. A. Educational programme «media communications»: Domestic and foreign experience in implementation // Integration of Education. 2016. Vol. 20(4). P. 468—483.

14. Gălăţanu C. D. Trajectories in the competence field during formative assessment // 11th International Conference on Electromechanical and Power Systems, SIELMEN 2017 : Proceedings Volume. 2017—2018. January, 27 November. P. 359—363.

15. Gokce A. T. Education in virtual age // Educational Philosophy and Theory. 2018. Vol. 50 (14). P. 1419—1420.

16. Hanney R. Doing, being, becoming: a historical appraisal of the modalities of project-based learning // Teaching in Higher Education. 2018. Vol. 23 (6). P. 769—783.

17. Istiqomah L. Project-based learning in subtitling field: a description of a learning experience. URL: <http://iopscience.iop.org/article/10.1088/1742-6596/1114/1/012036/meta> (дата обращения: 18.01.2019).

18. Nash J. Loving Nature: Ecological Integrity and Christian Responsibility. Nashville : Abington Press, 1991. 256 p.

19. Nishimura S.-Y. A Project Based Learning through International Collaboration with Students, Inhabitants and Local Professionals // 7th World Engineering Education Forum, WEEF 2017 — In Conjunction with : 7th Regional Conference on Engineering Education and Research in Higher Education. 2017—2018. P. 589—592.

20. Shibata T. Virtual reality in education: How schools use VR in classrooms // Advances in Intelligent Systems and Computing. 2019. Vol. 827. P. 423—425.

21. Zeer E. F. Transprofessionalism of the subjects of professional activity: Prolegomena, platform, formation // Journal of Engineering and Applied Sciences Volume. 2017. № 12. P. 9137—9143.

References

1. Aleksandrova L.D., Trushnikova E.L. (2018) *Socium i vlast'*, no. 6 (74), pp. 91—97 [in Rus].

2. Kutyrev. V.A. (2015) *Bytieilnicho*. Moscow, Berlin, Direct-Media, 880 p. [in Rus].

3. Kutyrev. V.A. (2006) *Filosofskij obraz nashego vremeni (bezhiznennoe prostranstvo postchelovechestva)*. Smolensk, 301 p. [in Rus].

4. Lem S. (2008) *Fantastikaifuturologija*. Moscow, AST, 591 p.[in Rus].

5. Semenova T.N. (2010) *Trudy Rossijsko gosudarstvennogo universiteta nefti i gazaim I.M. Gubkina*, no. 3 (260), pp. 179—188 [inRus].

6. Hajdegger M. *Otreshennost'* [Detachment]. Available at: <http://lib.ru/HEIDEGGER/gelassen.txt> , accessed 18.01.2019 [in Rus].

7. Hajdegger M. (2003) *Bytie I vremja*. Kharkov, Folio, 503 p. [in Rus].

8. Horuzhij S.S. (2009) *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta: filosofiya sociologiya politologiya*, no. 2 (6), pp. 97—132 [in Rus].
9. Ehpshitejn M.N. Proektivnyj slovar gumanitarnyh nauk. Available at: <http://iknigi.net/avtor-mihail-epshteyn/132082-proektivnyy-slovar-gumanitarnyh-nauk-mihail-epshteyn/read/page-31.html>, accessed 18.01.2019 [in Rus].
10. Ehpshitejn M.N. Znakprobela: o budushchem gumanitarnyh nauk. Available at: <http://www.klex.ru/fqx>, accessed 18.01.2019 [in Rus].
11. Ehpshitejn M.N. (2016) *Otznaniya k tvorchestvu. Kak gumanitarnye nauki mogut izmenyat mir*. Moscow, Saint-Petersburg, 480 p.[in Rus].
12. Borden R. J. (1984) *Journal of Environmental Education*, vol. 16, pp. 14—19 [in Eng].
13. Eliseyeva Yu.A. (2016) *Integration of Education*, no. 20(4), pp. 468—483 [in Eng].
14. Gălăţanu C.D. (2018) *11th International Conference on Electromechanical and Power Systems*, pp. 359—363 [in Eng].
15. Gokce A.T. (2018) *Educational Philosophy and Theory*, no. 50 (14), pp. 1419—1420 [in Eng].
16. Hanney R. (2018) *Teaching in Higher Education*, no. 23 (6), pp. 769—783 [in Eng].
17. Istiqomah L. Project-based learning in subtitling field: A description of a learning experience. Available at: <http://iopscience.iop.org/article/10.1088/1742-6596/1114/1/012036/meta>, accessed 07.10.2018 [in Eng].
18. Nash J. (1991) *Loving Nature: Ecological Integrity and Christian Responsibility*. Nashville, 256 p. [in Eng].
19. Nishimura S.-Y. (2018) *7th World Engineering Education Forum, WEEF 2017 — In Conjunction with: 7th Regional Conference on Engineering Education and Research in Higher Education*, pp. 589—592 [in Eng].
20. Shibata T. (2019) *Advances in Intelligent Systems and Computing*, no. 827, pp. 423—425 [in Eng].
21. Zeer E.F. (2017) *Journal of Engineering and Applied Sciences*, no. 12, pp. 9137—9143 [in Eng].

For citing: Apukhtina N.G., Dydrov A.A.,
Emchenko E.P., Solomko D.V.
Human ecologization in terms of conservation
and change value //
Socium i vlast'. 2019. № 1 (75). P. 102—111.

UDC 101.2

HUMAN ECOLOGIZATION IN TERMS OF CONSERVATION AND CHANGE VALUE

Nina G. Apukhtina,

Chelyabinsk State Institute of Culture,
Professor of the Department Chair
of Philosophical Sciences,
Doctor of Philosophy, Professor.
Russian Federation, 454091, Chelyabinsk,
ulitsa Ordjonikidze, 36-a.
E-mail: apuchtinang@susu.ru; kaf-fil@chgaki.ru

Artur A. Dydrov,

South Ural State University,
Associate Professor of the Department Chair
of Philosophy, Cand. Sc. (Philosophy)
Russian Federation, 454080, Chelyabinsk,
prospect Lenina, 76.
E-mail: zenonstoik@mail.ru

Evgenia P. Emchenko,

South Ural State University,
Associate Professor of the Department Chair
of Philosophy, Cand. Sc. (Philosophy).
Russian Federation, 454080, Chelyabinsk,
prospect Lenina, 76.
E-mail: jemchenko@mail.ru

Dmitriy V. Solomko,

South Ural State University,
Associate Professor of the Department Chair
of Philosophy,
Cand. Sc. (Philosophy), Associate Professor.
Russian Federation, 454080, Chelyabinsk,
prospect Lenina, 76.
E-mail: dimiurg85@mail.ru

Abstract

In the situation of value conflict between innovations (projective, real) and the preservation of «man-nature», «eco-humanism» and «techno-humanism», the problem of preserving and developing the human in a person, the «man-nature» relationship arises. On the basis of axiological and synergistic approaches, that allow to consider education as a space of self-identification and semantic content of a personal life project, an attempt was made to identify the prospects of humanitarian knowledge, educational practices in the possibility of cultivating the global thinking culture as a «man-nature» value-semantic project. The scientific novelty of the research consists in developing the problem of applying philosophic-educational technologies as the possibility of preserving the value of individual-personal being, his material and physical nature, and philosophical knowledge and social-humanity sciences should form a person's ability to think in the "I-another person" and «man-nature» systems. Appealing to the personal experience is seen as the most effective method for creating the above-mentioned thinking.

Key concepts:

ecologizing of the human
values of conservation
values of innovation
«ecological morality»,
«ecohumanism»,
«Ttchnohumanism»,
tehno-environment,
synergistic anthropology.

Для цитирования: Мудряков Я. Д., Кленовская В. А. Язык Золотого правила морали в цифровой реальности: поиск реализации в виртуальном диалоге // Социум и власть. 2019. № 1 (75). С. 112—120.

УДК 17 + 004.946

ЯЗЫК ЗОЛОТОГО ПРАВИЛА МОРАЛИ В ЦИФРОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ: ПОИСК РЕАЛИЗАЦИИ В ВИРТУАЛЬНОМ ДИАЛОГЕ

Мудряков Ярослав Дмитриевич,
Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, студент департамента философии УГИ. Российская Федерация, 620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 19.
E-mail: ymudryakov@mail.ru

Кленовская Василиса Александровна,
Южно-Уральский государственный университет (Национальный исследовательский университет), ассистент преподавателя кафедры философии. 454080, Россия, Челябинск, пр-т Ленина, д. 76.
E-mail: vasilisa-pogorelaja@yandex.ru

Аннотация

В статье рассматривается проблема виртуальной коммуникации в этическом аспекте, и возможность формулировки Золотого правила морали как регулятора в условиях виртуального бытия и диалога между людьми, будут обозначены возможные выходы, исходя из вопросов: Как возможно золотое правило и какая его языковая формулировка должна быть в условиях цифрового межличностного взаимодействия?

Ключевые понятия:
язык,

Золотое правило морали,
культура взаимности,
виртуальное общение.

В мире, где доминантой выступает виртуальное общение, и главная особенность — дистанционность между участниками диалога, отсутствие осязаемой телесности живого собеседника, возникает вопрос — какие установки должны быть в межличностном виртуальном взаимодействии, для достижения сбалансированного, корректного разговора? Благодаря техническому аспекту перед человеком открываются безграничные возможности, в количественном плане, предоставляется выбор социальных сетей, мессенджеров, виртуальных площадок для обсуждения проблем и вопросов различного характера, форумов. Появляется необходимость постановки проблематики в качественном аспекте — на каком языке должны говорить участники коммуникации, беседы? В контексте заданных вопросов должна быть определена такая культурная форма языка диалога, чтобы язык беседы у собеседников, вовлеченных в виртуальный диалог и виртуальные межличностные отношения, был направлен на формирование культуры общения, культуры взаимности.

Для формирования виртуальной культуры взаимности важно определить, на каком качественном уровне, в какой форме (morphé) выражения должна быть эта культура диалога, разговора, общения в цифровом пространстве. И какой должна быть *этика*, выраженная в виде *Золотого правила морали* в условиях виртуального взаимодействия? Говоря о языке межличностного взаимодействия, следует обратить внимание на тот факт, что язык — основа культуры, ее «зеркальное отражение», поэтому важно определить, что есть язык в сущности человека, его экзистенции, что есть язык, как основа для отражения его бытия, истории, жизни во всем его онтологическом многообразии, в философском осмыслении его сути. Рассмотрев смысл языка и его связь с бытием, можно будет подойти к сути проблематики Золотого правила морали, проанализировать его вкрапленность в виртуальное пространство.

Язык — это всегда пространство, но пространство не только в смысле взаимодействия в рамках хронотопа (пространственно-временного отношения). Это пространство между говорящим и слушающим, ретранслирующим и принимающим, описывающим и читающим. Язык связывает и координирует, создает особое культурное поле «говoreния», заставляет задуматься об услышанном или сказанном и формирует почву для осмысления другими того, что сказано нами, а также позволяет мысленно прочесть

пределы своего «Я» по отношению к иному «Я», дает возможность умозрительно установить границы между «своим» и «иным».

В истории философии проблема языка как средства диалога, взаимосвязи поднималась достаточно часто, особенно активно языковая проблема стала подниматься в эпоху просвещения (наиболее глубоко эту проблематику, с позиции гносеологии, рассматривал Э. Кондильяк) и была рассмотрена в аспекте философии культуры и философии истории, немецким философом, историком и теологом И. Г. Гердером (1744—1803). Для Гердера язык в первую очередь был важнейшим коммуникативным фактором развития творчества, мышления и поэзии у человеческого существа и осуществления взаимосвязи человек-человек.

Согласно Гердеру, язык, как вместе с тем и мышление, и религиозно-поэтические интенции бытия человека возникают с началом его «прямохождения», когда человек встав на ноги, получил возможность мыслить, познавать и творчески созерцать бытие вокруг себя, научился за счет звука своего голоса, вздохов, мелодии чувств и восклицаний, и звуков окружающей природы определять свои экзистенциальные «опоры», подчеркивающие особенность национальных культур и традиций. В «Трактате о происхождении языка» Гердер описывает то, что язык — это всегда выраженность, чувственность, это обращенность в звуковой интонации к другому существу, человеку — «звук нашего чувства должен настроить на такой же лад сочувствующее нам существо» [4, с. 139]. Язык для Гердера становится неразрывным с сущностью человека атрибутом его бытия, необходимой способностью.

Следующий шаг после Гердера, в осмыслении языка бытия, сделал М. Хайдеггер. Для немецкого философа акт языка становится со-бытием, вступить в говор языка, означает выразить свое бытие по отношению к бытию Другого и бытия Другого по отношению к нам. Хайдеггер подчеркивает, что язык «мы находим наиболее близко в самом разговоре. Именно в нем полностью осуществляется язык. В разговоре собирает язык способ, каким он пребывает и то, что в нем пребывает — его пребывание, его сущность» [16]. Для Хайдеггера форма выражения языка — разговор становится важным атрибутом поэзии, мы слышим речь, или видим текст, в котором пребывает особенная композиция, гармония, баланс — все то, что неразрывно связано с поэтическим языком.

По Хайдеггеру язык является «домом бытия человека». Это отражение сущностного состояния человека во всем многообразии его бытия. В каком бы состоянии своей экзистенциальности человек не находился, он всегда вступает в контакт с языком, находится в его власти — разговор автора произведения с читателем, диалог преподавателя с обучающимся, общение родителей и ребенка — все это, утверждает Хайдеггер, становится основой для языкового пространства, а само это пространство становится отражением языка сущности — «ибо язык сущности — это подлинный язык, который значительнее, чем доступный нам человеческий язык» [9].

В контексте интенций Хайдеггера о языке как «доме бытия» человека рассуждает и Ж.-П. Сартр, в работе «Бытие и ничто» — он подчеркивает то, что через Другого посредством языка мы регистрируем открываем и собственное бытие: «Язык, открывая нам, в пустоте, главные структуры нашего тела-для-другого (в то время как существующее тело невыразимо), побуждает нас полностью освободиться от нашей так называемой миссии в отношении другого. Мы смиряемся с тем, чтобы нас видели глазами другого; это значит, что мы пытаемся узнать наше бытие посредством открытий языка. Таким образом, появляется вся система языковых соответствий, которыми мы обозначаем наше тело, каким оно является для другого, используя эти обозначения для наименования нашего тела, каково оно есть для нас. Именно на этом уровне происходит аналогичное уподобление тела другого и моего тела» [14, с. 372].

Виртуальное общение — это особое проявление сущности, в котором общение происходит на языке символов или знаков. Его особенность в том, что общение переходит от формы традиционной, где есть возможность прочувствовать своего собеседника, проявленного перед нами целиком, в дистанционную и более лаконичную форму, выраженную специфическим способом взаимосвязи, терминами, символами, графическими приемами. Еще одна особенность этого общения — отсутствие визуального диалога, благодаря которому человек получает на подсознательном уровне колоссальную долю информации о собеседнике, это приводит к ограниченности целостного представления о партнере по общению, которое ограничивается лишь нарративом, выраженным самим партнером.

Важно и то, что, в отличие от общения лицом к лицу, в цифровой реальности воз-

никает лёгкость воспроизведения электронной информации, когда «коммуникация посредством интернета в отличие от коммуникации лицом к лицу по умолчанию предполагает воспроизводимость той информации, которой обмениваются стороны. Даже если пользователь Интернета в данный момент ничего не делает, связь с ним остается доступной. Он должен приложить усилие, чтобы ликвидировать ее. В коммуникации лицом к лицу по умолчанию предполагается совершенно противоположное: кто-нибудь из собеседников должен приложить усилие и записать то, о чем говорилось в личной беседе, но если этого никто не сделал, слова теряются навсегда» [12, с. 131].

Интернет-культура делает серьезные попытки выработать особую модель поведения, взаимодействия и взаимного диалога. Начали разрабатываться принципы виртуального этикета и виртуальных императивов. В интернет-площадках появились кодексы поведения, опирающиеся на взаимное уважение, принципы виртуального равенства и баланса, которые отразили в своих исследованиях Вирджиния Ши, Лю Яо-Хуай, Рафаэль Капуно (оба последних исследователя опираются на официальную Декларацию тысячелетия ООН, где поставлена задача борьбы с такими угрозами и вызовами как нищета и неравенство, социально-значимые заболевания, экологическая устойчивость, ориентация на глобальное партнерство), а также отечественные исследователи — Е. Ю. Малькова, Л. В. Баева. Однако, часть этих кодексов направлены на разрешение частных вопросов, во многом нет точного виртуального определения именно универсальных регулятивных правил, регламентирующих действия людей в условиях виртуальной социальности.

Проблематика цифрового межличностного отношения активно поднимается не только в зарубежных, но и отечественных исследованиях. Все чаще стали обращать внимание на разработку подходов по исследованию цифровых взаимоотношений, способов преодоления конфликтов, разрешения девиантных проявлений в виртуальной коммуникации. В особенности, в отечественных философских исследованиях, проблематику разработки универсальных виртуальных этических принципов, базирующихся на культуре общения в цифровом пространстве, поднимает Л. В. Баева.

В своей статье «Виртуальная коммуникация: особенности и этические принципы» она рассматривает интернет-коммуникацию, как особую форму диалога и взаимо-

связи между участниками интернет-дискурса. Опираясь на концепцию Ж. Бодрийера о гиперреальности (следует упомянуть, что согласно Ж. Бодрийеру, гиперреальность характеризует ситуацию, когда феномены истины, адекватности, подлинности, как определяемые изначально онтологически фундированными, имеющими базис, определенную платформу, полностью перестают отвечать критериям истинности, естественности. Трансформируются в феномены символического порядка), Л. В. Баева определяет виртуализацию как «замещение реальных процессов и являющихся виртуальными формами, связанное с созданием цифровых аналогов и симуляций объектов реальной культуры, с одной стороны, и с творчеством нового киберпространства и его феноменов, с другой» [1, с. 96].

Данное явление, в котором происходит замещение естественных и фундированных форм искусственно созданными условиями, инструментами, может означать, что и язык общения между людьми, формы взаимодействия замещаются, приобретают совершенно иную, отличную от реальных форму, но имеющие схожие особенности с объектами культурного воспроизводства и межличностного взаимодействия. Важно обратить внимание на то обстоятельство, что участники цифрового дискурса все чаще в интернет-диалоге используют язык символического обмена, где текстовые слова, целые предложения заменяются символами, отображающие то или иную эмоцию, слово, обращение, чувства. Практика цифрового общения — это в большей степени язык символический. Но при этом символ не всегда отражает сущностное значение смысла слова, его содержательную часть. Это язык отражающий оперативность, дистанционность, лаконичность. Этот язык невозможно прочувствовать поэтически, аудиально, но только зрительно, визуально и текстуально.

В отличие от языка живого общения, где мы можем прочувствовать собеседника, «всмотреться» в него, убедиться в его подлинности, прикоснуться к нему, в языке цифровом такой возможности нет. Это лишает фундированности Другого, возможности физического рассмотрения его границ, фиксирования предела его действий. В данном случае есть лишь возможность гипотетически смоделировать потенциального Другого, и это приводит к проблеме утраты доверия к Другому, как подлинному существу, с действительными интересами, симпатиями, антипатиями, реальной судьбой, индивидуальным и неповторимым бытием,

уникальным, отличным от иных, «жизненным путем».

Итак, раз есть сущность языка подлинного бытия, в которое встроено бытие человека, как его индивидуального существования, так и его совместного сосуществования с другими. Следовательно, также должен быть и язык в виртуальном общении, в межличностном взаимодействии. Соответственно может возникнуть вопрос, *должен ли быть язык виртуальный в том регулятивном механизме, который называется Золотым правилом, рассматриваемого здесь, в рамках цифровой онтологии и языкового, дискурсивного выражения.*

Необходимость апеллирования к Золотому правилу, как актуальной проблеме цифрового дискурса обусловлена тем, что Золотое правило — один из важных универсальных принципов взаимности, признания другого лица как равноценного себе (что также подчеркивает возможность говорения с другим или понимания языка бытия другого), это принцип уравнивания значимости и уникальности одного человека в лице другого.

История Золотого правила насчитывает уже более двух тысячелетий, культурная традиция, заложенная данным регулятором, говорит о том, что к пониманию принципа взаимности пришли с разных позиций, убеждений — как в христианстве, так и в античной философии, иудаизме, индуизме, исламе, китайской философии. Одним из самых древних его упоминаний считается фрагмент из ветхозаветной «Книги Товита», где Товит поучает своего сына Товия: «Будь осторожен сын мой, во всех поступках твоих и будь благоразумен во всем поведении твоём. Что ненавистно тебе самому, того не делай никому» (Тов. 4, 14-15).

Принцип Золотого правила был выражен и у древнекитайского философа Конфуция (552—479 до н. э.). В его сочинении «Лунь Юй» («Беседы и высказывания») на вопрошание ученика Цзы-гуна «Можно ли всю жизнь руководствоваться одним словом?» учитель ответил: «Это слово — взаимность. Не делай другим того, чего не желаешь себе» [7, с. 167] этот же принцип встречается в другом месте сочинения «Лунь Юй», где на вопрос ученика Чжунгуна о том, что такое *человечность*, учитель ответил: «это когда ведут себя на людях так, словно вышли встретить важную персону, руководят народом так, словно совершают важный жертвенный обряд; не делают другим того, чего не хотят себе; не вызывают ропота в стране, не вызывают ропота в семействе» [10, с. 75].

В памятниках европейской мысли также встречаются упоминания данного правила, в частности, их можно увидеть у двух из Семи мудрецов. В первую очередь мы встречаем его у Питтака — «Что возмущает тебя в ближнем, того не делай сам» [11, с. 71]. Это же правило формулирует и Фалес, отвечая на вопрос «какая жизнь самая лучшая и справедливая?» — «Когда мы не делаем сами того, что осуждаем в других» [6, с. 66].

Исходя из богатого исторического горизонта взглядов, трактовок и формулировок Золотого правила, и, опираясь на мнение А. Гусейнова, это доказывает, что Золотое правило, в первую очередь, является правилом *взаимности*, поскольку: «а) отношения между людьми являются нравственными тогда, когда они взаимозаменяемы в качестве субъектов индивидуально-ответственного поведения; б) культура нравственного выбора заключается в способности ставить себя на место другого; в) должно совершать такие поступки, которые могут получить одобрение тех, на кого они направлены» [5]. Несмотря на достаточно обширную и глубокую историю исследований этой проблематики. Учитывая все подходы и методологические установки, рассматривающие Золотое правило, как универсальный регулятивный инструмент, регламентирующий отношения людей друг с другом, отражающих их совместный этос. Его модель преимущественно рассматривается в условиях именно реальных отношений. В живом формате — «лицом к лицу».

Классические определения и пост-неклассические трактовки Золотого правила не в полной мере учитывают неоднозначную социокультурную обстановку, складывающуюся в интернет сети, где одновременно в одном пространстве (поле диалога) может возникать неоднозначность действий людей — как проявления отклонения от норм (демонстрации жестокости и насилия, провокации, оскорбления) так и позитивные действия (благотворительность, взаимный обмен информацией, диалог между сообществами). Культуры реального и виртуального мира, несмотря на очевидную схожесть, заметно отличаются друг от друга. Именно поэтому в контексте данного вопроса важно понять, что представляет собой язык Золотого правила морали, сформированный в традиционной этике, и какая доступная и понятная для представителей цифровой общности, форма в онтолого-языковом выражении может быть применена в рамках виртуального бытия.

Классическое определение Золотого правила морали, в предельно обобщенной форме (в позитивной формулировке) было выражено в Новом завете и гласит следующее: «Итак, во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними, ибо в этом закон и пороки» (Мф. 7-12). В классической этике, этот принцип формулировал взаимное самоограничение, где потенциальная возможность личного произвола ограничивалась потенциальной возможностью произвола других. Для определения смыслового «корня» на виртуальном языке, следует расчленить это правило на составные части.

Что значит сослагательное «во всем, как хотите»? На языке этическом, это означает: как хотите, вы лично (или желательное, мыслимое поведение других), насколько умозрительно вы прочерчиваете границы и пределы своих возможностей, помыслов, действий, отражен внутренний мотив. Здесь важно, что Золотое правило работает не в отношении всех индивидов, обладающих умением рационально взвесить и оценить обстановку. Но только в том случае, когда речь идет, по выражению А. А. Гусейнова, о пространстве, где индивиды «находятся в деятельном отношении друг к другу». На расстоянии «вытянутой руки» (если речь идет о виртуальном пространстве, то под «вытянутой рукой» мы можем понимать отдельные информационные разделы на форумах, каналы приватного или публичного общения, мессенджеры), в зоне практической (в плане реализации своих поступков) досягаемости по отношению друг к другу. «Чтобы с вами поступали люди» — как вы потенциально оцениваете возможности действия других по отношению к вам, как возможный ответ на ваши действия. «Так поступайте и вы с ними» — призыв к деятельному акту, выраженный в повелительной и императивной форме. В данном случае возможно лишь мысленно, умозрительно предположить действия, помыслы других, так как не в нашей власти охватить весь внутренний мир помыслов и действий других. Поведение других по отношению к призыву как поступать нам — всего лишь возможное, гипотетическое, предположительное условие как раз для очерчивания пространства диалога, взаимосвязи, коммуникации.

При исследовании вопроса значимости Золотого правила в рамках цифровой онтологии выяснилось, что некоторые принципы цифрового нетикета сформулированные для регуляции цифровых отношений,

по своему содержанию напоминают Золотое правило. Существует десять основных правил цифрового этикета, разработанных американской исследовательницей Вирджинией Ши в рамках сформулированной ей концепции виртуального взаимодействия «Нетикет»:

1. Помните, что Вы говорите с человеком.
2. Придерживайтесь тех же стандартов поведения, что и в реальной жизни.
3. Помните, где Вы находитесь в киберпространстве.
4. Уважайте время и возможности других.
5. Сохраняйте лицо.
6. Помогайте другим там, где можете.
7. Не ввязывайтесь в конфликты и не допускайте их.
8. Уважайте право на частную переписку.
9. Не злоупотребляйте своими возможностями.
10. Учите прощать другим их ошибки.

По смысловому содержанию с Золотым правилом совпадают правила 1, 4, 6, 10. Данные формулировки представляют из себя видоизмененные и укороченные варианты Золотого правила. Что ясно подчеркивает глубокую связь и зависимость принципов нетикета от принципа взаимности, который выражало Золотое правило в истории культуры.

В рамках сформулированных правил возникает вопрос — если были сформулированы правила нетикета, большая часть из которых совпадает по своему содержанию с Золотым правилом, то, стоит рассмотреть вопрос, в какой дефиниции следует сформулировать этот принцип. Какая наиболее подходящая для цифровой реальности языковая форма выражения может быть применена для регламентации цифровых межличностных отношений?

Вместе с ним, стоит задать вопрос и в кантовской вариации, поскольку именно Кант является тем, кто обозначил переход от Золотого правила морали к формализованному нравственному закону — категорическому императиву. В котором основным лейтмотивом выступало не просто разумное самоограничение, а принцип воления, раскрывающийся извне, становящийся категорическим не только для носителя этого нравственного закона, но и для Других. Это переход от культуры согласия, взаимности в область интеллектуальной модели выстраивания отношений, апеллирующей к разумному началу человеческой сущности.

Итак, *как возможно Золотое правило морали в виртуальной реальности?*

Вопрос, заданный здесь по аналогии с кантовским вопрошанием о возможности категорического императива не случаен. При рассмотрении возможности императива, Кант исходил из потенциала человека познающего и его способности познания. Он также рассматривал степень свободы в поступке человека: «категорические императивы возможны благодаря тому, что идея свободы делает меня членом умопостигаемого мира; поэтому если б я был только таким членом, все мои поступки всегда были бы сообразны с автономией воли, но так как я в то же время рассматриваю себя как члена чувственно-воспринимаемого мира, то мои поступки должны быть с ней сообразны. Это категорическое должностное представляет априорное синтетическое положение, потому что в добавок к моей воле, на которую воздействуют чувственные влечения, присовокупляется идея той же, но принадлежащей к умопостигаемому миру чистой, самой по себе практической воли, которая содержит высшее условие первой воли согласно с разумом» [8, с. 299].

Итак, какую смысловую нагрузку содержит вопрос «*Как возможно?*». Поскольку понятие «возможность» идет в связке с понятием «действительность», следует привести дефиницию из философской энциклопедии — «в широком смысле действительность трактуется как мир в целом, объективная реальность в единстве ее настоящего, прошлого и будущего, включающая и все возможности. В узком смысле действительность, противопоставляемая возможности, — это реальность, существующая в настоящее время» [13, с. 422].

Это означает, насколько и в каких пределах мы можем осмыслить потенциальную возможность перехода Золотого правила из сферы реального (более правильно будет обозначить «реальное» как «объективную реальность») или «чувственно-воспринимаемого мира» по Канту, в сферу виртуального («виртуальной реальности»), где могут проявляться черты «умопостигаемого мира». В интернет-пространстве невозможно увидеть, «ухватить» реального человека, невозможно даже определить его помыслы, реальные мотивы, область его интересов (кроме той информации о себе, которую человек разместил в интернет-пространстве). Мы имеем дело с его образом, репрезентацией, копией самого себя, которую нельзя чувственно воспринять.

В объективной реальности «чувственно-воспринимаемого мира» человека, мы можем «прочувствовать», увидеть очертания его телесности. Возникает возможность «просмотреть» границу физических действий Другого, соотнести его телесность с нашей телесностью. Вслушаться в голос, взглянуть в глаза Другому, определить Другого как подлинную сущность, поскольку его телесность пребывает в действительности. В виртуальной реальности мы имеем возможность только просмотреть текстуальный, символический или графический «след», оставляемый человеком. Эти следы — области артефактов, создаваемые живыми участниками дискурса, общения и обмена. Согласно новой философской энциклопедии «виртуальные объекты существуют только актуально, только «здесь и теперь», пока в порождающей реальности происходят генерирующие их процессы; с окончанием процесса порождения соответствующие виртуальные объекты исчезают» [13, с. 403].

Участники создают следы и копии своей деятельности, своего культурного и социального воспроизводства, но по окончании процесса генерирования — копия девальвируется, утрачивает свою живость, становится лишь оболочкой, символизирующей окончание этапа этого воспроизводства. В объективной реальности, в противоположность виртуальной, при наличии «следов» и конкретных границ действий, визуальном и тактильном восприятии других мы сможем регистрировать и моделировать конкретные принципы межличностного взаимодействия.

Поэтому возникает следующий вопрос: даже если мы утвердительно выразим возможность действия Золотого правила (по умолчанию, в невыраженной языковой-онтологической форме оно уже интегрировано в межличностную коммуникацию между участниками интернет-дискурса, правила нетикета это подтверждают), на кого именно оно будет направлено? Кто будет попадать под поле деятельности этого правила? Как оно будет организовывать субъект-субъектную связь, если диалог как производное этой связи, возникает между копиями?

Поскольку Золотое правило подразумевает межличностное взаимодействие, речь будет идти об ограниченном пространстве между участниками дискурса. Это означает, что в отличие от Категорического императива, действие которого обусловлено и сопряжено с понятием автономии воли, имеет объективный характер. Где «все понимали,

что человек своим долгом связан с законом, но не догадывались, что он подчинен только своему собственному и тем не менее всеобщему законодательству и, что он обязан поступать, лишь сообразуясь со своей собственной волей, устанавливающей, однако, всеобщие законы согласно цели природы» [8, с. 274].

В Золотом правиле морали нет установления всеобщих законов через максимум своей воли, правило действует только тогда, когда возникает диалог с другим. В случае интернет-диалога ограниченным пространством выступают мессенджеры (к ним относятся whatsapp, viber, telegram, межличностные диалоги социальной сети «ВКонтакте», «Facebook»).

Именно ограниченное пространство приватного диалога может предполагать межличностное взаимодействие. Вглядываясь в искусственно сформированный образ Другого, его репрезентацию, и в соответствии с принципом Золотого правила, мы «включаем» автономию воли, пользуясь кантовским языком. Смотря на другого, мы предъявляем моральное требование не к другому и не ждем, когда другой станет предъявлять моральные требования к нам, мы, смотря на представленный нам образ человека, его действия в цифровой реальности, исходя из позиции приемлемости или неприемлемости этих действий, предъявляем моральные требования к себе.

Онтологический язык, выражающий принцип действия этого правила, позволяет нам выявить границы и пределы сказанного нами, или отправленного нами информационного, визуального или аудиального сообщения по отношению к другому. Данность того, что мы можем мысленно проговорить (или артикулировать устно) принцип взаимности, мысленно представить другого равного мне (не независимо от его положения, интересов, взглядов), равноценного моему бытию. Имеет такие же границы и пределы своего действия. Что говорит уже о явлении языка в онтологическом смысле, Золотого правила «встроенного» в межличностное взаимодействие, признание бытия и особенности другого, которое в свою очередь делает целостным и наше бытие.

Подобно тому, как Хайдеггер призывал за исходную человеческую обязанность взять «вслушивание в бытие», так и Золотое правило призывает вслушиваться в бытие другого, так, как мы хотели бы, чтобы было возможным «вслушивание» в наше бытие, в соответствие с этим речь идет и о «всматривании», «прочитывании» друго-

го. Именно поэтому следует отметить, что в пространстве виртуального диалога за единство моральной жизни, а не только отражения принципа индивидуальной морали, и за единство «морального градуса» может отвечать именно золотое правило (а не талион¹).

Сам факт Золотого правила как культурного феномена говорит нам не *почему* человек может быть нравственным, почему он не должен делать что-то другим так, как он хотел бы, чтобы другие не поступали к нему подобным образом. Данный феномен поднимает вопрос, *как* возможно быть нравственным по отношению к другому, соответственно с этим как раз именно вопрос «*как?*» фундирует то обстоятельство, что Золотое правило по своей природе, истории вполне подтверждает возможность своего существования в рамках интернет-бытия.

Важность и значимость золотого правила в интернет-пространстве мессенджеров подтверждает американский эссеист, поэт, интернет-активист Дж. П. Барлоу. В своей «Декларации независимости Киберпространства», при всей претенциозности, некоторой противоречивости данного документа, в нем было упомянуто Золотое правило, как универсальный регулятивный феномен, актуальный как для реальных отношений, так и виртуальной коммуникации. Барлоу говорит о потенциальной возможности равенства между участниками виртуального пространства, отсутствия дискриминации, возможности свободно выражать свое мнение, позицию по отношению к другому — «Единственный закон, который признают практически все входящие в наш состав культуры, — это Золотое правило» [2].

Заключение

Золотое правило является важным, исторически актуальным регулятивным инструментом в балансе между участниками диалога. Оно выражает культуру согласия, взаимности, баланса, позволяющего гармонизировать межличностные отношения в ограниченном пространстве. В современности в качестве ограниченного пространства выступает интернет и его производные инструменты — мессенджеры, диалоги. Золотое правило морали при отсутствии четкой

¹ Талион — согласно определению А. А. Гусейнова — (лат. talio, talionis, от talis в значении «такой же», — наказание, равное по силе преступлению — категория истории нравов, более известная в общественном сознании и литературе под названием равного возмездия.

артикуляции в современных исследованиях виртуальных взаимоотношений, имеет свою важную значимость. На принципе Золотого правила выстроены ряд положений нетикета, на вкрапленность Золотого правила в межкультурную среду указывают деятели интернет дискурса, сам язык в онтологическом смысле этого правила говорит о том, что *язык культурного диалога* между участниками невозможен без артикуляции этого принципа. Золотое правило выражает заинтересованность, способность и желание сторон взаимодействовать друг с другом. Интернет площадка не исключение — принципы этого универсального правила «работают» и здесь, важно не то, *что* оно может функционировать в виртуальной среде, а важно то, *как* оно будет функционировать в рамках межличностного виртуального общения. Решение вопроса реализации традиционной формулировки Золотого правила в рамках виртуального общения может заключаться в выработке новой формулировки, учитывающей виртуальное общение с возможностью включения в нее исходной традиционной. Данный принцип может быть обозначен следующим образом: «во всем, как хотите, чтобы со степенью свободы и возможностей вашего виртуального пространства поступали люди и их виртуальные репрезентации, так поступайте и вы со степенью реализации их действий в рамках виртуального пространства».

1. Баева Л. В. Виртуальная коммуникация: особенности и этические принципы // *Философские науки*. 2015. № 10. С. 94—110.

2. Барлоу Дж. П. Декларация независимости Киберпространства. URL: <http://www.dnn.ru/indep.htm> (дата обращения: 28.10.2018).

3. Бодрийяр Ж. Ксерокс и бесконечность // Ж. Бодрийяр. Прозрачность зла. М.: Добросвет, 2000. 258 с.

4. Гердер И. Г. Избранные сочинения. М.; Л.: ГИХЛ, 1959. 514 с.

5. Гусейнов А. А. Золотое правило нравственности. URL: https://iphras.ru/uplfile/ethics/RC/ed/school3/materials/guseinov_gr.html (дата обращения: 15.09.2018).

6. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / ред. тома и авт. вступ. ст. А. Ф. Лосев; пер. М. Л. Гаспарова. 2-е изд. М.: Мысль, 1986. 571 с.

7. Древнекитайская философия. Собрание текстов в двух томах. Т. I. М.: Мысль, 1972. 363 с.

8. Емелин В. А. Глобальная сеть и киберкультура: постмодернистский контекст. М.: МАМАРМЕН, 2000. 34 с.

9. Кант И. Сочинения : в 6 т. Т. 4. Ч. I., М., Мысль, 1965. 544 с.

10. Капурро Р. Информационная этика // *Информационное общество*. 2010. № 8. С. 6—15.

11. Кленовская В. А. Язык философии как язык подлинного бытия // *Язык. Культура. Коммуникации*. Челябинск : Изд. центр ЮУрГУ 2016. С. 40.

12. Конфуций. Уроки мудрости : сочинения. М.: Эксмо; Харьков : Фолио, 2012. 958 с.

13. Ланганс Е. Г. Меняева М. П. К постановке проблемы развития культуры согласия в эпоху перемен // *Социум и власть*. 2017. № 3 (65). С. 124—127.

14. Лебедев А. В. Фрагменты ранних греческих философов. Ч. 1. От эписических теокосмогоний до возникновения атомистики / сост. А. В. Лебедев; отв. ред. И. Д. Рожанский. М.: Наука, 1989. 576 с.

15. Малькова Е. Ю. Принципы виртуальной этики // *Symposium. Религия и нравственность в секулярном мире*. Вып. 20 : материалы науч. конф. 28—30 ноября 2001 г., Санкт-Петербург. СПб.: С.-Петербург. философ. о-во, 2001. С. 112—115.

16. Малюк А. А., Полянская О. Ю., Алексеева И. Ю. Этика в сфере информационных технологий. М.: Горячая линия : Телеком, 2011. 344 с.

17. Новая философская энциклопедия : в 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 2010. 744 с.

18. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: опыт феноменологической онтологии / пер. с фр., предисл., примеч. В. И. Колядко. М.: Республика, 2000. 639 с.

19. Субботина Н. Д. Идея гуманизма как фактор общественного развития // *Вопросы философии*. 2018. № 8. URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=2027&Itemid=52 (дата обращения: 19.12.2018).

20. Уотлз Дж. Золотое правило : пер. с англ. М.: Ин-т общегуманит. исслед., 2017. 346 с.

21. Хайдеггер М. Язык. URL: <http://lib.ru/HEIDEGGER/yazyk.txt> (дата обращения: 20.10.2018).

References

1. Baeva L.V. (2015) *Filosofskie nauki*, no. 10, pp. 94—110 [in Rus].

2. Barlow J. P. (1996) Deklaracija nezavisimosti Kiberprostranstva. Available at: <http://www.dnn.ru/indep.htm>, accessed 28.10.2018 [in Rus].

3. Bodrijar Zh. (2000) *Kseroks i beskonechnost' // Prozrachnost' zla*. Moscow, Dobrosvet [in Rus].

4. Gerder I. G. (1959) *Izbrannyye sochineniya*. Moscow, Leningrad, GИHL, 514 p. [in Rus].

5. Gusejnov A. A. (1988) — *Zolotoe pravilo npravstvennosti*. Available at: https://iphras.ru/uplfile/ethics/RC/ed/school3/materials/guseinov_gr.html, accessed 15.09.2018 [in Rus].

6. Diogen Lajertskij (1986). *O zhizni, uchenijah i izrechenijah znamenityh filosofov*. Moscow, Mysl', 571 p. [in Rus].

7. *Drevnekitajskaja filosofija* (1972). Vol. 1. Moscow, Mysl', 363p. [in Rus].

8. Emelin V.A. (2000) *Global'naja set' i kiberkul'tura: postmodernistskij kontekst*. Moscow, МАМАРМЕН, 34 p. [in Rus].

9. Kant I. (1965) *Sochineniya v shesti tomah*. Vol. 4. Part I. Moscow, Mysl', 544p. [in Rus].

10. Kapurro R. (2010) *Informacionnoe obshhestvo*, no. 8, pp. 6—15 [in Rus].

11. Klenovskaja V. A. (2016) *Jazyk filosofii kak jazyk podlinnogo bytija // Jazyk. Kul'tura. Kommunikacii*.

Chelyabinsk, Izdatelskij tsentr YuUrGU. p. 40 [in Rus].

12. Konfucij (2012). Uroki mudrosti. Moscow, Jeksno, Har'kov, Folio, 958 p. [in Rus].

13. Langans E.G., Menjaeva M.P. (2017) *Socium i vlast'*, no. 3 (65), pp. 124—127 [in Rus].

14. Lebedev A.V. (ed.) (1989) *Fragmenty rannih grecheskih filosofov. Part 1. Ot jepicheskih teokosmogonij do vozniknovenija atomistiki*. Moscow, Nauka, 576 p. [in Rus].

15. Mal'kova E.Yu. (2001) *Principy virtual'noj jetiki // Symposium. Religija i npravstvennost' v sekuljarnom mire*. Iss. 20. St. Petersburg, Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshhestvo, pp. 112—115 [in Rus].

16. Maljuk A.A., Poljanskaja O.Yu., Alekseeva I. Yu. (2011) *Jetika v sfere informacionnyh tehnologij*. Moscow, Gorjachaja linija Telekom, 344 p. [in Rus].

17. *Novaja filosofskaja jenciklopedija* (2010). Vol. 1. Moscow, Mysl', 744 p. [in Rus].

18. Sartre Jean-Paul. (2000) *Bytie i nichto: Opyt fenomenologicheskoj ontologii*. Moscow, Respublika, 639 p. [in Rus].

19. Subbotina N. D. (2018) *Voprosy filosofii*, no 8. Available at: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=2027&Itemid=52, accessed 19.12.2018 [in Rus].

20. Wattles J. (2017) *Zolotoe pravilo*. Moscow, 346 p. [in Rus].

21. Hajdegger M. *Jazyk*. Available at: <http://lib.ru/HEIDEGGER/jazyk.txt>, accessed 20.10.2018 [in Rus].

For citing: Mudryakov Ya.D., Klenovskaya V.A. Language of the Golden rule of ethics in digital reality: search for realization in virtual dialogue // *Socium i vlast'*. 2019. № 1 (75). P. 112—120.

UDC 17 + 004.946

LANGUAGE OF THE GOLDEN RULE OF ETHICS IN DIGITAL REALITY: SEARCH FOR REALIZATION IN VIRTUAL DIALOGUE

Yaroslav D. Mudryakov,

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Eltsin, Student of the Department of Philosophy, UHI, Russian Federation, 620002, Yekaterinburg, ulitsa Mira, 19.
E-mail: ymudryakov@mail.ru

Vasilisa A. Klenovskaya,

South Ural State University (National Research University), Assistant teacher of the Department Chair of Philosophy, 454080, Russian Federation, Chelyabinsk, prospect Lenina, 76.
E-mail: vasilisa-pogorelaja@yandex.ru

Abstract

The article deals with the problem of virtual communication in the ethical aspect, and the possibility of formulating the Golden rule of ethics as a regulator in the context of virtual life and dialogue between people. The authors will indicate possible outputs based on the following questions: How is the golden rule possible and what language should it be in the context of digital interpersonal interaction?

Key concepts:

language,
Golden rule of ethics,
culture of mutuality,
virtual communication.

Для цитирования: Плетников В. В. Культурно-исторические формы агональности. Базальные характеристики культуры, лежащие в основе форм агональности // Социум и власть. 2019. № 1 (75). С. 121—131.

УДК 008:1

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ФОРМЫ АГОНАЛЬНОСТИ. БАЗАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ КУЛЬТУРЫ, ЛЕЖАЩИЕ В ОСНОВЕ ФОРМ АГОНАЛЬНОСТИ

Плетников Владимир Валерьевич,

Муниципальное автономное образовательное учреждение дополнительного образования детей «Центр внешкольной работы «Дзержинец», психолог,
Российская Федерация, 625000, г. Тюмень,
ул. Орджоникидзе, 56/2.
E-mail: orgon@inbox.ru

Аннотация

В статье рассматриваются культурно-исторические основания форм агональности. Автором выдвигается и обосновывается идея, что состязательность (агональность), в основе которого лежит так называемый в литературе «агональный инстинкт», на протяжении всей истории культуры принимает различные формы, основанием которых являются базовые и характерные черты культуры и цивилизации, в которых существуют конкретные формы агональности.

Показывается, что формы агональности максимально соответствуют духовной культуре социума и имеют неразрывную связь со всей структурой общества и основаниями культуры. Уточняется определение агональности, показывается ее отличие от игровых форм состязательности.

Статья может быть интересна философам, культурологам, социологам, а также всем, кого интересует место и роль спорта в современной культуре.

Ключевые понятия:

состязательность, развлечения, культурные формы агональности, базовые черты цивилизации, культурные основания форм агональности.

В своей работе «Homo Ludens» («Человек играющий»), которая увидела свет в 1938 г., Й. Хейзинга поставил вопрос о месте и роли спорта в современном ему обществе.

Он критично оценил это место и эту роль: согласно его точке зрения, современный ему спорт существует и развивается в стороне от собственно культурных процессов. Исследователь указывает, что в архаической, античной и средневековой культурах состязания были частью культовых, религиозных праздников, и которые — состязания — сами имели сакральный (священный) характер. В современном спорте, по мнению Хейзинги, такого рода связи совершенно исчезли. Спорт — это обычное мирское дело, «...не имеющее какой-либо органической связи со структурой общества... Совершенство, с которым современные социальные механизмы умеют усиливать внешний эффект массовых мероприятий, ничего не меняет в том факте, что ни олимпиады, ни организация занятий спортом..., ни шумно пропагандируемые соревнования между странами не могут возвысить спорт до уровня деятельности, творящей стиль и культуру. Каково бы ни было его значение для участников соревнований и зрителей, он остается бесплодной функцией, в которой древний игровой фактор по большей части уже успел отмереть» [29].

Итак, согласно Хейзинге, современный ему спорт не является органичной чертой современной ему культуры, стоит в стороне от собственно культурных процессов и является совершенно бесплодной функцией, не способный творить стиль и культуру, во многом потому, что в современном спорте почти не осталось игрового фактора, который, согласно Хейзинге, является одним из оснований всей культуры.

Однако, на наш взгляд, появление спорта в XIX в. в Англии, его последующее распространение и развитие в XX в. и в начале XXI в. с одной стороны, и базальные характеристики культуры и цивилизации Нового времени и современности — с другой, позволяют усомниться в истинности утверждений Хейзинги. Представляется, что такое явление, как спорт, не смог бы иметь такого влияния и значения, которое он имеет сейчас, если бы не был как раз органично связан со всей структурой общества, и существовал и развивался бы в стороне от собственно культурных процессов. По нашему мнению, это утверждение Хейзинги противоречиво: любое явление культуры не может развиваться в стороне от культурных процессов. Оно может только

хиреть, влачить жалкое существование и, в итоге, исчезнуть, как, например, произошло с греческими Олимпийскими играми в раннем Средневековье. Культура раннего Средневековья была христианизированной, Игры же несли прежнее — языческое — мировоззрение, были посвящены языческим богам, и, наряду с посещением театра и терм, являлись символом уже исчезнувшей античной культуры. Именно эти игры уже не имели связи со структурой современного им общества, не могли творить культуру и стиль, и влачили жалкое существование до 394 г, когда по указу императора Феодосия они были запрещены как вид языческого богослужения.

Предлагаемая авторская концепция рассматривает состязательность как природное человеческое качество, реализуемая в протяжении всей истории человечества посредством различных форм (видов, способов), *имеющих максимально органичный и естественный характер для той культуры, в которой они существовали, и имеющих органичные основания в данной культуре.* Как раз те формы, которые не были органичны культуре, вытеснялись на ее периферию, и впоследствии исчезали. Отсюда представленная авторская теоретическая позиция рассматривает современный спорт как органичную и естественную форму выражение состязательности, имеющее основание во всей культуре и цивилизации Нового времени и современности («неомодерна», в понимании этого термина А. В. Павловым) [23].

Современный спорт не оторван от процессов современной культуры, но имеет основания именно в ней, неразрывно связан со всей структурой общества. То, что из спорта исчез игровой фактор, является закономерным следствием того, что этот фактор почти исчез из всей современной культуры. Следовательно, исчезновение игрового фактора из спорта свидетельствует более о том, что спорт как раз имеет неразрывные связи с процессами, протекающими в культуре, нежели обратное. Обоснование данной точки зрения представлено ниже.

Согласно исследованиям, состязательность известна всем народам и культурам. Она не только свойственна всей культуре, но старше ее, т. к. различные формы состязаний присутствуют у животных, например, брачные игры, на которых самцы перед самками демонстрируют свой экстерьер.

Состязательность настолько прочно укоренена в природе и культуре, что среди исследователей вслед за Ф. Ницше,

Й. Хейзингой возник и закрепился термин «агональный инстинкт». Под «агональным инстинктом» как метафорой понимается биологическое и природное высшим животным и человеку стремление к состязанию, соревнованию, конкуренции. (Поскольку мы разводим понятия «состязательность» и «агональность», рассматривая «состязательность» как первичный феномен, из которого происходит «агональность», то используем термин «состязательный инстинкт».)

На самых ранних стадиях культуры состязания были игрой, развлечением, забавой. Игра, как и состязательность, появляется раньше культуры, поскольку свойственна уже животным. Й. Хейзинга пишет: «Игра старше культуры, ибо понятие культуры... предполагает человеческое сообщество, а животные вовсе не ждали появления человека, чтобы он научил их играть... Животные играют точно так же, как люди. ...Они притворяются ужасно злыми, ...они совершенно очевидно испытывают при этом огромное удовольствие и радость» [29, с. 9—10]. Хейзинга описывает игру состязательного типа, где есть партнер-«противник», в отличии, например, от игры котенка с фантиком. Состязание щенят или котят есть игра. Таким образом, состязания уже в зоологическом мире реализовывался в форме игры как забавы, развлечения.

Такой же характер носили состязания и на начальных этапах культуры. Хейзинга уверенно помещает состязание в сферу игры: «...состязание, ... как и любую другую игру, следует считать до некоторой степени бесцельным» [29, с. 64].

Но уже на ранних этапах культуры состязательность разделилась на две большие сферы: это состязания, которые так и остались игрой, забавой, развлечением, и состязания, имеющие «серьезный», т. е. не игровой, характер, хотя формально это могли быть одни и те же виды состязаний.

В античности это разделение было уже четко зафиксировано и в культуре, и в языке. Язык «схватывает» это различие и разделяет состязание-игру и состязание, имеющие «серьезный», — т. е. совсем не развлекательный, — характер, «...оставляя за последним название игры *только как формальное, показывающее, что когда-то это тоже было игрой-забавой, развлечением, но сейчас таковыми не являются*» [29].

Так, Древней Греции существовали специальные термины, которыми греки обозначали два основных типа игр, которые они различали. Так, терминами παιδία (paidia)

и παιδία [29] древние греки называли тот тип игр, в которые играли дети: они гоняли мяч, перетягивали канат, играли в «бабки» и в «царей». Как видим, игра в мяч, перетягивание каната и бабки являются состязательными типами игр, в отличие, например, от той же игры в «царей», где суть игры заключается в подражании взрослой деятельности.

Для обозначения другого типа игр использовался термин ἀγών (agon, агон) [29], и который применялся к обозначению только того типа игры, который являлся не только состязательным типом, но был уже не развлечением, не детской забавой, но носил «серьезный» характер. Как утверждает Хейзинга, «...в содержании этого термина кроется вроде бы существенная часть понятия игры, однако значение «несерьезное», «игровое» в нем, как правило, отчетливо не выступает» [29, с. 43].

Во многих других языках также различаются названия состязания-развлечения, и состязания, имеющее «серьезный» характер. Так, у одного из алгонкинских племен все детские игры обозначаются терминами, в которых существует глагольная основа koani- [29]. Она не определяет какой-то конкретный или определенный вид игры, но обозначает игру детей вообще — от простой забавы до игры, организованной по правилам.

Однако, для обозначения *того же самого занятия, той же самой игры, но в которую в данный момент играют не дети, а молодежь или взрослые*, термин с глагольной основой koani— уже не применялся: «...когда называют определенную, ведущуюся по правилам игру, в которую играют молодежь или взрослые, будь это та же самая игра, в которую играют дети, то используют термин kachtsi-. Семантическим ядром в этом термине является «соревноваться», «побеждать» [29].

Тип игры «агон» считался высшим типом игры, и исторические исследования показывают, что этот тип игры так или иначе, но всегда был связан с религией, с культом. Так же обстояло дело в Древней Греции, Древней Индии, Древнем Египте. «В древнем Египте и в древней Греции спорт... возник и развился в теснейшей связи с культом, что придавало ему в известной степени сакральный характер» [19].

Именно агональные виды состязаний входили в программу Панэллинских (Олимпийских, Истмийских, Пифийских, Немейских) игр: состязания в беге, управлении колесниц, борьбе, кулачном бое, панкратионе, игре на флейте, кифаре, стихосложении, телосложении.

В олимпийских агонах воплощалась первобытные мифологические представления — делать то, что делали боги в начале времен. Человек, состязаясь в агонах, общался к их деятельности, становился их соучастником по творчеству: боги творили или обустроивали Мир-Вселенную, участник агона творили-обустроивали Мир-Культуру. Тем самым человек соотносился с богами, становился в некотором отношении равным им. Древний грек любил посостязаться с богами, вызвать их на поединок. У Пиндара есть строчки: «Есть племя людей, есть племя богов, дыхание в нас — от единой матери, но сила нам отпущена разная: человек — ничто, а медное небо — незыблемая обитель во веки веков. Но нечто есть, Возносящее и нас до небожителей, — будь то мощный дух, будь то сила естества». Все вместе это позволяет человеку поспорить и посостязаться с богами, «вознести человека до небожителей» [27]. Олимпионики — победители Олимпиад — почти приравнивались к богам, им воздвигали статуи, возносили почести. Олимпионик даже имел титул «второй Геракл», чем он «возносился до небожителей».

Олимпиада как квинтэссенция в рафинированном, идеально эталонном виде представляла, каким должен быть прекрасный, совершенный человек, гармоничный, т. е. сочетающий и уравнивающий в себе гимнастические (физические, телесные) и мусические (духовные) характеристики. Ведь богиня Гармония — это дочь Ареса — бога войны, и Афродиты — богини любви и красоты.

Состязательность свойственна и культуре Средних веков, хотя в 394 году н. э. римский император Феодосий своим указом запретил Олимпийские игры (наряду с театром и посещением терм) как языческие празднества, противные христианскому учению. Ссылаясь на Тертуллиана, Церковь объявила физические упражнения и игры бесовскими игрищами. Однако состязательность не только не исчезла из пространства европейской культуры, но и расширила сферу своего действия, хотя носила своеобразный — «средневековый» — характер, отражая основные фундаментальные основы всей средневековой культуры.

Так, в культуре Средневековья четко определяются две фундаментальные основы:

- культура Средних веков — это культура сплошных противоречий и вместе с тем — парадоксальное единство этих противоречий, которые совершенно не являлось таковыми

для мировоззрения самого человека Средних веков благодаря тому, что

- культура Средних веков — это культура символизма. «Для средневекового человека природа была «великим резервуаром символов» [13].

Благодаря первой основе состязательность не только не погибла в Средние века, но и продолжала развиваться. Что касается конкретных видов состязаний, то в Средние века это были рыцарские турниры, богословские диспуты, состязания трубачей и поэтов, праздничные состязания в различных физических забавах — борьба, поединки на палках, ручные и ножные игры с мячом.

Большой резонанс имели массовые городские праздники с использованием упражнений физической культуры, которые имели развлекательный и веселый характер. В полном соответствии с противоречивым характером средневековой культуры, монах Уильям Фитцстефан в своем «Описании жизни знатных горожан Лондона» 1175 г. пишет: «*Подобает* городу быть не только серьезным и просторным, но и *веселым и полным развлечений*... На пасху бои идут на воде (развлекательные, игровые)... На мосту, на берегу и в домах вдоль реки собирается много зрителей, у которых такие случаи вызывают *немало смеха*» [Цит. по: 12].

Как видим, состязания и здесь, как и в античную эпоху, привязываются к праздникам, т. е. помещаются в сферу игры. Состязания были обязательным типом развлечений на праздниках. В этом аспекте они не являлись чем-то «серьезным», а были просто забавой, развлечением, игрой.

Но в Средние века был тип состязания, который имел вполне «серьезный» характер. Это были рыцарские турниры. Исследователи средневековой состязательной культуры без сомнения придают турниру статус агона, поскольку турнир воплощал в себе идеологию христианства в аспекте борьбы Добра со Злом. Идеология рыцарских турниров и самого рыцарства символически реализовывала все мировоззрение и мирозерцание Средних веков, центральной осью культуры которых было христианство. Именно христианская религия сакрализовала идеал рыцарства, манифестировала и легитимировала мирозерцания рыцарства вообще, его роль в войнах и рыцарские турниры в частности. Так, средневековое христианство насквозь пропитано и сценарировано идеей вселенской борьбы и противостояния. В самой идее христианства есть идея борьбы, битвы — «ибо не мир

Я принес, но Меч», как сказано в Евангелии от Матфея.

Культура Средневековья со свойственной ей противоречивыми и противоположными представлениями, бинарными оппозициями резко разделяла весь мир на противоположные категории, группировала их по вертикальным отношениям: Земное противоположно и противостоит Небесному, Дьявол — Богу; понятие Верха соотносится с понятиями благородства, чистоты, добра; понятие Низа соотносится с моральной низостью, нечистотой, Злом.

Противоречивость и символизм средневековой культуры распространялся и на агональный аспект этой культуры. Агонистика в Средневековье находила духовные, смысловые и символические корни в христианстве — борьба Иакова с Богом, борьба Бога и Дьявола), и проникая в различные сословия средневекового общества. Отсюда, и агональность в Средние века имеет символический характер: она проникнута духом борьбы, борения с внешней опасностью, с внешним противником — например, язычниками («погаными»), и борьбой внутренней, душевной и духовной, борьбой со своими низменными инстинктами, дьявольскими соблазнами, со Злом в самой и в своей собственной душе человека.

«Внешняя борьба между варварством и цивилизацией, между язычником и христианином, становится психоманией, где олицетворения Добра и Зла, Души и Тела, Добродетелей и Пороков сражаются в человеческой душе. Брань внутренняя важнее внешней, внешняя брань только отражает внутреннее борение и своеобразную экзальтацию, сопровождающую воинскую доблесть и верность как истинные добродетели средневекового рыцаря, истинного христианского воина, отличающегося могучей силой и ловкостью в обращении с оружием. Свои исключительные способности он проявлял на охоте и в сражениях, в метании копья, состязаниях в беге, искусной верховой езде и т. п.» [35].

Таким образом, средневековый рыцарь воплотил в себе черты героя языческого эпоса, но одухотворенный и «очищенный» христианством, ставший духовным воином, защитником христианской религии, причем не только в материальном мире, но и в области духа.

Итак, в Средневековье, как и в Античности, состязательность выводилась на культурный, духовный уровень. Она находили себе опору в духовной жизни, в мифологии, религии, поскольку либо символически

повторяли деяния богов, либо — так же символически — продолжали битву Добра со Злом.

В Новом времени в культуре и цивилизации произошли кардинальные изменения, при которых агональность уже не могла иметь те трансцендентный заряд и направленность, которые имела в Античности и Средних веках.

Новое время — это эпоха различных революций: промышленных, научных, политических. Оно характеризуется определенным стилем мышления и активности человека. Эти мышление и активность породили такой стиль жизни, который определяется понятием «польза». «С самого начала буржуазной эпохи жить по-человечески означало жить полезно. Этика разумного человека выразит это формулой: «все должно быть полезным» [24]. Даже сам человек как таковой должен быть полезным для цивилизации, для ее основополагающих характеристик, продавая себя, свои навыки, время и пр. Адам Смит утверждал, что в Новое время человек в определенной мере сам стал товаром, поскольку на него смотрят прежде всего как на наемную рабочую силу, некий придаток машины или одушевленную машину, продающую свои функции. При этом онтологический статус человека резко снижается: он уже как бы и не совсем человек — он машина, которую при поломке можно заменить.

Одной из самых характерных и ярких черт цивилизации Нового времени, составляющей ее ядро, является конкуренция.

К. Маркс показал, что в основе рыночной экономики Нового времени лежат конкуренция и стремление к достижению экономического успеха. Девиз «главного» человека Нового времени — буржуа, капиталиста — любой ценой обогнать конкурента и добиться максимума прибыли. А для этого нужно развитие промышленности, науки, техники. Их развитие стимулируется капиталом, наука и техника постоянно устремлены в будущее, ориентированы на прогресс. Образно говоря, они стремятся обогнать время.

В Новое время конкурентная борьба проникает и в сферу искусства. С одной стороны, это не является чем-то принципиально новым — агоны в искусстве существовали в Древней Греции. Однако в Новое время одной чистой победы и символической награды за нее становиться мало. В Новое время при существующем и оточенном механизме «спрос-предложение» писатели — например — так же вступают в борьбу за публику, за читателя. Так, в XIX в. рабочие одной из лондонских типографий решили

издать «Робинзона Крузо», т. к., по их мнению, эта книга будет больше интересна читающей публике, и тем самым принесет больше дохода, на который рабочие смогут провести забастовку.

В Новое время произошли глобальные изменения и в духовной культуре Европейской цивилизации. Религия стала терять свою монополию на духовную жизнь общества, культуры в целом. Культура Нового времени стала как никогда секуляризированной.

Отсюда, духовная культура Нового времени несла угрозу, что состязательность останется забавой, развлечением, «несерьезным», игрой, поскольку имманентно в ней нет ничего, что делало бы ее практически полезной, значимой, необходимой для выживания социума, цивилизации. Если в Античную и Средневековую эпохи состязательность конституировалась своей связью с сакральным и религия придавала ей смысл, одухотворяла и ставила на службу культуре, то в Новое время религия сама потеряла монополию на духовную жизнь общества, перестала быть смыслообразующим механизмом общества.

Следовательно, состязательный инстинкт уже не мог обрести смысл через приобщение к трансцендентности, к Высшему, к духу, и подвергался реальной опасности остаться простой забавой, так как все, что не входит в парадигму цивилизации определенного типа, «выдавливается» этой цивилизацией, становится культурным маргиналом, влача жалкое существование на границе данного типа культуры и цивилизации, подобно тому, как это было, например, с последними Олимпиадами в раннем Средневековье. Состязательный инстинкт имел риск быть реализован только в игре, но игра не могла быть «серьезной» деятельностью с точки зрения духовной и ментальной парадигмы цивилизации Нового времени. Состязания же являлись бы только забавой, развлечением, поскольку не несли никакой пользы, прибыли и т. п. материальных выгод. И в Начале Нового времени развитие состязательности шло в этом направлении. Состязательность стали называть «спортом».

Термин происходит от старофранцузского «desport», и означает «развлечение, забава». Т. е. уже сам термин, найденный для общего обозначения состязательности, говорил об отношении социума Нового времени к состязательности. Хейзинга пишет: «Каждому знакомы рисунки первой половины прошлого (т. е. XIX) века, на которых игроки в

крикет изображены в цилиндрах. Эти рисунки говорят сами за себя» [29, с. 222].

Занятия таким спортом не носили организованного характера и не имели какой-то особой *самостоятельной культурной ценности — они были просто видом отдыха, забавой буржуа, тогда как основной и значимой деятельностью буржуа эпохи Нового времени являлась деятельность по извлечению пользы, или выгоды.* И все же развитие развлечений привело к появлению спорта в его современном понимании, который совершенно и абсолютно не является забавой, развлечением, чем-то несерьезным. Спорт — один из самых «серьезных» явлений современной культуры и цивилизации.

По какой причине цивилизация пользы не только не вытеснила бесполезное явление, но придала ему такой размах, которого состязательность не знала ни в Античности, ни в Средневековье? По нашему мнению, это произошло потому, что спорт, в основе которого лежит состязательность, а значит, и победа, в рафинированном виде как раз отражает и воплощает черты современной цивилизации. Возникновение спорта в Новом времени является закономерным продуктом тенденций развития цивилизации данной эпохи.

Появление и развитие спорта именно к цивилизации Нового времени было предопределено логикой развития этой цивилизации, перед которой во всю силу встала проблема смысла жизни, которая не возникала в предыдущие эпохи. А. В. Павлов пишет: «Раньше, в Средние века, его (человека) смысло-жизненная ориентация была сдвинута в сторону предначертанного смысла, теперь она так же деформирована в сторону смысла, полагаемого самим человеком. Из трансцендентной области смысл жизни переместился в трансцендентальную, от Высшего — в культуру» [24]. Встала необходимость решать эту проблему.

Именно такая особенность мышления человека Нового времени силится решить проблему смысла жизни, не выходя за рамки культуры, создавая особые феномены, в которых бы могла быть удовлетворена потребность в смысле жизни. Теряя смысл жизни трансцендентный, предначертанный религией, духом, т. е. чем-то высшим, человек сделал ряд попыток обрести его в культуре, создавая определенные смысловые ориентиры, в которых старается найти смысл. «Так появились смысло-жизненные ориентации, элитарные и массовые. К элитарным относятся наука для науки, искусство для искусства, религию, философию, политику, спорт выс-

ших достижений. К массовым ориентирам относятся польза, массовый спорт, мода, игра, развлечения, шоу, шопинг, духовный и религиозный синкретизм» [24].

Философия Просвещения учила о совершенствовании общества и человека под лозунгами торжества науки и прогресса. Человеческая потребность в состязании, в стремлении к превосходству, «первости» реализуемая посредством состязаний, как раз укладывалась в философию прогресса Нового времени — «быстрее, выше, сильнее». Поскольку мировоззрением всего общества Нового времени стала философия прогресса и пользы, то потребность человека в стремлении сделать что-то лучше другого, выразить это стремление и доказать свое превосходство в состязании полностью уложились в культуру Нового времени, более того, нашли в ней легитимирующее их начало, узаконивающее их философию, и уже не в качестве придатка религии, которая ранее узаконивала и придавала смысл этим потребностям, но в самом базисе культуры.

В. Зомбарт считал, что одним из важнейших проявлений «духа» цивилизации Нового времени является стремление к превосходству над соперниками, другими; утверждение своих силы, могущества, власти. Он, в частности, писал: «Позыв к могуществу, который я бы обозначил как четвертый признак современного духа, — это радость оттого, что имеешь возможность показать свое превосходство над другими» [17].

Постоянно повышающийся уровень достижений воплощал идею философии Просвещения о прогрессе. Именно поэтому, как только цивилизация Нового времени создавала новые образцы техники, так сразу же появлялись виды спорта для состязания и установки рекордов в использовании этих видов техники: велоспорт, автоспорт, мотоспорт, авиаспорт и пр.

К. Айзенберг пишет: «Спортивную мораль местных жителей (в других европейских странах, куда импортировали спорт из Англии — В. П.) отличали два совершенно «неанглийских» признака: они не находили ничего оскорбительного в том, чтобы принимать в качестве спортивных наград *наличные деньги, а также ценные кубки и медали с тем, чтобы при необходимости их продать.* И они дали слову рекорд (record) новое значение: если англичане понимали под этим документально подтвержденное достижение, на базе которого можно было рассчитывать шансы по ставкам, то для атлетов в странах-импортерах *рекорд являлся высшим достижением, которое следовало*

превысить... Образ спортсмена определялся здесь такими понятиями, как прогресс, скорость и опасность для жизни» [1].

Развитие промышленности, цивилизации в целом требовали и развития человека, чтобы не отстать от процесса прогресса цивилизации. Спортсмен становится теперь биологическим механизмом промышленной и технологической цивилизации, и будучи «одушевленной машиной», так же должен прогрессировать, развивая свои ресурсы и повышая показатели силы, скорости, техничности и пр. Т. е. для общества и цивилизации Нового времени, а особенно для XIX — первой половины XX в. «...принципиально то, что значения инструментальности, техничности (причем именно техник тела, т. е., «самой природы») соединяются в спорте с идеей универсального достижения идеального антропологического образца и с символами новой, посттрадиционной коллективной солидарности. Одна из главных идей — овладения собой, «преодоления» себя с помощью рациональных усилий и технических средств ради воплощения идеальных представлений о человеке и обществе ценою предельного напряжения, а нередко и большого риска» [14].

Итак, то, что ранее было просто игрой, развлечением, активным отдыхом, перестало им быть. Теперь этими видами развлечений можно было зарабатывать деньги, а самое главное — входить в новый тип культуры — культуры Нового времени, отличительной чертой которой становится выгода и конкуренция. Врожденное человеческое стремление к состязательности, агональный инстинкт гармонично вписываются в новую культуру. В древнегреческой культуре этот инстинкт облагораживался игрой, которая носила сакральный характер. Цивилизация Нового времени уже в своих основаниях имела конкурентную борьбу и выгоду. Капиталистический строй не только позволял, но и требовал такой борьбы, иначе человек, не разделявший таких взглядов и требований, «выдавливался» из культуры, становился маргиналом.

Можно сказать, что если в Античности и Средневековье агональность являлась символом трансцендентности, онтологической тоске о Горнем мире, о Высшем и путем к ним, то в *Новое время спорт является показательно-рафинированным символом сущностных характеристик цивилизации и культуры Нового времени.*

Говорить о смысле современного спорта — спорта 1-го и 2-го десятилетий XXI в. — весьма проблематично, как проблематично

говорить и о смысле культуры этого же времени. В спорте гораздо зримее проявляются ее основные черты.

В основе современной цивилизации лежат научно-технический и информационный прогресс. Ведущими направлениями в современном НТП которых стали ядерная энергетика, электроника, лазерная и робототехника, информатика, биотехнология, приборостроение, биологическая медицина, генетические исследования и др. Научно-технический прогресс произвел революцию в системе производительных сил общества, что привело к небывалому повышению производительности труда.

В свою очередь, такое беспрецедентное развитие современного производства привело к колоссальному увеличению ассортимента товара: продуктов, материальных благ, услуг, нужных для жизни людей. Все это, согласно марксизму, должно было бы привести к тому, что человек, удовлетворив материальные потребности, примется удовлетворять духовные. В целом, так оно и есть: человек пытается удовлетворить свои духовные запросы, однако эти запросы, согласно смысложизненным ориентирам цивилизации Нового времени, создаются в рамках этой самой цивилизации. Они, по сути, являются не духовными, а культурными потребностями, заданными самим человеком и типом культуры, которую он создает и в которой живет.

Современная культура находится в глубочайшем духовном кризисе и всеми силами ищет выходы из него, стараясь приобщиться то к восточным религиям, искажая их «втискиванием» в свое, удобно понимание; то к различного рода религиозному и духовному синкретизму, поиску гуру; то к просто получению максимального удовольствия от тех продуктов потребительского общества, что оно дает — «хлеба и зрелищ». Современная культура — это культура симулякров и шоу.

Современный спорт наполнен этими же чертами и отражает «дух общества», его ценности, приоритеты и ориентиры. «Спорт как социокультурное явление и социальный институт является микромоделью социальной системы, экономики и культуры страны» [8].

Представляется, что имеются все основания говорить о перерождении спорта. Классический спорт, основы которого были заложены П. де Кубертенем, уходит в прошлое. Д. Ш. Богданова пишет, что «...что спорт безвозвратно утратил свою форму, заданную бароном Пьером де Кубертенем и его сторонниками» [7].

На наших глазах на смену классическому спорту приходит новый, который еще не сложился в какой-то четкий вариант, поскольку есть продукт современной цивилизации, и потому отражает ее черты и смыслообразующие культурные ориентиры социума, рассмотренные А. В. Павловым [23].

Прежде всего, бросается в глаза постоянный рост все новых видов спорта и развитие зрелищных видов спорта, или придания изначально не зрелищным видам спорта зрелищности и характера шоу.

Виды спорта множатся несколькими способами:

- за счет придания этого статуса тому, что прежде было развлечением: керлинг, армрестлинг и др.;
- «почкованием», когда из одного спорта выделяются новые виды или самостоятельные номинации: тяжелая атлетика — пауэрлифтинг — жим лежа, бодибилдинг — бодифитнес, и пр.

Множатся спортивные федерации со своими правилами одного и того же вида спорта. Так, на сегодняшний день существует шесть международных ассоциаций и федераций бокса.

Существуют так называемые «альтернативные виды спорта», к которым «экстремальные», а так же гибридные, — причем весьма причудливые, — сформированные сочетанием различных классических, традиционных видов. Например, кросс-фит, подводное регби, слэмбол (гибрид баскетбола и гимнастики), игра в шахматы и бокс, киберспорт и т. п. Так, в 2006 г. в Германии был проведен футбольный турнир среди гуманоидных роботов — ROBOCUP. Существуют лиги кибератлетов и роботов-спортсменов.

Популяризация современного профессионального спорта через МЕДИА ведет к тому, что вся повседневная жизнь как спортсмена, так и болельщика, и даже человека, далекого от спорта вообще, вовлечена в пространство спортивного мировоззрения. МЕДИА в оповещении и освещении спортивных новостей, состязаний акцентирует внимание на увлекательных, зрелищных видах спорта, что приводит к тому, что «...массы теперь жаждут «банальных развлечений и грубых чувств... Именно в этот момент... спорт вырождается в зрелище» [18].

Достаточно большой вклад в придание спортивным соревнованиям характера шоу вносят специальные группы поддержки спортивным клубам или командам — чирлидинг (cheerleading). «Такие команды поддержки развлекают зрителей во время пе-

рерывов спортивных матчей, выполняя ряд действий — скандирование, гимнастические упражнения, акробатические элементы» [7].

Д. Богданова отмечает, что «...в спорте усиливаются процессы маргинализации, которые заключаются в его разделении на многие типы, удовлетворяющие современные потребности общества, и которые затрагивают и внутреннее пространство профессионального спорта, в частности <...> аудитории зрителей и телезрителей, болельщиков и «фанов» [7].

Маргинализация профессионального спорта в полной мере коснулась и самого профессионального спортсмена. Теперь он является уже не патриотом своей родной страны, но представляет собой новый транснациональный конструкт, который может быть гражданином разных государств, выступать в сборной страны, к которой не имеет гражданской принадлежности, или вообще выступать под «независимым флагом».

Широко распространилась тенденция участия спортсменов в околоспортивной и вообще не спортивной деятельности: многие спортсмены активно появляются на пресс-конференциях, светских мероприятиях, шоу-программах, благотворительных вечерах, в пространстве Интернета; снимаются в рекламе, кино, в глянцево-журналах; участвуют в политике.

Коммерциализация профессионального спорта привела к тому, что спортсмены стали предпринимателями своих спортивных навыков, возможностей собственного тела, самих себя как «спортивного продукта». Они совместно с клубами продают свои навыки, силу воли, стремление к победе и другие эмоции и «переживания», которые являются уже «ходовым» товаром, благодаря чему становятся участниками шоу-бизнеса. Профессиональный спорт сейчас представляет собой — том числе — развитую предпринимательскую деятельность, которая ставит своей целью удовлетворение коммерческих интересов различных профессиональных спортивных организаций. Т. е. современный спорт «представляет собой наиболее адекватную модель социума с политическими, экономическими, культурными проблемами» [7].

Таким образом, современный спорт, тренды его развития неразрывно и закономерно связаны с современной цивилизацией, с ее экономикой, политикой, образованием, наукой, нравственной культурой, со смысложизненными ценностными ориентирами; спортивные состязания уже неотделимы от зрелищности, шоу, экономической

выгоды, имиджа, стиля. Такая практика современного профессионального спорта, культивирующего маргинальные черты, полностью и закономерно отражает и воплощает ценностные черты и ориентиры современной цивилизации — «неомодерна». Иначе и быть не может, поскольку спорт — такое же явление культуры, как и все отсальное, и не может находиться в стороне от основных культурных процессов, иначе как явление культуры он погибнет.

Перечисленные качества спорта определяют роль спорта как выражения «духа общества» и сущностных черт цивилизации. Спорт как органичное явление культуры воплотил и отразил в себе идеи, характерные черты, особенности современного ему общества. Справедливо и обратное: спорт теперь творит стиль, свою собственную культуру, отношение к себе и другим, и спортивный язык — «соревнование», «рейтинг», «рекорд» и прочие спортивные термины стало возможным применять и в не спортивной деятельности: в современной политике, бизнесе, науке, искусстве.

Агональность более не нуждается в легитимизации религией, не нуждается в оправдании смыслом, поскольку сама являясь одним из оснований всей цивилизации Нового времени, в рафинированном виде отражающем черты цивилизации.

Агональность не несет трансцендентного, сакрального, религиозного характера, поскольку в современном мире уже сама религия во многом потеряла сакральное значение и смыслосозидающие функции. Теперь эти функции стала исполнять сама цивилизация, придавая смысл тенденциям, которые А. В. Павлов назвал смыслосозидающими ориентациями [23]. Агональность — теперь уже спорт — является одной из таких ориентаций. Она не нуждается в освящении чем-то высшим по отношению к ней, так как имеет характер смыслосозидающей необходимости, формирует смысл через самое себя.

Спорт является самостоятельным феноменом культуры и цивилизации со своим собственным мировоззрением, своей собственной идеологией и смыслом существования, в основе которых лежат такие мотивы, как стремление к достижению (рекорд), соревновательность и победа, и которые составляют — наряду с некоторыми другими — основные черты культуры и цивилизации Нового времени и Неомодерна.

1. Айзенберг К. Спортсмен // Логос. 2006. № 3. С. 3—22.

2. Акимкина М. А. Агональные аспекты европейской экономической культуры : автореф. дис. ... канд. филос. наук: 24.00.01. Ростов-н/Д., 2007. URL: http://hub.sfedu.ru/media/diss/74420180-a353-11e3-a4fd-003048621912/REF_106231a.pdf (дата обращения: 20.09.2018).

3. Алкемайер Т. (2006). Социология спорта. Телесные практики субъективации и самоинсценировки // Логос. № 3. С. 141—146.

4. Античная мифология. М. ; СПб., 2004. 463 с.

5. Базунов Б. Боги стадионов Эллады. М., 2002. 342 с.

6. Бахтин Н. М. Спорт и зрелище. Философия как живой опыт : избр. ст. М. : Лабиринт, 2008. С. 203—207.

7. Богданова Д. Ш. Профессиональный спорт в современной культуре: проблема маргинализации. URL: <https://psibook.com/religion/professionalnyy-sport-v-sovremennoy-kulture-problema-marginalizatsii.html> (дата обращения: 28.10.18, 27.11.18).

8. Быховская И. М. Спорт: социокультурная экспансия в современном мире. URL: <http://ib.knigi-x.ru/23kulturologiya/798341-1-filosofiya-sociologiya-kulturologiya-udk-7960111-bihovskaya-sport-sociokulturnaya-ekspansiya-sovremennom-mire-rassmatriri.php> (дата обращения: 10.11.2018).

9. Вакан Л. Социальная логика бокса в черном Чикаго: к социологии кулачного боя // Логос. 2006. № 3. С. 104—140.

10. Виолле-ле-Дюк Э. Э. Жизнь и развлечения в Средние века. URL: http://royallib.com/read/violleledyuk_egenemanuel/gizn_i_razvlecheniya_a_srednie_veka.html#40960 (дата обращения: 24.10.2018).

11. Гомер. Илиада / пер. Н. И. Гнедича. URL: http://raz.lib.ru/g/gomer/text_0030.shtml (дата обращения: 12.09.2018).

12. Григоревич В. В. Всеобщая история физической культуры и спорта. URL: http://ebooks.grsu.by/ist_sporta/1-fizicheskaya-kultura-v-evrope-v-srednie-veka.htm (дата обращения: 12.11.2018).

13. Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М. : Искусство, 1984. URL: http://www.al24.ru/wpcontent/uploads/2012/07/A_Ya_Gurevich_Kategorii_srednekovoy_kulturyi_2-e_izd._ispr._i_dop._M._Iskusstvo_1984

14. Дубин Б. Состязательность и солидарность, или Рождение спорта из духа общества. URL: <http://polit.ru/article/2007/02/19/dubin> (дата обращения: 06.11.2018).

15. Ершов В. А. Агональность как метод философии хозяйства // Театральная библиотека. URL: <http://lib.vkarp.com> (дата обращения: 14.10.2018).

16. Ершов В. А. Агональное как предмет социально-философского исследования : автореф. дис. ... канд. филос. наук. М. 2007. URL: <http://cheloveknauka.com/agonalnoe-kak-predmet-sotsialno-filosofskogo-issledovaniya> (дата обращения: 21.10.2018).

17. Зомбард В. Буржуа. URL: https://royallib.com/book/zombart_verner/burgia.html (дата обращения: 6.11.2018).

18. Лэш К. Выхрождение спорта // Логос. 2006. № 3. С. 23—30.
19. Культура Древнего Египта. М. : АН СССР, 1975. URL: <https://www.istmira.ru/istdr/kultura-drevnego-egipta/> (дата обращения: 12.11.2018).
20. Морган У. Философия спорта: Исторический и концептуальный обзор и оценка ее будущего // Логос. 2006. № 3. С. 147—159.
21. Мэй Р. Проблема тревоги. М. : Эксмо-Пресс, 2001. 432 с.
22. Мягкова С. Н., Истягина-Елисеева Е. А. Эволюция принципа состязательности в античности и Западноевропейском средневекье // Юбилейный сборник трудов ученых РГАФК, посвященный 80-летию академии. Т. 5. М., 2008. С. 96—104.
23. Павлов А. В. Перспектива неомодерна. Философия новой эпохи. URL: <http://www.academia.edu> (дата обращения: 28.10.2018).
24. Павлов А. В., Галкин В. Т. Современная первобытность. URL: <http://www.zubstom.ru/docs/index-1885.html> (дата обращения: 28.10.2018).
25. Платон. Диалоги : пер. с древнегреч. М. : АСТ ; Харьков : Фолио, 2001. 364 с.
26. Платон. Законы : пер. с древнегреч. // Сочинения : в 4 т. / под общ. ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса. Т. 3. Ч. 2. СПб., 2006.
27. Пиндар. Немейские песни. URL: <http://ancientrome.ru/antlitr/pindar/pindar02.htm> (дата обращения: 12.11.2018).
28. Режабек Е. Я. Агон как имманентная характеристика культуры Древней Греции // Театральная библиотека. URL: <http://lib.vkarp.com/2013/12/20> (дата обращения: 23.08.2018).
29. Хейзинга Й. Homo ludens (Человек играющий). В тени завтрашнего дня. М. : Прогресс : Прогресс-Академия, 1992. 464 с.
30. Чесноков Н. Н. Мельникова Н. Ю. Олимпийские игры Древней Греции и зарождение современного олимпийского движения. URL: <http://lib.sportedu.ru/gettext.idx?txid=718> (дата обращения: 06.11.2018).
31. Шанин Ю. В. Олимпия. История античного атлетизма. URL: <https://www.rulit.me/books/olimpiya-istoriya-antichnogo-atletizma-read-418022-1.html> (дата обращения: 06.11.2018).
32. Щербина А. В. Конкуренция как проявление агональности в экономической культуре : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Ростов-н/Д., 2006. URL: <http://cheloveknauka.com/konkurenciya-kak-proyavlenie-agonalnosti-v-ekonomicheskoy-kultur> (дата обращения: 01.11.2018).
33. Элиаде М. Священное и мирское. URL: https://royallib.com/book/eliade_mircha_svyashchennoe_i_mirskoe.html (дата обращения: 07.11.2018).
34. Элиас Н. Генезис спорта как социологическая проблема // Логос. 2006. № 3. С. 41—63.
35. Яровой А. В. Социокультурные проекции агональности // Театральная библиотека. URL: <http://lib.vkarp.com/2013/12/16> (дата обращения: 23.09.2018).
2. Akimkina M. Agonal aspects of European economic culture. Rostov-na-Donu, 2007. Available at: http://hub.sfedu.EN/media/diss/74420180-a353-11e3-a4fd-003048621912/REF_106231a.pdf, accessed 20.09.2018 [in Rus].
3. Altmaier T. (2006) *Logos*, no. 3, S. pp. 141—146 [in Rus].
4. Ancient mythology (2004). Moscow, St. Petersburg, 463 p. [in Rus].
5. Bazunov B. (2002) The gods of the stadiums of Greece. Moscow, 342 p. [in Rus].
6. Bakhtin N.M. (2008) Philosophy as a living experience. Moscow, Labirint, pp. 203—207 [in Rus].
7. Bogdanova D. Sh. Professional sport in modern culture: the problem of marginalization. Available at: <https://psibook.com/religion/professionalnyy-sport-v-sovremennoy-kulture-problema-marginalizatsii.html>, accessed 27.11.18 [in Rus].
8. Bykhovskaya I. M. Sport: socio-cultural expansion in the modern world. Available at: <http://ib.knigi-x.ru/23kulturologiya/798341-1-filosofiya-sociologiya-kulturologiya-udk-7960111-bihovskaya-sport-sociokulturnaya-ekspansiya-sovremennom-mire-rassmatri.php>, accessed 10.11.2018 [in Rus].
9. Wakan L. (2006) *Logos*, no. 3. pp. 104—140 [in Rus].
10. Violle-Le-Duc E. E. Life and entertainment in the Middle ages. Available at: http://royallib.com/read/violleledyuk_egenmanuel/gizn_i_razvlecheniya_a_srednie_veka.html#40960, accessed 24.10.2018 [in Rus].
11. Homer. The Iliad / translated by N. And. Gnedich. Available at: http://raz.lib.EN/g/gomer/text_0030.shtml, accessed 12.09.2018 [in Rus].
12. Grigorevich V.V. General history of physical culture and sport.: Available at: http://ebooks.grsu.by/ist_sporta/1-fizicheskaya-kultura-v-evrope-v-srednie-veka.htm, accessed 12.11.2018 [in Rus].
13. Gurevich A.J. (1984) Categories of medieval culture. Moscow, Iskusstvo. Available at: http://www.al24.ru/wpcontent/uploads/2012/07/A_Ya_Gurevich_Kategorii_srednevekovoy_kulturyi_2-e_izd._ispr_i_dop._M._Iskusstvo_1984, accessed 12.09.2018 [in Rus].
14. Dubin B. Competition and solidarity, or the Birth of sport from the spirit of society. Available at: <http://polit.ru/article/2007/02/19/dubin>, accessed 06.11.2018 [in Rus].
15. Ershov V. A. Arealmost as a method of philosophy of economy // Theatre library. Available at: <http://lib.vkarp.com>, accessed 14.10.2018 [in Rus].
16. Ershov V. A. (2007) Agonal as a subject of socio-philosophical research: author. Available at: <http://cheloveknauka.com/agonalnoe-kak-predmet-sotsialno-filosofskogo-issledovaniya>, accessed 21.10.2018 [in Rus].
17. Zombart V. Bourgeois. Available at: <https://royallib.com/book/Zombartverner/burgua.html>, accessed 06.11.2018 [in Rus].
18. Lash K. (2006) *Logos*, no. 3, pp. 23—40 [in Rus].
19. Ancient Egyptian Culture. Moscow, AN SSSR, 1975. Available at: <https://www.istmira.ru/istdr/kultura-drevnego-egipta>, accessed 12.11.2018 [in Rus].
20. Morgan W. (2006) *Logos*, no. 3, pp. 147—159 [in Rus].

References

1. Eisenberg K. (2006) *Logos*, no. 3, pp. 3—22 [in Rus].

21. May R. Anxiety Problem. Moscow, Eksmo-Press, 2001. 432 p. [in Rus].

22. Myagkova S.N., Istyagina-Yeliseyeva E.A. (2008) Evolution of the adversarial principle in antiquity and the Western European middle ages // Anniversary collection of works of scientists RGAFK, dedicated to the 80th anniversary of the Academy. Moscow, vol. 5, pp. 96—104 [in Rus].

23. Pavlov A.V. Neomodern Perspective. Philosophy of a new era. Available at: <http://www.academia.edu>, accessed 28.10.2018 [in Rus].

24. Pavlov A.V., Galkin T. V., Modern primitive. Available at: <http://www.zubstom.ru/docs/index-1885.html>, accessed 28.10.2018 [in Rus].

25. Plato (2001). Dialogues. Moscow, AST, Kharkov, Folio, 364 p. [in Rus].

26. Plato (2006). The laws. Works in four volumes. Vol. 3. Part 2. St. Petersburg [in Rus].

27. Pindar. Nemean songs. Available at: <http://ancientrome.ru/antlitr/pindar/pindar02.htm>, accessed 12.11.2018 [in Rus].

28. Rezhabek E.Ya. Agon as an immanent characteristic of the culture of Ancient Greece // Theatre library. Available at: <http://lib.vkarp.com/2013/12/20>, accessed 25.08.2018 [in Rus].

29. Huizinga (1992). Homo ludens (Man playing). In the shadow of tomorrow. Moscow, Progress, Progress-Academy, 464 p. [in Rus].

30. Garlic N.N., Melnikova N.Yu. The ancient Greek Olympic games and the birth of the modern Olympic movement. Available at: <http://lib.sportedu.ru/gettext.idc?txtid=718>, accessed 06.11.2018 [in Rus].

31. Shanin Yu.V. Olympia. History of ancient athleticism. Available at: <https://www.rulit.me/books/olimpiya-istoriya-antichnogo-atletizma-read-418022-1.html>, accessed 06.11.2018 [in Rus].

32. Shcherbina A.V. (2006) the Competition as a manifestation of analnot in economic culture. Rostov-na-Donu. Available at: <http://cheloveknauka.com/konkurenciya-kak-proyavlenie-agonalnosti-ekonomicheskoy-kultur>, accessed 01.11.2018 [in Rus].

33. Eliade M. the Sacred and the secular. Available at: https://royallib.com/book/eliade_mircha/svyashchennoe_i_mirskoe.html, accessed 07.11.2018 [in Rus].

34. Elias N. (2006) *Logos*, no. 3, pp. 41—63 [in Rus].

35. Yarovoj A.V. Social and cultural projection of analnot // Theatre library. Available at: <http://lib.vkarp.com/2013/12/16>, accessed 23.09.2018 [in Rus].

For citing: Pletnikov V.V.

Cultural and historical forms of agony.

Basal culture characteristics

underlying agonal forms //

Socium i vlast'. 2019. № 1 (75). P. 121—131.

UDC 008.1

CULTURAL AND HISTORICAL FORMS OF AGONY. BASAL CULTURE CHARACTERISTICS UNDERLYING AGONAL FORMS

Vladimir V. Pletnikov,

Municipal Autonomous Educational Establishment

of Supplementary Education for Children

«Centre of Out-of-School Work “Dzerzhinets”»,

psychologist,

Russian Federation, 625000, Tyumen,

ulitsa Ordzhonikidze, 56/2.

E-mail: organ@inbox.ru

Abstract

The article consider the cultural and historical basis of the forms of agonalism.

The author puts forward and substantiates the idea that competition (agonal), which is based on the so-called “agonal instinct” in literature, takes various forms throughout the history of culture, the basis of which is the basic and characteristic features of culture and civilization in which there are specific forms of agonality.

It is shown that the forms of agonality most closely correspond to the spiritual culture of the society and are inextricably linked to the entire structure of society and the foundations of culture.

The definition of agonality is clarified; the author shows its difference from competition game forms. The article may be of interest to philosophers, cultural scientists, sociologists, as well as to all who are interested in the place and role of sport in modern culture.

Key concepts:

competitiveness,

entertainments,

cultural forms of agonality,

basic features of civilization,

cultural backgrounds of agonality forms.

Для цитирования: Борисов С. В. Техника сократического диалога Оскара Бренифье (по итогам работы семинара «Искусство философской практики», Челябинск — Сатка, 12—13 февраля 2019 года, база отдыха «Эко-парк “Зюраткуль”») // Социум и власть. 2019. № 1 (75). С. 132—137.

УДК 128 + 141.3 + 159.9.01

ТЕХНИКА СОКРАТИЧЕСКОГО ДИАЛОГА ОСКАРА БРЕНИФЬЕ (ПО ИТОГАМ РАБОТЫ СЕМИНАРА «ИСКУССТВО ФИЛОСОФСКОЙ ПРАКТИКИ», ЧЕЛЯБИНСК — САТКА, 12—13 ФЕВРАЛЯ 2019 ГОДА, БАЗА ОТДЫХА «ЭКО-ПАРК “ЗЮРАТКУЛЬ”»)

Борисов Сергей Валентинович,
Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет), доктор философских наук, профессор. Российская Федерация, 454080, г. Челябинск, пр-т Ленина, 69.
E-mail: borisovsv69@mail.ru

Аннотация

Статья представляет собой описание и критический анализ техники сократического диалога, продемонстрированной философом-практиком Оскаром Бренифье на семинаре «Искусство философской практики», проходившем 2—13 февраля 2019 г. на базе отдыха «Эко-парк “Зюраткуль”» (Сатка, Челябинская область). Специфическая методика сократического диалога Оскара Бренифье заключается в идентификации неосознаваемых предпосылок суждений, задающей точку отсчета в анализе образа мысли. Это дает возможность занять противоположную позицию для формулировки простых гипотез, что позволяет артикулировать те проблемы, которые выявляются через сформулированные и опознанные концепты.

Ключевые понятия:
философская практика, сократический диалог, критическое мышление, Оскар Бренифье.

Философская практика постепенно приобретает популярность в России. Все больше людей, от рядового студента до руководителя крупной корпорации, осознают важность критического мышления для успешной профессиональной карьеры, кооперации в сфере бизнеса, образования, услуг, а также для развития индивидуальных навыков интеллектуальной деятельности, творчества, самопознания. Неслучайно главными направлениями работы уникального философского семинара «Искусство философской практики», организованного при поддержке руководства комбината «Магnezит» и администрации Саткинского района Челябинской области, стали следующие темы: «Философия в бизнесе и организации: как мыслить вместе, как оценивать людей с помощью философских инструментов, как аргументировать», «Философское консультирование: искусство задавать вопросы, преодолевать предубеждения и решать проблемы», «Личное развитие: самосознание и самопознание через философские упражнения».

Участие в данном семинаре не требовало никакой предварительной философской подготовки. Для ведущего данного семинара — французского философа-практика Оскара Бренифье — главное, чтобы участники руководствовались одним лишь стремлением научиться правильно мыслить, говорить, действовать. От руководителя семинара требовалось создать для этого необходимые условия. Имя Оскара Бренифье хорошо известно в области философской практики. Он является одним из основателей этого направления современной философии. Эксперт ЮНЕСКО, руководитель Института практической философии в Париже, Бренифье проявляет активную заинтересованность в распространении идей философской практики в России. В этом контексте философия предстает не как академическая дисциплина, основанная на истории идей, о которой просто рассказывает лектор, это множество способов философствования, это практическая деятельность. Здесь речь идет не столько о знаниях, сколько о приобретении и развитии навыков мышления, понимания, решения проблем. Именно эта практическая направленность делает методике Оскара Бренифье столь популярной и востребованной.

Перед участниками семинара стояла непростая задача: в течение двух дней освоить и апробировать основные процедуры критического мышления, реализуемого посредством сократического диалога. На первом этапе работы участникам семинара

ра предстояло определить значимую для них цель ведения сократического диалога. Для каждого открывался свой уникальный аспект этого мыслительного процесса: для кого-то — это установление неосознанных предпосылок мышления; для кого-то — возможность занять противоположную позицию, относительно своих первоначальных взглядов и убеждений; а кому-то было важно посредством сократического диалога выявить главные профессиональные проблемы, существующие пока в латентной форме. Поскольку осмысление всего этого проблемного поля, так или иначе, связано с навыками критического мышления, на втором этапе работы семинара участникам предстояло определить, что для них является основанием для намеченной цели: или установление правильной связи суждений, или умение определять и формулировать верное суждение, или умение установить правильную последовательность суждений.

Трудности обнаружались с самых первых шагов. Оказывается не так-то просто сформировать ясный и отчетливый дискурс из потока сознания, который для многих функционирует посредством свободных ассоциаций и затемняет моменты логических связок. Стоит задать себе вопрос: где связь между тем, что я говорю сейчас, и тем, что я сказал минуту назад? Этого вопроса достаточно, чтобы столкнуться с проблемой. Помимо выявления противоречий в рассуждениях участников, ведущему удалось постепенно привести их (участников) к осознанию пробелов и разрывов в их рассуждениях, которые указывают на ключевые, но неосознаваемые моменты. Это основное упражнение, основной прием, который многократно использовал Оскар Бренифье, что позволяло реконструировать единство, нащупывать границы скрытых предпосылок суждений, видеть моменты возникновения мысли, моменты критики, всего того, что способствовало кардинальной трансформации исходных предпосылок.

Как только выявлялось противоречие, у участников диалога появлялся повод задуматься над тем, в какой мере данное противоречие можно считать неизбежным атрибутом мысли. В этот момент ведущий неумолимо и методично задавал вопросы о том, какое из двух появившихся рассуждений является «верным» — даже если оба на первый взгляд можно назвать таковыми. Тем самым участникам предлагалось сравнить две различные позиции, оценить степень их убедительности, их достоинства

и, наконец, все-таки выбрать одну из них, что позволяло каждому осознать специфику собственного мышления.

«Почему Вы здесь? Что привело Вас сюда?» — неоднократно звучал от ведущего этот провокационный вопрос. Этот изначальный, предельно простой и естественный вопрос Бренифье неустанно обращал ко всем, чтобы каждый задал его самому себе. На первых этапах работы семинара ответы, в основном, сводились к следующим: «Потому что я не разбираюсь в философии», «Потому что философская практика интересна, и я хотел бы знать о ней больше», «Потому что меня интересует, что тот или иной философ думает по тому или иному поводу...». Дальше ведущий незамедлительно задавал встречные вопросы, чтобы выявить неосознанные собеседником предпосылки, которые кроются в этих попытках дать ответ (а по сути, в этих попытках не давать ответа). «Я не психолог и не психотерапевт, — отмечал Бренифье, — мне вовсе не обязательно знать “суть” вашей мысли, но я хочу подвинуть вас сформулировать ту или иную гипотезу, с которой мы будем работать дальше».

Семинар дал понять, что истина не обязательно прячется под прикрытием искренности или субъективной «аутентичности» и даже может быть ей противоположна; противоположна в той мере, в какой желание нередко противостоит разуму. С этой точки зрения, не так важно, предан ли человек той мысли, которую высказывает. Мы часто слышим: «Я не уверен в том, что говорю (или собираюсь сказать)». Но в чем мы, собственно, хотели бы быть уверены? Разве не эта неуверенность позволяет проверить на истинность нашу идею, тогда как любая уверенность будет только помехой в этом деле?

Если объяснение участника было слишком длинным или являлось предлогом для выражения его эмоций, Бренифье, пользуясь правом ведущего, решительно прерывал затянувшийся монолог. Точнее самому «оратору» становилось ясно тщетность его красноречия, поскольку, увлекшись монологом, он даже не замечал, что переводчик уже давно молчит, не пытаясь угнаться за темпом его страстной речи, а ведущий, не зная русского языка, просто ждет, когда схлынет эта «волна» слов. Затем от ведущего следовало конструктивное предложение: «Скажите мне в одной фразе, что Вам кажется существенным в Вашей речи. Если бы Вы могли сказать мне только одну фразу, что это была бы за фраза?». Как правило,

собеседник испытывал трудность с этим упражнением. Однако констатация этого затруднения служила началом к процессу дальнейшего философствования, продолжения процедуры сократического диалога.

Собеседники Бренифье нередко пытались обойти эту стадию дискуссии, прикрываясь относительностью обстоятельств или неопределенностью: «Это зависит <...>. Есть много причин <...>. Все слова или идеи важны» и тому подобное. Настаивая на необходимости выбирать и придавать мысли то или иное направление, ведущий, прежде всего, давал возможность опознать скрытые установки, предпосылки и предубеждения, чтобы затем поставить их под сомнение. После нескольких этапов реконструкции оснований (и отсекаания лишнего) многие участники диалога переживали своеобразный «травматический эффект». Однако, как объяснил позже сам Бренифье, именно «травма» дает возможность реконструировать основания и ключевые моменты того или иного типа мышления. Отделяя одни идеи от других, собеседник начинает осознавать сами логические операции, посредством которых он различает смыслы.

Чаще всего эта «травма» выражалась в своеобразной фрустрации. Во-первых, это фрустрация от того, что ведущий перебивает оратора, так как смутная и длинная речь, особенно та, что игнорирует слушателя, не имеет развития в диалоге. В этом отношении Бренифье был неумолим. Если эта речь не подпитывает непосредственно тему диалога, она бесполезна для разговора и ей не место в рамках данного тренинга. Во-вторых, фрустрация, связанная с определенной жесткостью: каждое высказывание подвергается анализу, и все сказанное кем-то «сгоряча», может быть использовано против него. В-третьих, фрустрация от длительности процесса: чем больше вопросы ведущего провоцируют у собеседника хаос и поток речи, тем скорее надо это остановить, не боясь тягостного и упрямого молчания, только так можно лучше понять суть дела. В-четвертых, фрустрация от «предательства», опять же в двойном смысле: предательство наших собственных слов, которые, с одной стороны, отражают то, что мы не желаем говорить, и, с другой стороны, которое не выражают того, что мы хотим сказать. В-пятых, фрустрация от небытия: не быть тем, чем мы хотим быть, не быть тем, во что мы верим, видеть себя разоблаченным, лишенным привычных истин, которые осознанно или нет, и порой на протяжении всей жизни, были частью нас самих.

Для этих случаев в арсенале Бренифье находились различные виды «болеутоляющего». Во-первых, ведущему удавалось быстро определять, когда нужно активно задавать вопросы, а когда наступает время мягко «соскользнуть» на другую тему, когда уместно говорить, а когда — слушать. Конечно, это не всегда легко угадать, так как нас легко зажечь огоньком беседы или нашими собственными желаниями (идти до конца, прийти к определенному выводу), а также негативными эмоциями (от раздражения до отчаяния) или другими личностными переживаниями.

Во-вторых, важны юмор, смех, игровые элементы, которые широко использует Бренифье. Они приносят эффект «спуска удил», позволяют собеседнику освободиться от себя, не дать захватить себя своей экзистенциальной драмой и даже безболезненно созерцать смехотворность собственной позиции.

В-третьих, ведущий дает возможность собеседнику выйти за пределы себя самого, посмотреть на себя как бы с позиции третьего лица: «Представим, что Вы читаете историю, где рассказывается, что...», «Представим, что Вы встретили кого-то и что все, что Вы знаете об этом человеке — это...». Такой простой эффект самоописания через третье лицо, который неоднократно использовал Бренифье, позволяет собеседнику забыть о своих интенциях, желаниях, иллюзиях и разочарованиях и заняться только своим суждением, причем таким, каким оно возникло в ходе дискуссии.

Как только определялась основная скрытая предпосылка, ведущий задавал ей противоположную перспективу. Речь идет об упражнении, которое Бренифье называет «мыслить немислимое». Какова бы ни была установка или ключевая проблема собеседника, ведущий просит его сформулировать противоположную гипотезу: «Если бы Вам надо было выразить критическую позицию по отношению к Вашей гипотезе, что бы Вы сказали? Придумайте самое весомое возражение, против дорогой Вашему сердцу идеи. Почувствуйте границы Ваших убеждений». Необходимость помыслить «немислимое» многих участников диалога буквально повергало в шок. Порой даже вырывался крик протеста: «Но это же невозможно! Я не хочу!». Но, как ни странно, вопреки всем ожиданиям, противоположная гипотеза оказывалась самой лучшей, что вынуждены были признать многие участники диалога.

Семинар никого не оставил равнодушным. Даже во время кофе-брейков и обе-

денного перерыва участники постоянно возвращались к воспроизведению основных моментов дискуссии: «Какую работу мы с вами проделали?», «Что здесь произошло за это время?». Это давало возможность перехода разговора на следующую ступень, ступень концептуального анализа. Участники семинара постоянно находились в ситуации включенного внимания, что давало возможность анализировать, как протекает диалог, оценивать поставленные цели, преодолевать неразбериху смыслов и высказываний, чтобы вычленив наиболее существенные элементы разговора. Это очень важный этап неформального общения, поскольку участники семинара, по сути, осознали в полной мере двойную (внутреннюю и внешнюю) перспективу работы человеческого рассудка, «пробужденного» философской практикой.

Таким образом, специфическая методика сократического диалога Оскара Бренифье состоит, прежде всего, в том, чтобы идентифицировать неосознаваемые предпосылки суждений собеседника, которые реально определяют его высказывания и действия. Во-первых, это позволяет осознать точку отсчета в его образе мысли. Во-вторых, это дает возможность занять противоположную позицию, чтобы трансформировать его «бесспорные» постулаты в простые гипотезы. В-третьих, это позволяет артикулировать те проблемы, которые выявляются через сформулированные и опознанные им концепты.

Семинар показал, что одной из главных и сложных задач, которые ставит перед собой философская практика в форме сократического диалога, — примирить человека с его собственной речью. Очень сложно побороть собственное многословие, которое, как известно, не всегда выражает глубину мысли. «Как же так? — возражают многие. — Ведь люди в большинстве своем говорят так много и охотно!». С этим не поспоришь: достаточно прислушаться к шуму голосов в общественном месте. Действительно, большинство из нас имеет обыкновение говорить много. Можно даже сказать, мы чувствуем себя вынужденными говорить. Одним из импульсов, толкающих нас к этому, является желание высказаться, связанное просто с нашей нетерпимостью к тишине. Тишина подозрительна, она тяготит и навеивает тоску. Необходимо по-настоящему доверять тому, с кем пребываешь в тишине или иметь для этого серьезные основания, иначе тишина будет свидетельствовать об отсутствии интереса, прерван-

ном диалоге или даже конфликте. Однако глубокие мысли рождаются не в минуты нашего многословия, а в минуты молчания. Именно на фоне молчания осознается вся ценность слов.

Еще одна проблема — самоутверждение посредством речи. Хотя каждый утверждает свою правоту, но далеко не каждый задумывается над тем, что означает «быть правым» и почему самоутверждение для нас так важно. Мы можем до бесконечности отстаивать свои убеждения, базируясь на том, что жизнь есть борьба, что ничего не дается просто так, что нужно проявлять волю и характер. Несомненно, это содержит в себе долю истины. Но у всего этого есть и обратная сторона: нас зачастую увлекает не убедительность суждений и бескорыстный поиск истины, а наша собственное самолюбование, что объясняет, почему иногда нам так трудно вести дискуссию, и почему она с такой легкостью переходит в выяснение отношений или спор ради спора.

Действительно, если бы человеком двигало только стремление к истине, к правильности суждений, то он вряд ли бы так заботился о признании со стороны других людей и не добивался бы этого с такой настойчивостью. Здесь даже не идет речь о какой-либо осознанной манипуляции, просто сократический диалог дает понять, насколько наша речь несвободна, несамодостаточна, ей все время необходим кто-то в качестве слушателя. Нам все время нужен этот слушатель, на которого мы рассчитываем, что он оценит нас по достоинству. Часто не осознавая этого напрямую, мы всегда находимся в поиске такого слушателя.

А вот еще одна проблема: что происходит с нами, когда мы почувствовали несостоятельность наших убеждений? Мои слова кажутся мне глупыми, потому что я не люблю себя? Или же я не люблю себя потому, что мои слова кажутся мне глупыми? На семинаре Оскара Бренифье каждому из нас неоднократно приходилось отвечать самому себе на эти вопросы. Однако самого Бренифье, как философа-практика, интересовало не это. В большей мере его интересовали сами механизмы мышления как такового, а не субъективность отдельной личности, психологические особенности которой невольно разоблачал сократический диалог. Потому мы опять возвращаемся к ключевому вопросу: каким же образом примирить собеседника с его собственной речью? Но примирить не для того, чтобы сделать его счастливым или самодовольным, а исключительно для того, что че-

ловека, не примирившийся с собственной речью, не способен ясно мыслить. Примирился со своей речью вовсе не означает сделать ее безупречной, построенной по всем правилам риторического искусства, как раз наоборот. Восхищение собственной речью часто является проявлением нарциссизма, самолюбования или, наоборот, недовольства собой, неумения дистанцироваться и взглянуть на вещи критически. Достаточно вспомнить, как многие участники семинара всеми силами пытались уклониться от конструктивной критики, оправдываясь или объясняя, что они на самом деле имели в виду, или даже категорически отрицая явное противоречие, чтобы вернуться в свое привычное внутреннее состояние, где они могли бы чувствовать себя комфортно.

Однако произнесенные слова уже не веротишь, они прозвучали, обрели посредством речи новый способ существования, стали выражением определенной позиции. Даже если мы станем их по-разному интерпретировать, пытаясь наделить их новыми значениями, в любом случае, они уже выражают нечто конкретное, и даже если мы будем трактовать их неверно (что случается довольно часто), мы не можем заставить их говорить все что нам угодно. Любое утверждение (что бы оно ни утверждало) обязательно влечет за собой собственное отрицание. Как ни парадоксально, но всякое утверждение является отрицанием уже самим фактом утверждения. Оно отрицает (явно или опосредованно), отвергая противоположность утверждаемого, или же умалчивая, не упоминая чего-то, отодвигая что-то на задний план. И чем больше говорящий стремится любой ценой не признавать отрицающего измерения собственной речи, тем яростнее он цепляется за слова.

Обобщая все сказанное, хочется поделиться мнениями участников семинара о ходе его работы, о том опыте, который они получили, о главных впечатлениях. Почти все отметили широту мышления Оскара Брениффе, его умение организовать диалог. Многими было отмечено, что семинар дал полезный материал для осмысления и саморазвития (главным образом посредством перенесения на себя всего того, что публичный анализ обнаруживал в других участниках). Для некоторых ведущих ассоциировался с хирургом, вскрывающим застарелые нарывы. Многих поражал потенциал сократического диалога, как при помощи вопросов-ответов и аргументов

можно прийти к пониманию самих себя. Для некоторых участников семинар открыл осознание тех черт характера, о существовании которых они даже не подозревали. Многие почувствовали себя загнанными в угол, поставленными в тупик. Всех поразила прямота и острота постановки вопросов ведущим. Для многих стала ясна техника мыслительного процесса, пришло более глубокое осознание того, насколько многозначен язык и как иногда язык нас выдает, поскольку наше мышление неотделимо от нашей личности. Много было высказано комплиментов в адрес Брениффе как блестящему полемисту, актеру, обладающему чувством юмора, гибкостью и чувствительностью к контексту диалога, умением при помощи цепочки вопросов-ответов приводить собеседника к гипотезе, противоречащей изначальной, умением «разговорить» людей, вовлечь в диалог. Вот в качестве примера несколько высказываний участников семинара: «Я понял, что такое эмоциональный интеллект, и какими методами можно с ним работать (как через базовую эмоцию “докопаться” до сути дела)». «Я осознала, что излишнее говорение — наша самая распространенная проблема».

Однако наряду с положительными моментами были и негативные отзывы. Эмоциональное впечатление от ведущего было не всегда приятным — от недовольства его излишней настойчивостью до обвинений в бестактности. Многим было не ясно, когда можно высказывать свое мнение, а когда нет. «Я испытывала переживание за других людей, за то, что ведущий создает для них дискомфорт». «Возможно, не все участники говорили правду». «Возможно, не все участники правильно понимают заданный им вопрос, во-первых, из-за неточности перевода, а во-вторых, так как не на все вопросы можно дать однозначный и категоричный ответ». «Оскар не всегда слышит, а может и не хочет слышать собеседника». Некоторых участников семинара смутило отсутствие их предварительного согласия на подобный формат работы, вызывающий сильный дискомфорт. Многие отмечали нежелание глубоко раскрывать себя на публике, в частности, перед присутствующими коллегами.

Тем не менее, следует сказать, что данный семинар, несомненно, стал настоящим событием для многих участников, большинство из которых впервые познакомились с одной из распространенных методик философской практики, представленной са-

мим мастером — Оскаром Бренифье. Схема семинара оказалась яркой и простой: шок — озарение — просветление. Положительные эмоции стимулируют мысль, отрицательные — тормозят. Участники семинара осознали это в полной мере. И как всегда семинар породил множество вопросов и дискуссионных тем. А если так, значит мысли пробудились и ищут своего применения в жизни...

For citation: Borisov S.V. Technique of the Socratic dialogue by Oscar Brenifier (following the results of the seminar "The Art of Philosophical Practice", Chelyabinsk — Satka, February 12—13, 2019, recreation center "Eco-Park "Zyuratkul"") // *Socium i vlast.* 2019. № 1 (75). С. 132—137.

UDC 128 + 141.3 + 159.9.01

**TECHNIQUE
OF THE SOCRATIC DIALOGUE
BY OSCAR BRENIFIER
(FOLLOWING THE RESULTS
OF THE SEMINAR
"THE ART
OF PHILOSOPHICAL
PRACTICE",
CHELYABINSK — SATKA,
FEBRUARY 12—13, 2019,
RECREATION CENTER
"ECO-PARK "ZYURATKUL"")**

Sergey V. Borisov,
Doctor of Philosophy, Professor,
South Ural State Humanitarian-Pedagogical
University, South Ural State University
(National Research University)
454080, Russia, Chelyabinsk, ulitsa Lenina, 69
E-mail: borisovsv69@mail.ru

Abstract

The article presents a description and critical analysis of the technique of the Socratic dialogue, demonstrated by the practical philosopher Oscar Brenifier at the seminar "The Art of Philosophical Practice", held February 12 - 13, 2019 at the Zyuratkul Eco-Park (Satka, Chelyabinsk Region). The specific methodology of the Socratic dialogue of Oscar Brenifier is to identify the unconscious premises of judgments, which sets the starting point in the analysis of the essence of thought. This makes it possible to take the opposite position for the formulation of simple hypotheses, which allows articulating the problems that are identified through the formulated and identified concepts.

Keywords:

philosophical practice,
Socratic dialogue,
critical thinking,
Oscar Brenifier.

Требования к оформлению статей и сообщений, представляемых в редакцию научного журнала «Социум и власть»

1. Автор направляет рукопись по электронной почте.
  2. Текст статьи представляется на русском языке объёмом 40 000 знаков, включая сноски. Файл должен читаться в формате Word. Шрифт Times New Roman Cyr, № 14 (включая название). Межстрочный интервал — одинарный. Поле со всех сторон 20 мм. Текст следует отформатировать по ширине, без переносов. Текст статьи (включая название) оформляется строчными буквами с абзацным отступом 1,25 см с помощью компьютерной программы (не вручную).
  3. В тексте шрифтовые выделения производятся светлым курсивом. Заголовки и подзаголовки набираются полужирным шрифтом.
  4. Иллюстративные материалы (рисунки, чертежи, графики, диаграммы, схемы) выполняются с помощью графических электронных редакторов. Все рисунки должны иметь последовательную нумерацию.
  5. Цифровые данные оформляются в таблицу. Каждая таблица должна иметь порядковый номер и название. Нумерация таблиц — сквозная. Сокращения слов в таблицах не допускаются, за исключением единиц измерения. Электронный вариант каждой таблицы и рисунка записывается также в отдельный файл.
  6. Название статьи набирается 14 кеглем, только первая буква в названии статьи прописная, остальные — строчные. Под названием статьи указываются фамилия, имя и отчество автора, место работы (учёбы), занимаемая должность, учёная степень и звание (если имеются), адрес места работы. Ниже приводятся аннотация и ключевые понятия.
  7. Ссылки на научную литературу оформляются по тексту в квадратных скобках (например, [7, с. 27]), в конце статьи — библиографический список в алфавитном порядке.
Количество источников не менее 20. Самоцитирование — не более 2-х источников.
  8. Ссылки оформляются в соответствии с требованиями ГОСТ 7.0.5—2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».
  9. На источники ненаучного характера (статистика, аналитика, учебные издания, нормативно-правовые акты и др.) оформляются сноски с помощью автоматической цифры.
  10. Статья должна быть классифицирована — иметь УДК.
  11. Автор указывает профиль статьи, представляемой к публикации.
  12. Помимо текста статьи, автором представляются отдельным файлом в электронном виде на русском и английском языках:
    - а) аннотация;
    - б) ключевые понятия (не более пяти);
    - в) сведения об авторе — Ф.И.О. (полностью), должность и место работы (учёбы), учёная степень, учёное звание, контактная информация (почтовый адрес с индексом, адрес электронной почты, контактный телефон);
    - г) шифр и название специальности, которой соответствует статья.
- Статьи, не отвечающие данным требованиям, к рецензированию не принимаются.
- Решение о публикации направленных в журнал статей принимается в течение шести месяцев со дня поступления рукописи в редакцию.
- В случае отклонения материалов в соответствии с замечаниями эксперта новый вариант статьи регистрируется вновь.
- Статьи подлежат рецензированию членами редакционной коллегии журнала.
- Статьи проходят проверку по системе «Антиплагиат».
- Представляя в редакцию рукопись статьи, автор берёт на себя обязательство до публикации рукописи в журнале «Социум и власть» не публиковать её ни полностью, ни частично в ином издании без согласия редакции.
- Образец оформления, а также рекомендации по подготовке статьи представлены на сайте журнала.
- Плата за публикацию рукописей не взимается.
- Контактная информация автора (адрес электронной почты, почтовый адрес) в журнале указывается обязательно.
- Авторские экземпляры вышедшего номера высылаются наложенным платежом в количестве, указанном в письменной заявке.
- Адрес редакции: 454077, г. Челябинск, ул. Комарова, 26, к. 308. Тел. 8(351) 771-42-30.
Адрес в сети Интернет: siv74.ru
E-mail: siv_jurnal@mail.ru

Requirements for the articles and memos presented for publication in the «Socium i vlast» journal

1. The author is to send one copy of the typescript by e-mail.
  2. The article is presented in Russian. The article should be 40,000 characters, including bibliography.* The file should be in Microsoft Word format. The font should be Times New Roman Cyr size 14 including the title. The line spacing is 1.0. The margins at all sides should be 20 mm. The text should be formatted breadthways and hyphenless justified. The text of the article or memo (including the title) should be done in lowercase letters with paragraph indent of 1.25 cm by software means, i.e. not by hand.
  3. All font highlighting should be done in light italics. All titles and subtitles should be done in semi-bold.
  4. All graphic materials (drawings, pictures, diagrams, graphs, schemes) should be done in image editing software. All images must be numbered sequentially.
  5. All numerical data should be done in tables. Each table should have its number and name. The numbering of the tables is continuous. The tables should not have shortenings except for the units of measurement. E-versions of each table and image should be also done in separate files.
  6. The title of the article should be done in size 14 font, the first letter is uppercase, and the rest are lowercase. The last name, first name and patronymic of the author, his place of work (study) and position, academic degree and rank (if applicable), place of work address should be given under the article title. Annotation and key concepts are given below.
  7. Scientific literature references should be done in square brackets (e.g. [7, p. 27]), and an alphabetized bibliography list is given at the end of the article. There should not be less than 20 reference sources. Self-citation should not be more than 2 reference sources.
  8. The references should be done in compliance with GOST 7.0.5-2008 requirements under «Bibliography reference. General requirements and rules».
  9. Unscientific reference sources (statistics, analytics, educational publications, regulatory legal acts and others) are referred to with the help of reference numbering.
  10. The article must be classified and have the UDC (Universal Decimal Classification).
  11. The author should note the agenda (specialization) of the article presented for publication.
  12. In addition to the text of the article the author should also present the following positions in a separate e-file in Russian and English:
    - a. annotation.
    - b. key concepts (up to 5).
    - c. Information about the author — Name, Patronymic, Last name (full), position and place of work (study), degree, academic rank, contact information (mailing address with ZIP code, e-mail, phone number).
    - d. course code and subject area to which the article corresponds to.
- The articles or memos not complying with the above mentioned requirements will not be reviewed and/or published.
- The publication of the received articles will be approved or declined within 6 months from the date of receiving the manuscript by the editor. In case the article is declined for publication due to the expert opinion, any corrected version of the article has to be registered again.
- The articles are to be reviewed by the journal editorial board.
- The articles are to be run through the «Antiplagiat» system.
- By presenting the typescript of the article to the editorial board, the author agrees not to publish the same article without consent of the editorial board fully or in part in any other media prior to its publication at the «SOCIMUM AND POWER» journal.
- Article submission example and recommendations on preparing an article are presented on the journal site.
- No charge is collected for reviewing and publishing of the articles.
- The contact information of the author (e-mail, postal address) will be necessarily quoted in the journal.
- The author's copies of the journal will be sent by mail order in the number specified in the application.
- Editorial address: 454077, Chelyabinsk, Komarova st., 26, room 308.
Tel. 8(351) 771-42-30
Website: siv74.ru
E-mail: siv_jurnal@mail.ru

